

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

7

КОГДА ПРИХОДИТСЯ СЛУШАТЬ
ПОЛ ПЛАТЯНО ДВОИМ

у Эдмунда
Терберн
ЛЛС

- [Герберт Уэллс](#)
 - [1. Бессонница](#)
 - [2. Летаргия](#)
 - [3. Пробуждение](#)
 - [4. Гул восстания](#)
 - [5. Движущиеся улицы](#)
 - [6. Зал Атласа](#)
 - [7. Комнаты безмолвия](#)
 - [8. По стеклянным кровлям](#)
 - [9. Народ восстал](#)
 - [10. Сражение во мраке](#)
 - [11. Всезнающий старик](#)
 - [12. Острог](#)
 - [13. Конец старого строя](#)
 - [14. Вид из Вороньего Гнезда](#)
 - [15. Избранное общество](#)
 - [16. Аэропил](#)
 - [17. Три дня](#)
 - [18. Грэхэм вспоминает](#)
 - [19. Взгляды Острога](#)
 - [20. На городских путях](#)
 - [21. Рабочие подземелья](#)
 - [22. Борьба в доме Белого Совета](#)
 - [23. В ожидании налета аэропланов](#)
 - [24. Налет аэропланов](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Герберт Уэллс

КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ

1. Бессонница

Как-то днем во время отлива мистер Избистер, молодой художник, временно остановившийся в Боскасле, отправился к живописной бухте Пентаргена, намереваясь осмотреть тамошние пещеры. Спускаясь по крутой тропинке к Пентаргену, он неожиданно наткнулся на человека, сидевшего на выступе скалы; человек этот был, по-видимому, в большом горе. Руки его бессильно лежали на коленях, воспаленные глаза были устремлены в одну точку, а лицо мокро от слез.

Заслышав шаги Избистера, незнакомец оглянулся. Оба смутились, особенно Избистер; чтобы прервать неловкое молчание, он глубокомысленно заметил, что погода не по сезону жаркая.

— Невероятно, — согласился незнакомец и секунду спустя добавил как бы про себя: — Я никак не могу уснуть.

Мистер Избистер остановился.

— Неужели? — спросил он, всем своим видом выражая сочувствие.

— Вы не поверите, я не сплю уже шесть суток, — заявил незнакомец, устало глядя на Избистера, и вяло взмахнул рукой, как бы подчеркивая сказанное.

— Обращались вы к доктору?

— Конечно. Но все без толку. Лекарства... Моя нервная система... Они хороши для других... Это трудно объяснить. Но я не могу принимать... лекарства в больших дозах.

— Это усложняет дело, — заметил Избистер.

Он нерешительно топтался на узкой тропинке, не зная, что предпринять. Очевидно, незнакомец не прочь был побеседовать. Естественно, что при таких обстоятельствах мастер Избистер решил поддержать разговор.

— Сам я никогда не страдал бессонницей, — сказал он непринужденным тоном, — но думаю, что против нее можно найти какое-нибудь средство.

— Я не могу рисковать, — утомленно сказал незнакомец и отрицательно покачал головой.

Оба замолчали.

— Ну, а физические упражнения? — нерешительно начал Избистер, переводя взгляд с изможденного лица собеседника на его костюм туриста.

— Уже испробовано. Пожалуй, это и неразумно. Из Нью-Куэя я пошел пешком по берегу; прошагал несколько дней. К нервному расстройству присоединилась еще физическая усталость. Причина этой бессонницы — переутомление, неприятности... Видите ли...

Он словно бы изнемог и замолчал. Исхудалой рукой он потер себе лоб. Затем продолжал, будто разговаривая сам с собой:

— Я одинок, скитаюсь по свету и нигде не нахожу себе места. У меня нет ни жены, ни детей. Кто это назвал бездетных мертвым сучком на дереве жизни? У меня нет ни жены, ни детей, никаких обязанностей. Никаких желаний. Наконец я нашел для себя дело. Я сказал себе, что должен это сделать, должен побороть свою вялость. Я начал принимать лекарства. Боже, сколько истребил я этих лекарств! Не знаю, приходилось ли вам чувствовать когда-нибудь тяжесть своего тела, как оно настойчиво требует от нас внимания, сколько берет времени... Время... Жизнь! Ведь мы живем урывками; мы должны есть, и после еды появляется ощущение приятной сытости или же неприятной. Мы должны дышать свежим воздухом, а не то наш разум цепенеет, заходит в тупик и проваливается в бездну. Тысячи разнообразных развлечений, а затем нами овладевают дремота и сон. Человек, кажется, живет только для того, чтобы спать. Какая незначительная часть суток принадлежит в действительности человеку даже в самом лучшем случае! А тут еще эти ложные друзья человечества, эти пособники смерти, алкалоиды, которые перебарывают естественную усталость и убивают сон: черный кофе, кокаин...

— Понимаю, — заметил Избистер.

— Я делал то, что хотел, — продолжал незнакомец с раздражением в голосе.

— И теперь за это расплачиваетесь?

— Да.

Оба собеседника некоторое время молчали.

— Вы не можете себе представить, до чего мне хочется спать; это похоже на голод, на жажду. Все эти шесть бесконечно длинных суток

с тех пор, как я кончил свою работу, у меня в мозгу водоворот, бурный, непрерывный, хаотический поток мыслей, ни к чему и никуда не ведущий, стремительно засасывает меня в бездну. В бездну, — добавил он, помолчав.

— Вам необходимо уснуть, — сказал Избистер решительно и с таким видом, будто он нашел верное средство. — Совершенно необходимо.

— Мой разум необычайно ясен. Так никогда не было. И тем не менее я сознаю, что меня затягивает водоворот. Сейчас...

— Что такое?

— Приходилось вам видеть, как исчезает какой-нибудь предмет в водовороте? Расстаться с солнечным светом, с рассудком...

— Однако... — перебил его Избистер.

Незнакомец протянул руку, глаза его стали безумными, и он крикнул:

— Я должен покончить с собой. Хотя бы у подножия этого мрачного обрыва, где зеленая зыбь клокочет белой пеной, куда стекает этот ручеек. По крайней мере там... сон.

— Это безрассудно, — возразил Избистер, напуганный истерическим взрывом незнакомца. — Уж лучше попробовать лекарства.

— Зато там сон, — твердил незнакомец, не слушая.

Избистер посмотрел на него, и ему пришло в голову: уж не сама ли судьба свела их сегодня друг с другом?

— Совсем не обязательно, — сказал он. — Около Лулвортской бухты есть обрыв такой же высокий, оттуда упала маленькая девочка — и осталась жива. Она и по сей день здорова и невредима.

— Но эти скалы?

— На них можно провалиться со сломанными костями всю ночь напролет, и волны будут обдавать вас холодным душем. Недурно?

Их взгляды встретились.

— К сожалению, ваш способ не выдерживает критики, — продолжал Избистер с сардонической усмешкой. — Для самоубийства ни эта скала, ни другая не годится, — это я говорю, как художник, — он засмеялся, — слишком уж отдает плохим любительством.

— Но что же тогда? — сказал незнакомец в замешательстве. — Что же еще? Разве можно сохранить рассудок, если все ночи...

— Вы шли один по берегу?

— Один.

— Ну и глупо сделали. Надеюсь, вы не обидитесь на мои слова? Один! Вы же сами сказали, что физическое утомление — это не лекарство для уставшего мозга. И кто это вам посоветовал? Что ж тут удивительного! Идти одному, над головой солнце, вас томит жара, усталость, одиночество — и так в продолжение целого дня. А затем вы, наверное, ложились в постель и попытались заснуть. Не так ли?

Избистер замолчал и участливо посмотрел на больного.

— Посмотрите на эти скалы! — вдруг воскликнул незнакомец в порыве отчаяния. — Посмотрите на это море, которое волнуется и сверкает уже много-много веков. Посмотрите на белые брызги пены около этой скалы! На этот голубой свод, откуда льются ослепительные лучи солнца!.. Это ваш мир. Он вам понятен, вы наслаждаетесь им. Он согревает, поддерживает вас, он восхищает вас. Но для меня... — Он поднял голову, лицо его было мертвенно-бледным, глаза мутные и красные, губы бескровные. — Глядя на эту красоту, я еще острее чувствую, как я несчастен. Как ни прекрасен мир, я ни на минуту не забываю о своем несчастье, — прошептал он.

Избистер взглянул на дикую живописную картину залитых солнцем скал, а затем на мрачное лицо незнакомца. Несколько мгновений Избистер стоял молча. Потом встрепенулся и сделал нетерпеливое движение.

— К вам вернется сон, — сказал он, — и вы перестанете так мрачно смотреть на мир, помяните мое слово.

Теперь он уже был уверен, что эта встреча не случайна. Еще полчаса назад он чувствовал скуку и пустоту. Теперь же ему предстояла трудная и благородная задача. Он тотчас же принял решение. Прежде всего этот несчастный нуждается в дружеском участии.

Избистер примостился на краю мшистого утеса рядом с неподвижно сидевшим незнакомцем и изо всех сил начал развлекать его. Но тот словно погрузился в апатию; он угрюмо смотрел на море и лишь коротко отвечал на вопросы Избистера, однако не выказывал неудовольствия по поводу непрошеного сочувствия. Казалось, он даже был рад этому, и когда Избистер, видя, что разговор не клеится, предложил подняться наверх и вернуться в Боскасль, чтобы

полюбоваться на Блэкапит, он охотно согласился. На полпути он принялся разговаривать сам с собой, а потом внезапно повернул к Избистеру свое мертвенное лицо.

— Чем же это все кончится? — спросил он, сделав слабый жест рукой. — Чем же это все кончится? Все идет кругом, кругом, кругом. Все непрестанно вертится, вертится, вертится...

Остановившись, он очертил рукой круг в воздухе.

— Отлично, дружище, — сказал Избистер с видом старого приятеля. — Не мучайте себя понапрасну. Положитесь на меня.

Незнакомец отвернулся и опустил руку. Они продолжали подниматься по узкой тропинке, змеившейся на краю обрыва, направляясь к мысу за Пенэлли; страдающий бессонницей человек шел впереди Избистера, он то и дело жестикулировал, роняя бессвязные, отрывочные слова. Дойдя до мыса, они остановились на том месте, откуда открывается вид на мрачный, таинственный Блэкапит, и незнакомец присел отдохнуть. Как только тропинка стала шире, они пошли рядом, Избистер возобновил разговор. Он только что начал распространяться о затруднениях, с которыми сталкивались в непогоду при постройке Боскасльской гавани, как вдруг спутник перебил его.

— Моя голова совсем не та, что раньше, — проговорил он, для большей выразительности подкрепляя слова жестами. — Совсем не та, что раньше. Я чувствую какое-то давление, тяжесть. Нет, это не сонливость. Это похоже на тень, глубокую тень, внезапно и быстро падающую на что-то живое, деятельное. Все кружится и погружается во мрак, во мрак. Полный сумбур мыслей и водоворот, водоворот. Я не могу этого выразить. Я с трудом могу сосредоточиться и говорить с вами об этом.

Видимо, ослабев, он остановился.

— Не утруждайте себя, дружище, — сказал Избистер. — Мне кажется, я понимаю вас. Во всяком случае, нет никакой надобности рассказывать об этих вещах.

Незнакомец начал протирать себе глаза. Избистер попытался было поддержать разговор, потом у него мелькнула новая мысль.

— Пойдемте ко мне, — предложил он, — посидим и покурим. Я покажу вам мои наброски Блэкапита. Хотите?

Незнакомец покорно встал и пошел за ним вниз по склону.

Движения его были медленны и неуверенны, и Избистер слышал, как он спотыкался, спускаясь с горы.

— Войдемте ко мне, — пригласил Избистер. — Не хотите ли сигарету или чего-нибудь спиртного? Вы употребляете крепкие напитки?

Незнакомец в нерешительности остановился у садовой калитки. По-видимому, он не отдавал себе отчета в своих действиях.

— Я ничего не пью, — медленно произнес он, поднимаясь по садовой дорожке. — Нет, — повторил он спустя минуту, — я ничего не пью. Все кружится, все вертится колесом.

Споткнувшись на пороге, он вошел в комнату, точно слепой.

Затем тяжело опустился, почти упал в кресло. Наклонился вперед, сжал лоб руками и замер. Из груди его вырвался сдавленный вздох.

Избистер суетился с растерянным видом, какой бывает у неопытных хозяев, произнося отрывочные фразы, которые почти не требовали ответа. Он взял папку, потом переложил ее на стол и посмотрел на часы, стоявшие на камине.

— Надеюсь, вы не откажетесь поужинать со мной, — сказал он, держа в руке незакуренную сигарету и думая, что гость его, вероятно, страдает от злоупотребления наркотиками. — Могу вам предложить только холодную баранину, но она прямо великолепная. По-уэльски. И еще, кажется, сладкий пирог.

Он дважды повторил приглашение.

Незнакомец молчал. Избистер остановился со спичкой в руке и взглянул на своего гостя.

Тот продолжал молчать. Избистер выронил спичку и, так и не закурив, положил на стол сигарету. Казалось, незнакомец задремал. Избистер взял папку, открыл ее, снова закрыл; он колебался, говорить ему или нет.

— Быть может... — начал он шепотом.

Он взглянул на дверь, потом на гостя в кресле. Затем осторожно, на цыпочках, оглядываясь на своего гостя, вышел из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь.

Наружная дверь оставалась открытой; Избистер вышел в сад и остановился возле куста волчьего аконита. Отсюда через открытое

окно он мог видеть незнакомца, неподвижно сидящего все в той же позе.

Проходившие по дороге дети остановились и с любопытством глядели на художника. Какой-то моряк обменялся с ним приветствиями. Избистер подумал, что его выжидательная поза привлекает внимание прохожих, и решил закурить: так у него будет более естественный вид. Он вытащил из кармана трубку и кисет и принялся медленно набивать ее табаком.

— Странно, — прошептал он с некоторым неудовольствием. — Во всяком случае, надо дать ему выспаться.

Энергичным движением он зажег спичку и закурил.

В этот миг он услышал шаги своей квартирной хозяйки, которая выходила с зажженной лампой из кухни. Он обернулся и, помахав ей трубкой, успел остановить ее на пороге в гостиную. Так как она ничего не знала о его госте, то он постарался шепотом объяснить ей, в чем дело. Хозяйка ушла со своей лампой обратно в кухню, по-видимому, не вполне ему поверив.

Он покраснел и, чувствуя какую-то неловкость, притаился за углом веранды.

Избистер выкурил всю трубку. В воздухе начали реять летучие мыши. Наконец любопытство взяло верх, и он осторожно, на цыпочках, вернулся в темную гостиную. Открыв дверь, он на минуту приостановился. Незнакомец по-прежнему неподвижно сидел в кресле, его силуэт вырисовывался на фоне окна. Было тихо, только издали доносилось пение матросов на судах, перевозящих графит. Стебли аконита и дельфиниума, прямые и неподвижные, смутно вырисовывались на темном фоне холмов. Внезапно Избистер вздрогнул, перегнулся через стол и стал прислушиваться. Неясное подозрение перешло в уверенность. Удивление сменил страх.

Он не слышал дыхания сидящего в кресле человека.

Избистер медленно и бесшумно обошел стол, он дважды останавливался, прислушиваясь. Положил руку на спинку кресла и нагнулся, почти касаясь головы незнакомца.

Желая заглянуть ему в лицо, Избистер нагнулся еще ниже. Потом вздрогнул и вскрикнул. Вместо глаз он увидел только белки.

Взглянув еще раз, он понял, что веки раскрыты, но зрачки закатились вверх. Избистер не на шутку испугался. Уже не считаясь с

необычным состоянием незнакомца, он схватил его за плечо и потряс.

— Вы спите? — крикнул он громким голосом. — Вы спите?

Он уже не сомневался, что незнакомец мертв.

Избистер внезапно засуетился. Он стал метаться по комнате, наткнулся на стол и позвонил.

— Принесите, пожалуйста, поскорее лампу! — крикнул он в коридор. — Моему приятелю дурно.

Затем он вернулся к неподвижно сидевшему незнакомцу, потряс его за плечи и окликнул. Скоро комната осветилась желтоватым светом лампы, которую внесла встревоженная и удивленная хозяйка. Лицо Избистера было бледно, когда он повернулся к ней.

— Необходимо позвать доктора, — сказал он. — Это или смерть, или обморок. Есть здесь в деревне доктор? Где я могу найти доктора?

2. Летаргия

Состояние каталептического окоченения, в которое впал незнакомец, длилось довольно долго. Затем тело его стало мягким и приняло положение, как у безмятежно спящего человека. Глаза его удалось закрыть.

Из гостиницы больного доставили в боскасльскую больницу, а оттуда через несколько недель в Лондон. Несмотря на все старания, его не смогли разбудить. Наконец по причинам, о которых будет в свое время сказано, решили оставить его в покое. Долгое время спящий лежал в этом странном состоянии, недвижимый и безучастный, не мертвый и не живой, застыв на границе между жизнью и смертью. Он словно провалился в темную бездну: ни признака мысли, ни тени чувства; это был сон без сновидений, всеобъемлющая тишина. Бурный вихрь его мыслей был поглощен и затоплен приливом молчания. Где находился этот человек? Где вообще находится впавший в бесчувствие?

— Мне кажется, что все это было вчера, — сказал Избистер. — Я помню все так ясно, как будто это случилось только вчера.

Это был тот самый Избистер, о котором шла речь в первой главе нашего рассказа, но уже немолодой. Волосы его, прежде каштановые, подстриженные по моде, коротким ежиком, теперь серебрились, а лицо, раньше свежее и румяное, поблекло и пожелтело. В его остроконечной бородке пробивалась седина. Он беседовал с пожилым человеком в костюме из легкой летней материи (лето в этом году было необычайно жаркое). Собеседника его звали Уорминг, это был лондонский поверенный и ближайший родственник Грэхэма, так звали человека, впавшего в летаргический сон.

Оба собеседника стояли рядом в комнате одного из лондонских зданий и смотрели на человека в длинной рубашке, безжизненно лежащего перед ними на гуттаперчевом надутом матрасе. Осунувшееся желтое лицо, небритый подбородок, оцепенелые члены, бескровные ногти. Стекланный колпак отделял эту странную, неестественную мумию от жизни.

Собеседники сквозь стекло пристально всматривались в лежащего.

— Я был прямо потрясен; — произнес Избистер. — Меня и теперь пробирает дрожь, как только я вспомню о его белых глазах. Зрачки его, понимаете ли, закатились вверх, оставались одни белки. Сейчас я это невольно вспомнил.

— Разве вы не видели его с тех пор? — спросил Уорминг.

— Я не раз хотел посмотреть, — отвечал Избистер, — но я был так занят — ни минуты свободной. Кроме того, я почти все это время провел в Америке.

— Если не ошибаюсь, — заметил Уорминг, — вы были тогда художником?

— Да. Потом я вскоре женился и понял, что искусством сыт не будешь, в особенности если нет большого таланта, и взялся за ум. Рекламы на дуврских скалах — моя работа.

— Хорошие рекламы, — согласился Уорминг, — хотя они меня не слишком порадовали.

— Зато долговечны, как скалы! — самодовольно заявил Избистер. — Мир изменяется. Когда он заснул двадцать лет тому назад, я жил в Боскасле, у меня был только ящик с акварельными красками да благородные несбыточные мечты. Мог ли я думать, что мои краски прославят все английское побережье от Лендсэнда до Лизарда! Часто бывает, что счастье приходит к человеку неожиданно.

Уорминг, казалось, сомневался: уж такое ли это счастье?

— Насколько я помню, мы с вами тогда разъехались?

— Вы вернулись в том самом экипаже, который доставил меня на Камелфордскую железнодорожную станцию. Это было как раз во время юбилея, юбилея Виктории; я отлично помню трибуны и флаги в Вестминстере и множество экипажей в Челси.

— Это был второй юбилей, бриллиантовый, — заметил Уорминг.

— О да! Во время ее первого юбилея, пятидесятилетия, я жил в Вукее и был еще мальчиком. Я пропустил все это... Сколько хлопот нам доставил этот незнакомец! Он был похож на мертвого, моя хозяйка не хотела его держать. Мы в кресле перенесли его в гостиницу. Доктор из Боскасла — не этот, а другой, который жил там раньше, — провозился с ним чуть ли не до двух часов ночи. Я и хозяин гостиницы помогали.

— Это было, так сказать, каталептическое состояние?

— Он оцепенел. Вы могли бы придать ему любое положение. Поставить его на голову. Никогда мне не приходилось видеть такой окоченелости. Теперь, — движением головы Избистер показал на распростертую за стеклом фигуру, — совсем другое. Тот маленький доктор... как его фамилия?

— Смисерс.

— Да, Смисерс... потерял столько времени, надеясь привести его в чувство. Чего только он не делал! Прямо мороз по коже пробирает: горчичники, искусственное дыхание, уколы. А потом эти дьявольские машинки, не динамо...

— Индуктивные спирали?

— Да. Ужасно было видеть, как дрожали и сокращались его мускулы, как извивалось и билось его тело. Представьте себе: две тусклые свечи, бросающие желтоватый свет, от которого колеблются и разбегаются тени, этот маленький вертлявый доктор — и он, бьющийся и извивающийся самым неестественным образом. Мне и теперь иногда это мерещится.

Оба замолчали.

— Странное состояние, — произнес наконец Уорминг.

— Полное отсутствие сознания, — продолжал Избистер. — Здесь лежит одно тело. Не мертвое и не живое. Это похоже на пустое место с надписью «занято». Ни ощущений, ни пищеварения, ни пульса, ни намека на движение. В этом теле я совсем не ощущаю человеческой личности. Он более мертв, чем действительно умерший; доктора мне говорили, что даже волосы у него не растут, тогда как у покойников они продолжают расти.

— Я знаю, — сказал Уорминг, и лицо его потемнело.

Они вновь посмотрели сквозь стекло. Грэхэм лежал в странном состоянии транса, еще не наблюдавшегося в истории медицины. Правда, иногда транс длится около года, но по прошествии этого времени спящий или просыпается, или умирает; иногда сначала первое, затем второе. Избистер заметил следы от уколов (доктора впрыскивали ему питательные вещества с целью поддержать жизненные силы); он указал на них Уормингу, который старался их не замечать.

— Пока он лежал здесь, — не без самодовольства сказал Избистер, — я изменил свои взгляды на жизнь, женился, воспитал детей. Мой старший сын — а тогда я еще и не помышлял о сыновьях — гражданин Америки и скоро окончит Гарвардский университет. В волосах у меня уже появилась седина. А вот он все тот же: не постарел, не поумнел, такой же, каким был я в дни своей молодости. Как это странно!

— Я тоже постарел, — заметил Уорминг. — А ведь я играл с ним в крикет, когда он был мальчиком. Он выглядит совсем еще молодым. Только немного пожелтел. Ну совсем молодой человек!

— За это время была война, — сказал Избистер.

— Да, пришлось ее пережить.

— И потом эти марсиане.

— Скажите, — спросил Избистер после некоторой паузы, — ведь у него, кажется, было небольшое состояние?

— Да, было, — ответил Уорминг. Он принужденно кашлянул. — И я его опекун.

— А! — протянул Избистер.

Он задумался, потом нерешительно спросил:

— Без сомнения, расходы по его содержанию не особенно значительны; состояние, должно быть, увеличивается?

— О да! Если только он проснется, он будет гораздо богаче, чем раньше.

— Мне как деловому человеку, — сказал Избистер, — не раз приходила в голову эта мысль. Я иногда даже думал, что с коммерческой точки зрения сон этот довольно выгоден для него. Он точно знал, что делал, когда впадал в летаргию. Если бы он жил...

— Не думаю, — улыбнулся Уорминг, — чтобы это вышло у него умышленно. Он никогда не был особенно дальновидным. В самом деле...

— Вот как!

— Мы всегда расходились с ним в этом отношении. Я постоянно был чем-то вроде опекуна при нем. Вы, конечно, много видели в жизни и понимаете, что бывают такие обстоятельства... Впрочем, вряд ли есть надежда, что он проснется. Летаргия истощает, медленно, но все-таки истощает. Несомненно, он медленно, очень медленно, но неуклонно близится к смерти, не так ли?

— Что будет, если он проснется? Воображаю, как он удивится! За двадцать лет жизнь так перевернулась. Ведь это будет совсем как у Рип ван Винкля^[1].

— Скорее как у Беллами^[2]. Перемены чересчур велики, — заметил Уорминг. — Да и я тоже изменился: стал совсем старик.

Избистер с притворным удивлением произнес:

— Ну что вы, я никогда не сказал бы этого!

— Мне было сорок три, когда его банкир... — помните, вы еще Телеграфировали его банкиру? — обратился ко мне.

— Как же, помню. Адрес был в чековой книжке, которую я нашел в его кармане, — отвечал Избистер.

— Ну так вот, сложение произвести нетрудно, — сказал Уорминг.

Несколько минут они молчали. Затем Избистер с любопытством спросил:

— А что, если он проспит еще много лет? — И, немного помедлив, сказал: — Следует обсудить это. Вы понимаете, его состояние может перейти в другие руки.

— Поверьте, мистер Избистер, этот вопрос тревожит и меня самого. У меня, видите ли, нет таких родных, которым я мог бы передать опеку. Необычайное и прямо безвыходное положение.

— Да, — сказал Избистер, — здесь должна быть, так сказать, общественная опека, если только у нас таковая имеется.

— Мне кажется, что этим должно заняться какое-нибудь учреждение, юридически бессмертный опекун, если только он действительно может проснуться, как полагают иные доктора. Я, видите ли, уже справлялся об этом у некоторых наших общественных деятелей. Но пока еще ничего не сделано.

— Право, это недурная мысль — передать опеку какому-нибудь учреждению: Британскому музею, например, или же Королевской медицинской академии. Правда, это звучит несколько странно, но и случай ведь необыкновенный.

— Трудно уговорить их принять опеку.

— Вероятно, мешает бюрократизм.

— Отчасти.

Оба замолчали.

— Любопытное дело! — воскликнул Избистер. — А проценты все растут и растут.

— Конечно, — ответил Уорминг. — А курс все повышается...

— Да, я слышал, — сказал Избистер с гримасой. — Что же, тем лучше для него.

— Если только он проснется.

— Если только он проснется, — повторил Избистер. — А не замечаете вы, как заострился его нос и как опущены теперь у него веки?

— Я не думаю, чтобы он когда-нибудь проснулся, — сказал Уорминг, присмотревшись к спящему.

— Собственно, я так и не знаю, — проговорил Избистер, — что вызвало эту летаргию. Правда, он говорил мне что-то о переутомлении. Я часто об этом думал.

— Это был человек весьма одаренный, но чересчур нервный и беспорядочный. У него было немало неприятностей — развод с женой. Я думаю, что он бросился с таким ожесточением в политику, чтобы позабыть свое горе. Это был фанатик-радикал, типичный социалист, либерал, передовой человек. Энергичный, страстный, необузданный. Надорвался в полемике, вот и все! Я помню памфлет, который он написал, — любопытное произведение. Причудливое, безумное! Между прочим, там было несколько пророчеств. Одни из них не оправдались, но другие — совершившийся факт. Вообще же, читая его, начинаешь понимать, как много в этом мире неожиданного. Да, многому придется ему учиться и переучиваться заново, если он проснется. Если только он когда-нибудь проснется...

— Чего бы я только не дал, — заявил Избистер, — чтобы услышать, что он скажет, увидев такие перемены кругом.

— И я тоже, — подхватил Уорминг. — Да! И мне бы очень хотелось. Но, увы, — прибавил он грустно, — мне не придется увидеть его пробуждения.

Он стоял, задумчиво глядя на восковую фигуру.

— Он никогда не проснется, — произнес он, вздохнув. — Он никогда не проснется.

3. Пробуждение

Но Уорминг ошибся. Пробуждение наступило.

Как чудесно и сложно такое, казалось бы, простое явление, как сознание! Кто может проследить его возрождение, когда мы утром просыпаемся от сна, прилив и слияние разнообразных сплетающихся ощущений, первое смутное движение души — переход от бессознательного к подсознательному и от подсознательного к первым проблескам мысли, пока, наконец, мы снова не познаем самих себя? То, что случается с каждым из нас утром, при пробуждении, случилось и с Грэхэмом, когда кончился его летаргический сон. Тьма постепенно стала рассеиваться, и он смутно почувствовал, что жив, но лежит где-то, слабый, беспомощный.

Этот переход от небытия к бытию, по-видимому, совершается скачками, проходит различные стадии. Чудовищные тени, некогда бывшие ужасной действительностью, странные образы, причудливые сцены, словно из жизни на другой планете. Какие-то смутные отголоски, чье-то имя — он даже не мог бы сказать, чье; возвратилось странное, давно забытое ощущение вен и мускулов, безнадежная борьба, борьба человека, готового погрузиться во мрак. Затем появилась целая панорама ярких колеблющихся картин.

Грэхэм чувствовал, что его глаза открыты и он видит нечто необычное. Что-то белое, край, по-видимому, какой-то белой рамы. Он медленно повернул голову, следя взглядом за контуром предмета. Контур уходил вверх, исчезая из глаз. Грэхэм силился понять, где он находится, Значит ли это, что он болен? Он находился в состоянии умственной депрессии. Ощущал какую-то беспричинную, смутную тоску человека, проснувшегося до рассвета. Ему послышался неясный шепот и звук быстро удаляющихся шагов.

При первом движения головы он понял, что очень слаб. Он решил, что лежит в постели в гостинице, хотя и не мог припомнить, чтобы видел там эту белую раму. Вероятно, он уснул. Он вспомнил, как ему хотелось тогда спать. Вспомнил скалы и водопад, даже свой разговор со встречным незнакомцем...

Как долго он проспал? Откуда эти звуки торопливых шагов, напоминающие ропот прибоя на прибрежной гальке? Он протянул бессильную руку, чтобы взять часы со стула, куда он обычно их клал, но прикоснулся к гладкой, твердой поверхности, похожей на стекло. Это крайне поразило его. Он повернулся, изумленно огляделся и с трудом попытался сесть. Движение это потребовало напряжения всех его сил; он почувствовал головокружение и слабость.

От изумления он протер глаза. Загадочность его положения ничуть не объяснилась, но голова была совершенно ясной, — очевидно, сон пошел ему на пользу. Он находился вовсе не в постели, а совершенно нагой лежал на очень мягком и упругом тьюфяке под стеклянным колпаком. Ему показалось странным, что тьюфяк был почти прозрачным, — внизу находилось зеркало, в котором смутно отражалась его фигура. Его рука — он содрогнулся, увидев, до чего суха и желта кожа, — была туго обвязана какой-то странной резиновой лентой, слегка врезававшейся в нее. Эта странная постель помещалась в ящике из зеленоватого стекла (так по крайней мере ему показалось), белая рама которого и привлекла сначала его внимание. В одном углу ящика стоял какой-то блестящий сложный аппарат, очень странный с виду, и прибор, напоминающий термометр.

Легкий зеленоватый оттенок похожего на стекло вещества, из которого состояли стенки ящика, мешал далеко видеть; тем не менее Грэхэм разглядел, что он находится в прекрасном обширном помещении, в одной из стен которого, как раз против него, виднелась громадная арка. У самой стенки стеклянного ящика стояла мебель: несколько изящных кресел и стол, накрытый серебристой скатертью, похожей на чешую; на столе стояли блюда с какими-то кушаньями, бутылка и два стакана. Грэхэм почувствовал, что сильно проголодался.

В зале не было ни души. Грэхэм нерешительно спустился со своего прозрачного тьюфяка и попробовал встать на ноги на чистый, белый пол. Однако он плохо рассчитал свои силы; пошатнувшись, хотел опереться рукой о стеклянную стенку, но она выпятилась наружу наподобие пузыря и лопнула с треском, напоминающим слабый выстрел. Изумленный Грэхэм вышел из-под колпака. Ища опоры, он схватился за стол и уронил один из стаканов, который со

звоном ударился о твердый пол, но не разбился. Грэхэм тяжело опустился в кресло.

Отдышавшись, он налил из бутылки в другой стакан и сделал плоток — жидкость казалась совершенно бесцветной, но это была не вода: ароматичная, приятная на вкус, она быстро восстанавливала силы. Поставив стакан на стол, Грэхэм огляделся по сторонам.

Помещение показалось ему не менее великолепным и обширным, чем раньше, когда он смотрел сквозь зеленоватое стекло. Под аркой он увидел лестницу, ведущую в просторный коридор. По обе стороны коридора высились полированные колонны из какого-то камня густого ультрамаринового цвета с белыми прожилками. Оттуда доносился непрерывный жужжащий гул голосов и шум толпы. Грэхэм окончательно пришел в себя и внимательно вслушивался, позабыв, что собирался поесть.

Вдруг он сообразил, что не одет. Осмотревшись и найдя какой-то длинный черный плащ, он закутался и, весь дрожа, снова уселся в кресло.

Он недоумевал. Очевидно, он заснул и во время сна его перенесли. Но куда? И что это за люди шумят за лазурными колоннами? Боскасль? Он налил себе еще стакан бесцветной жидкости и выпил.

Что это за здание? Ему казалось, что стены колеблются, точно живые. Он смотрел на красивые архитектурные формы громадного, лишённого украшений зала и заметил в центре потолка круглое, куполообразное углубление, полное яркого света. Взглянув вверх, он увидел непрерывно мелькающую тень. «Трам, трам» — эта скользящая тень имела свою особую ноту среди глухих и отдаленных звуков, которые наполняли воздух.

Он хотел позвать кого-нибудь к себе, но так слаб и почти беззвучен был его голос! Поднявшись и покачиваясь, как пьяный, он направился к арке. Дойдя до лестницы, он споткнулся о волочившуюся полу своего черного плаща, но, ухватившись за одну из синих колонн, удержался.

Коридор вел к голубому и пурпурному вестибюлю, который оканчивался балконом с перилами, ярко освещенным и висящим, по-видимому, внутри гигантского здания. Вдалеке смутно вырисовывались какие-то колоссальные архитектурные формы.

Гул голосов слышался теперь гораздо явственнее, и Грэхэм с удивлением увидел, что на балконе спиной к нему стоят и, оживленно жестикулируя, беседуют три человека, одетых в роскошные просторные одежды ярких, гармоничных тонов. Снизу доносился глухой шум огромной толпы, промелькнуло знамя, а затем взлетел вверх какой-то яркий окрашенный предмет — синяя шапка или куртка. Кричали, по-видимому, по-английски, часто повторялось слово «проснется». Раздался чей-то пронзительный крик. Три человека рассмеялись.

— Ха-ха-ха! — смеялся один из них, рыжий, в коротком пурпурном одеянии. — Когда Спящий проснется, когда?

Он повернулся и взглянул в коридор.

Внезапно выражение его лица изменилось, и он перестал смеяться. Остальные двое тоже обернулись в сторону коридора и замерли. Их лица выражали смущение, переходившее в страх.

Колени Грэхэма подогнулись, руки, охватывавшие колонну, повисли, и он, пошатнувшись, упал ничком.

4. Гул восстания

Падая, Грэхэм услышал оглушительный звон колоколов. Впоследствии он узнал, что почти час пролежал в обмороке, находясь между жизнью и смертью. Очнувшись, он увидел, что лежит навзничь на своем прозрачном матрасе с горячим компрессом на груди и горле. Темной перевязи на руке уже не было, и рука была забинтована. Сверху нависала белая рама ящика, но зеленоватого вещества уже не было. Незнакомец в одежде ярко-фиолетового цвета — один из тех, которых он видел на балконе, — стоял рядом и пытливо глядел ему в лицо.

Издали по-прежнему доносилось гудение колоколов и неясный гул огромной толпы. Раздался резкий звук, как будто захлопнулась дверь.

Грэхэм приподнял голову.

— Что это значит? — произнес он медленно. — Где я?

Он узнал рыжего человека, того самого, который первый его увидел. Кто-то спросил: «Что сказал Грэхэм?» — но его остановили.

— Вы в полной безопасности, — по-английски, но с легким иностранным акцентом, по крайней мере так показалось Грэхэму, мягко произнес человек в фиолетовой одежде. — Вас перенесли сюда оттуда, где вы уснули. Вы в безопасности. Вы долго пролежали здесь спящим. Вы были в состоянии летаргии.

Он сказал еще что-то, чего Грэхэм не расслышал, и протянул бокал. Грэхэм почувствовал у себя на лбу освежающую струю. Ему стало лучше, и он зажмурил глаза.

— Вам лучше? — спросил человек в фиолетовой одежде, когда Грэхэм открыл глаза.

Это был мужчина лет тридцати, с приятным лицом и остроконечной русой бородкой; на вороте его одежды блестела золотая застежка.

— Лучше, — ответил Грэхэм.

— Некоторое время вы провели во сне, в летаргии. Вы понимаете меня? В летаргии. Конечно, вам это кажется странным, но могу вас уверить, что все обошлось благополучно.

Грэхэм ничего не ответил, но слова эти его несколько успокоили. Взгляд его перебегал от одного лица к другому. Все трое молча и с любопытством смотрели на него. Он думал, что находится где-нибудь в Корнуэлле, но окружающая обстановка казалась ему странной.

Он вспомнил о том, что собирался в свое время сделать в Боскасле и не успел.

— Телеграфировали вы моему кузену? — спросил он, откашлявшись. — Э.Уорминг, двадцать семь, Ченсери-Лейн?

Все трое внимательно его слушали, однако ему пришлось повторить свой вопрос.

— Какое странное произношение! — прошептал рыжеволосый.

— Телеграфировали ли, сир? — переспросил молодой человек с русой бородкой, очевидно, очень удивленный.

— Он хочет сказать: послали ли вы электрограмму? — догадался третий, юноша, на вид лет девятнадцати или двадцати, с приятным лицом.

— Ах, какой я несообразительный! — воскликнул с досадой русобородый. — Можете быть уверены, что все будет сделано, сир, — обратился он к Грэхэму. — Боюсь только, что будет затруднительно телеграфировать вашему кузену. Его нет теперь в Лондоне. Прошу вас, не утруждайте себя этими мелочами; вы проспали очень долго, за это время произошло немало перемен, сир. (Грэхэм догадался, что это слово было «сэр», хотя незнакомец и выговаривал его как «сир».)

— Вот как! — произнес Грэхэм и успокоился.

Все это очень странно, удивительно; но несомненно одно: эти люди, так необычно одетые, что-то скрывают. Какие странные люди, какая странная комната! По-видимому, это — какое-то новое учреждение. Это похоже на выставочный павильон, внезапно у него мелькнуло подозрение. Ну да, конечно, это выставочный павильон. Достанется же Уормингу за это! Однако это маловероятно. На выставке его бы не демонстрировали голого.

Вдруг он понял все. Внезапно перед ним как бы отдернулась завеса. Он понял, что сон его длился очень долго, что это был необычайный летаргический сон; он прочел это по тому смущению, которое виднелось в устремленных на него глазах этих незнакомых людей. С волнением взглянул он на них. Казалось, они, в свою очередь, старались что-то прочесть у него в глазах. Он пошевелил

губами, хотел заговорить, но не смог ничего сказать. У него явилось странное желание скрыть это от чужих людей, сделать вид, будто он ничего не знает. Опустив глаза, он молча глядел на свои босые ноги. Желание говорить пропало. Его охватила дрожь.

Ему подали стакан с какой-то розовой жидкостью, отливавшей зеленым фосфорическим блеском, по вкусу напоминавшей мясной бульон. Грэхэм выпил, и тотчас же к нему вернулись силы.

— Теперь... теперь мне лучше, — хрипло произнес он и услышал одобрителный шепот окружающих. Теперь ему все стало ясно.

Он снова попытался заговорить, и снова неудачно. Схватившись за горло, он начал в третий раз.

— Сколько... — спросил он сдавленным голосом, — сколько времени я проспал?

— Довольно долго, — ответил русобородый, быстро переглянувшись с двумя другими.

— Сколько же?

— Очень долго.

— Да, да! — воскликнул недовольно Грэхэм. — Но я желаю знать — сколько. Несколько лет? Много лет? Что-то произошло... Не помню, что. Я смутно чувствую... Но вы... — Он всхлипнул. — Зачем скрывать это от меня? Сколько времени?

Он замолчал и, тяжело дыша, закрыв глаза руками, ждал ответа.

Все трое начали перешептываться.

— Пять, шесть? — спросил он слабым голосом. — Больше?

— Гораздо больше.

— Больше?

— Больше.

Он смотрел на них и ждал ответа. Мускулы его лица передернулись.

— Вы проспали много лет, — произнес наконец человек с рыжей бородой.

Грэхэм с усилием приподнялся и сел, затем быстро вытер слезы исхудалой рукой.

— Много лет? — повторил он.

Он зажмурил глаза, потом снова открыл их и, оглядываясь вокруг, спросил:

— Сколько же именно?

— Приготовьтесь услышать известие, которое удивит вас.

— Хорошо.

— Более гросса лет.

Его поразило странное слово.

— Больше чего?

Двое незнакомцев быстро заговорили между собой. Он уловил только слово «десятичный».

— Сколько лет сказали вы? — настаивал Грэхэм. — Сколько? Да не смотрите же так! Отвечайте!

Из их разговора он уловил три слова: «более двух столетий».

— Что? — вскричал он, оборачиваясь к юноше, который, как ему показалось, произнес эти слова. — Как вы сказали? Два столетия!

— Да, — подтвердил рыжебородый. — Двести лет.

Грэхэм повторил эти слова. Он приготовился ко всему, но никак не ожидал такого ответа.

— Двести лет! — повторил он с ужасом, казалось, перед ним разверзлась пропасть. — О, но ведь тогда...

Ему ничего не ответили.

— Так вы сказали...

— Да, двести лет. Два столетия, — повторил рыжебородый.

Опять молчание. Грэхэм посмотрел им в глаза и по выражению их лиц понял, что они не обманывают его.

— Не может быть! — воскликнул он жалобно. — Мне это снится. Летаргия... Летаргия не может так долго длиться. Это неправда... Вы издеваетесь надо мной! Скажите... ведь прошло всего несколько дней, как я шел вдоль морского берега в Корнуэлле...

Голос его оборвался.

Человек с русой бородой, казалось, был в нерешительности.

— Я не очень силен в истории, сир, — произнес он неохотно и посмотрел на остальных.

— Вы правы, сир, — сказал младший. — Боскасль находится в прежнем герцогстве Корнуэлльском, к юго-западу от лугов. Там и теперь еще стоит дом. Я был там.

— Боскасль! — Грэхэм повернулся к юноше. — Да, Боскасль! Боскасль. Я заснул где-то там. Точно я не могу припомнить. Точно не могу припомнить. — Он схватился за голову и прошептал: — Более двухсот лет! — Сердце его упало. Лицо передернулось. — Но если это

так, если я проспал двести лет, то все, кого я знал, кого я видел, с кем говорил, все умерли.

Все трое молчали.

— И королева и королевская семья, министры, духовенство и правительство. Знать и простонародье, богатые и бедные, все, все... Существует ли еще Англия? Существует ли Лондон? Мы ведь в Лондоне, да? А вы — мои хранители-опекуны? Опекуны? А эти? А? Тоже охраняют меня? — Привстав, он глядел на них широко открытыми глазами. — Но зачем я здесь? Впрочем, нет! Не говорите. Лучше молчите. Дайте мне...

Он сидел молча, протирая глаза. Ему подали второй стакан розовой жидкости. Выпив, Грэхэм почувствовал себя бодрее. Он разрыдался, и слезы принесли ему облегчение.

Взглянув на их лица, он вдруг засмеялся сквозь слезы почти безумным смехом.

— Две-сти лет, две-сти лет! — повторял он.

Лицо его исказила истерическая гримаса, и он снова закрыл глаза руками.

Потом он успокоился. Руки его бессильно повисли. Он сидел почти в той же позе, как при встрече с Избистером у пентаргенских скал. Вдруг его внимание было привлечено чьим-то громким, властным голосом и звуком приближающихся шагов.

— Что вы тут делаете? Почему меня не уведомили? Ведь вам было приказано! Виноватый будет отвечать. Ему нужен покой. Закрыты ли у вас двери? Все до последней? Ему нужен абсолютный покой. С ним нельзя разговаривать. Говорили ему что-нибудь?

Человек с русой бородой что-то ответил. Грэхэм, глядя через плечо, увидел приближающегося мужчину небольшого роста, толстого, безбородого, с орлиным носом, с бычьей шеей и тяжелым подбородком. Густые черные брови, почти сходящиеся на переносье, щетинились над глубоко посаженными серыми глазами и придавали лицу мрачное, злое выражение. На мгновение он нахмурил брови, глядя на Грэхэма, но сейчас же отвел взгляд и, обратившись к человеку с русой бородой, раздраженно сказал:

— Пусть удалятся.

— Удалятся? — спросил рыжебородый.

— Конечно. Но, смотрите, закройте двери.

Двое незнакомцев повиновались и, взглянув в последний раз на Грэхэма, повернулись уходить, но, вместо того чтобы выйти под арку, направились к противоположной стене. Затем произошло нечто странное: часть, по-видимому, совершенно глухой стены с треском раздвинулась и, свиваясь наподобие жалюзи, поднялась вверх и опустилась за ушедшими. Грэхэм остался наедине с новоприбывшим и с русобородым человеком в пурпуровом одеянии.

Некоторое время толстяк не обращал на Грэхэма ни малейшего внимания, он расспрашивал русобородого, который был, очевидно, его подчиненным; казалось, он требовал отчета в каком-то поручении. Говорил он очень отчетливо, но смысл его слов остался для Грэхэма неясен. Очевидно, пробуждение Грэхэма вызывало в нем не удивление, а скорее досаду и тревогу. Заметно было, что он глубоко взволнован.

— Вы не должны смущать его подобными рассказами, — несколько раз повторял он. — Не надо смущать его.

Получив ответы на все свои вопросы, он быстро обернулся и, с любопытством взглянув на Грэхэма, спросил:

— Вас это удивляет?

— Очень!

— Все окружающее кажется вам странным?

— Надо привыкать. Ведь мне, вероятно, придется жить.

— Думаю, что так.

— Прежде всего не дадите ли вы мне какую-нибудь одежду?

— Сейчас, — сказал толстяк, и русобородый, поймав его взгляд, тут же удалился. — Сейчас получите одежду.

— Правда ли, что я проспал двести лет? — спросил Грэхэм.

— Они уже успели разболтать вам об этом? Двести три года — это будет точнее.

Грэхэм поднял брови и стиснул зубы, стараясь примириться с неоспоримым фактом. С минуту он сидел молча, а затем спросил:

— Что здесь, завод или динамо поблизости? — И, не дожидаясь ответа, прибавил: — Я думаю, все ужасно переменялось? Что это за крики?

— Пустяки. Это народ, — ответил нетерпеливо толстяк. — Позднее вы, вероятно, все узнаете. Вы правы, все переменялось. — Он говорил отрывисто, нахмутив брови, и взгляд у него был такой, как

будто он что-то решал про себя, пытаясь найти выход. — Прежде всего нужно достать вам одежду. Лучше обождать здесь. Никто не должен к вам приближаться. Вам надо побриться.

Грэхэм провел рукой по подбородку.

Русобородый возвратился; внезапно повернув голову, он стал прислушиваться, потом переглянулся с толстяком и через арку направился к балкону. Шум и крики становились все громче. Толстяк тоже насторожился. Вдруг он пробормотал какое-то проклятие и недружелюбно взглянул на Грэхэма. Снизу доносился прибой тысячи голосов, то поднимаясь, то падая. Иногда раздавались звуки ударов, сопровождаемые пронзительными криками; слышался как будто треск ломавшихся сухих палок. Грэхэм напрягал слух, чтобы разобрать отдельные слова в этом хаосе.

Наконец он уловил какую-то фразу, выкрикиваемую почти непрерывно. В первую минуту он не верил своим ушам. Однако сомнений не было, он ясно слышал:

— Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!

Толстяк стремительно бросился к арке.

— Проклятие! — воскликнул он. — Откуда они узнали? Знают они или только догадываются?

Должно быть, последовал какой-то ответ.

— Я не могу выйти сам, — сказал вдруг толстяк. — Я должен быть здесь. Крикните им что-нибудь с балкона.

Русобородый опять что-то ответил.

— Скажите, что он не просыпался. Ну, там что-нибудь. Предоставляю это вам. — Он поспешно вернулся к Грэхэму. — Вам необходимо поскорее одеться. Вам нельзя оставаться здесь... Это невозможно...

Он опять куда-то торопливо удалился, не отвечая на вопросы Грэхэма. Вскоре он вернулся.

— Я не могу объяснить вам, что здесь происходит. Этого в двух-трех словах не расскажешь. Через несколько минут вам сделают одежду. Да, через несколько минут. А тогда я смогу увести вас отсюда. Волнения скоро кончатся.

— Но этот шум. Они кричат...

— Про Спящего? Это про вас. Они свихнулись, что ли. Я ничего не понимаю. Решительно ничего!

Пронзительный звон прорезал глухой отдаленный шум и крики. Толстяк подбежал к какому-то аппарату в углу зала. С минуту он слушал, глядя в стеклянный шар, и иногда кивал утвердительно головой, потом произнес несколько неясных слов; закончив переговоры, он подошел к стене, через которую недавно удалились двое. Часть стены поднялась, подобно занавесу, но он остановился, что-то выжидая.

Грэхэм поднял руку и с удивлением заметил, что силы к нему возвратились. Он спустил с ложа сначала одну ногу, потом другую. Головокружения как не бывало. Едва веря такому быстрому выздоровлению, Грэхэм сел и принялся себя ощупывать.

Русобородый вернулся с балкона. Перед толстым незнакомцем опустился лифт, и из него вышел седобородый худощавый человек в узкой темно-зеленой одежде со свертком в руках.

— Вот и портной, — проговорил толстяк, указывая на вошедшего. — Теперь вам больше не понадобится этот черный плащ. Я не понимаю, как он попал сюда. Но нельзя терять времени. Поторопитесь! — обратился он к портному.

Старик в зеленом поклонился и, приблизясь, сел рядом с Грэхэмом. Держался он спокойно, но в глазах у него светилось любопытство.

— Моды сильно изменились, сир, — сказал он и покосился на толстяка. Потом быстро развернул свертки, и на его коленях зарябили яркие материи. — Вы жили, сир, в эпоху, так сказать, цилиндрическую, эпоху Виктории. Полушарие шляп. Всюду правильные кривые. Теперь же...

Он вынул приборчик, по размеру и наружному виду напоминающий карманные часы, нажал кнопку, и на циферблате появилась небольшая человеческая фигурка в белом, двигавшаяся, как на экране. Портной взял образчик светло-синего атласа.

— Вот мой выбор, — обратился он к Грэхэму.

Толстяк подошел и, встав около Грэхэма, произнес:

— У нас очень мало времени.

— Доверьтесь моему вкусу, — ответил портной. — Моя машина сейчас прибудет. Ну, что вы скажете?

— А что это такое? — спросил человек девятнадцатого столетия.

— В ваше время портные показывали своим клиентам модные журналы, — ответил портной, — мы же пошли дальше. Смотрите сюда. — Маленькая фигурка повторила свои движения, но уже в другом костюме. — Или это. — И на циферблате появилась другая фигурка в более пышном одеянии.

Портной действовал очень быстро и нетерпеливо поглядывал в сторону лифта.

Легкий шум — и из лифта вышел анемичный, похожий на китайчонка подросток, с коротко остриженными волосами, в одежде из грубой ткани светло-синего цвета; он бесшумно выкатил на роликах какую-то сложную машину. Портной отложил кинетоскоп, отдал шепотом какое-то приказание мальчику, который ответил гортанным голосом что-то непонятное, и попросил Грэхэма встать перед машиной. Пока мальчик что-то бормотал, портной выдвигал из прибора ручки с небольшими дисками на концах; эти диски он приставил к телу Грэхэма: к плечу, к локтю, к шее и так далее, около полусотни дисков.

В это время на лифте позади Грэхэма в зал поднялись еще несколько человек. Портной пустил в действие механизм, части машины пришли в движение, сопровождаемое слабым ритмическим шумом; затем он нажал рычаги и освободил Грэхэма. На него накинули черный плащ, русобородый подал ему стакан с подкрепляющей жидкостью; выпив ее, Грэхэм заметил, что один из новоприбывших, бледный юноша, смотрит на него особенно упорно.

Толстяк, нетерпеливо расхаживавший все время по залу, вошел под арку и направился к балкону, откуда по-прежнему доносился глухой, прерывистый гул. Коротко остриженный мальчуган подал портному сверток светло-синего атласа, и оба принялись совывать материю в машину, растягивая ее так, как растягивали в девятнадцатом столетии рулоны бумаги на печатных станках. Затем бесшумно откатали машину в угол комнаты, где висел провод, закрученный в виде украшения. Включив машину, пустили ее в ход.

— Что они там делают? — спросил Грэхэм, указывая на них пустым стаканом и стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд новоприбывшего. — Этот механизм приводится в движение какой-то энергией?

— Да, — ответил русобородый.

— Кто этот человек? — спросил Грэхэм, указывая рукой под арку. Человек в пурпуровой одежде потерял в замешательстве свою маленькую бородку и ответил, понизив голос:

— Это Говард, ваш старший опекун. Видите ли, сир, это трудно объяснить вам. Совет назначает опекуна и его помощников. В этот зал обычно разрешается доступ публике. Но в особых случаях это может быть воспрещено. Мы в первый раз воспользовались этим правом и закрыли двери. Впрочем, если угодно, пусть он сам объяснит вам.

— Как странно, — произнес Грэхэм. — Опекун! Совет!

Затем, обернувшись спиной к новоприбывшему, он спросил вполголоса:

— Почему этот человек так упорно смотрит на меня? Он месмерист?

— Нет, не месмерист! Он капиллотомист.

— Капиллотомист?

— Ну да, один из главных. Его годовое жалованье — полгросса львов.

— Полгросса львов? — машинально повторил удивленный Грэхэм.

— А у вас разве не было львов? Да, пожалуй, не было. У вас были тогда эти архаические фунты. Лев — это наша монетная единица.

— Но вы еще сказали... полгросса?

— Да, сир. Шесть дюжин. За это время изменились даже такие мелочи. Вы жили во времена десятичной системы счисления, арабской системы: десятки, сотни, тысячи. У нас же вместо десяти — дюжина. Десять и одиннадцать мы обозначаем однозначным числом, двенадцать или дюжину — двузначным, двенадцать дюжин составляют гросс, большую сотню; двенадцать гроссов — доцанд, а доцанд доцандов — мириад. Просто, не правда ли?

— Пожалуй, — согласился Грэхэм. — Но что значит кап... Как вы сказали?

— А вот и ваша одежда, — заметил русобородый, глядя через плечо.

Грэхэм обернулся и увидел, что сзади него стоит улыбающийся портной с совершенно готовым платьем в руках, а коротко стриженный мальчуган нажимом пальца толкает машину к лифту. Грэхэм с удивлением посмотрел на поданную ему одежду.

— Неужели... — начал он.

— Только что изготовлена, — ответил портной.

Положив одежду к ногам Грэхэма, он подошел к ложу, на котором еще так недавно лежал Грэхэм, сдернул с него прозрачный матрац и поднял зеркало. Раздался резкий звонок, призывающий толстяка. Русобородый поспешно прошел под арку.

С помощью портного Грэхэм надел комбинацию: белье, чулки и жилет, все темно-пурпурного цвета.

Толстяк вернулся от аппарата и направился навстречу русобородому, возвращающемуся с балкона. У них завязался оживленный разговор вполголоса, причем на лицах их выражалась тревога.

Поверх нижнего пурпурного платья Грэхэм надел верхнее из светло-синего атласа, которое удивительно шло к нему. Грэхэм увидел себя в зеркале хотя и исхудалым, небритым, растрепанным, но все же не голым.

— Мне надо побриться, — сказал он, смотрясь в зеркало.

— Сейчас, — ответил Говард.

Услышав это, молодой человек перестал разглядывать Грэхэма. Он закрыл глаза, потом снова открыл их: подняв худощавую руку, приблизился к Грэхэму. Остановившись, сделал жест рукой и осмотрелся кругом.

— Стул! — воскликнул Говард, и тотчас же русобородый подал Грэхэму кресло.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Говард.

Грэхэм остановился в нерешительности, увидав, что в руках странного юноши сверкнуло лезвие.

— Разве вы не понимаете, сир? — учтиво пояснил русобородый. — Он хочет побрить вас.

— А! — с облегчением вздохнул Грэхэм. — Но ведь вы называли его...

— Капиллотомист! Это один из лучших артистов в мире.

Русобородый удалился. Успокоенный Грэхэм поспешно сел в кресло. К нему тотчас же подошел капиллотомист и принялся за работу. У него были плавные, изящные движения. Он осмотрел у Грэхэма уши, ощупал затылок, разглядывал его то с одной, то с другой стороны; Грэхэм уже начинал терять терпение. Наконец

капилотомист в несколько мгновений, искусно орудуя своими инструментами, обрил Грэхэму бороду, подровнял усы и подстриг волосы. Все это он проделал молча, с вдохновенным видом поэта. Когда он окончил свою работу, Грэхэму подали башмаки.

Внезапно громкий голос из аппарата, находившегося в углу комнаты, прокричал: «Скорее, скорее! Весь город уже знает. Работа остановилась. Работа остановилась. Не медлите ни минуты, спешите!»

Эти слова испугали Говарда. Грэхэм увидел, что он колеблется, не зная, на что решиться. Наконец он направился в угол, где стояли аппарат и стеклянный шар. Между тем долетавший со стороны балкона гул усилился, раскаты его, подобно грому, то приближались, то удалялись.

Грэхэм не мог более вытерпеть. Взглянув на Говарда и увидав, что тот занят и не обращает на него внимания, он быстро спустился по лестнице в коридор и через мгновение очутился на том самом балконе, где недавно стояли трое незнакомцев.

5. Движущиеся улицы

Грэхэм подошел к перилам балкона и заглянул вниз. При его появлении послышались крики удивления, и шум многотысячной толпы усилился.

Площадь внизу казалась крылом гигантского сооружения, разветвлявшегося во все стороны. Высоко над площадью тянулись гигантские стропила и крыша из прозрачного материала. Холодный белый свет огромных шаров делал еле заметными слабые солнечные лучи, проникавшие сквозь стропила и провода. Кое-где над бездной, словно паутина, висели мосты, черневшие от множества пешеходов. Воздух был заткан проводами. Подняв голову, он увидел, что верхняя часть здания нависает над балконом, а противоположный его фасад сер и мрачен, испещрен арками, круглыми отверстиями, балконами и колоннами, башенками и мириадами громадных окон и причудливых архитектурных украшений. На нем виднелись горизонтальные и косые надписи на каком-то неизвестном языке. Во многих местах под самой кровлей были прикреплены толстые канаты, спускавшиеся крутыми петлями к круглым отверстиям противоположной стены. Внезапно его внимание привлекла крохотная фигурка в синем одеянии, появившаяся на противоположной стороне площади, высоко, у закрепления одного из канатов, перед небольшим выступом стены, и державшаяся за едва заметные издали веревки. Вдруг Грэхэм с удивлением увидал, как этот человечек одним махом прокатился по канату и скрылся где-то наверху в круглом отверстии.

Выходя на балкон, Грэхэм прежде всего взглянул вверх, и все внимание его было приковано к тому, что происходило там и напротив. Затем он увидел улицу. Собственно, это не была улица, которую знал Грэхэм, так как в девятнадцатом столетии улицей называли неподвижную полосу твердой земли, по которой между узкими тротуарами двумя противоположными потоками стремились экипажи. Эта улица была около трехсот футов ширины и двигалась сама, кроме средней своей части. В первое мгновение он недоумевал. Потом понял.

Под самым балконом эта необыкновенная улица быстро неслась направо, со скоростью курьерского поезда девятнадцатого столетия, — бесконечная платформа с небольшими интервалами, что позволяло ей делать повороты и изгибы. На ней мелькали сиденья и небольшие киоски, но они проносились с такой быстротой, что не было возможности их рассмотреть. За ближайшей, самой быстрой платформой виднелся ряд других, двигавшихся также вправо. Каждая двигалась несколько медленнее предыдущей, что позволяло переходить с платформы на платформу, добираясь до неподвижного центра, через который люди шли на другую сторону. Там виднелась вторая серия подобных же платформ, у них тоже была различная скорость, но двигались они в обратном направлении, налево от Грэхэма. Множество людей, самых разных, сидело на двух наиболее широких и быстрых платформах и переходило улицу, особенно густо скопляясь в центре.

— Вам нельзя оставаться здесь, — послышался голос Говарда. — Сейчас же уходите отсюда!

Грэхэм ничего не ответил. Казалось, он ничего не слышал. Платформы неслись с грохотом, а толпа кричала. Грэхэм заметил женщин и девушек с развевающимися волосами, в нарядных одеждах, с бантами на груди. Они прежде всего бросались в глаза. Преобладающим цветом в этом калейдоскопе костюмов был светло-синий, того же оттенка, как одежда у подмастерья портного.

Он ясно слышал выкрики:

— Спящий! Что случилось со Спящим?

Движущиеся платформы были словно усеяны светлыми пятнами человеческих лиц, обращенных к балкону. Он видел, как указывали пальцами. Толпа людей в синих одеждах кишела на неподвижной, средней части улицы против балкона. Казалось, здесь происходила какая-то борьба и давка. Толпа напирала, многих сталкивали на движущиеся платформы, и они уносились против своей волн. Но тут же спрыгивали с платформы и спешили вернуться в самую гущу толпы.

— Вот Спящий! В самом деле, это Спящий! — раздавались крики.

— Это вовсе не Спящий! — кричали другие.

Все новые и новые лица обращались к Грэхэму. В средней платформе Грэхэм заметил отверстия, как бы входы в подземелье: очевидно, там находились лестницы, по которым поднимались и спускались люди. Около одного из входов, ближайшего к Грэхэму, теснилось множество людей. Люди устремлялись туда со всех сторон, ловко перепрыгивая с платформы на платформу. Те, что были на более высоких платформах, то и дело обращали свой взгляд на балкон. У самой лестницы, сдерживая натиск растущей толпы, суетились фигурки в одеянии ярко-красного цвета. Здесь, казалось, была наибольшая давка. Яркие точки резко выделялись на синем фоне толпы. Происходила какая-то борьба.

Говард тряс Грэхэма за плечо и что-то кричал ему в ухо. Потом он внезапно исчез, и Грэхэм остался на балконе один.

Крики «Спящий!» стали повторяться все чаще, народ на ближайшей платформе встал с сидений. Правая, ближайшая быстроходная платформа опустела, движущиеся в обратном направлении были густо усыпаны народом. На средней, неподвижной части улицы против самого балкона быстро собралась громадная волнующаяся толпа, и отдельные крики слились в многоголосый хор: «Спящий! Спящий!» Рукоплескания, взмахи платков и крики: «Остановите движение!» Слышалось еще какое-то странное, незнакомое Грэхэму слово, вроде «острог». Медленно движущиеся платформы были полны народа, люди бежали против движения, чтобы быть поближе к Грэхэму, и кричали: «Остановите движение!»

Более проворные перебежали из центральной части улицы на крайнюю, ближайшую к нему платформу, выкрикивая что-то непонятное, и бежали наискось опять к центральной платформе.

— Это действительно Спящий! Это действительно Спящий! — кричали они.

Несколько минут Грэхэм стоял неподвижно. Потом вдруг понял, что все эти крики, все это волнение, несомненно, относятся к нему. Приятно удивленный такой необыкновенной популярностью, он поклонился и в виде приветствия помахал рукой.

Рев толпы усилился. Давка у лестниц стала еще более ожесточенной. Все балконы были облеплены людьми, некоторые скользили по канатам, другие перелетали через площадь, сидя на трапециях.

За спиной Грэхэма послышались шаги и голоса, кто-то спускался по лестнице из-под арки. Грэхэм почувствовал, что его крепко схватили за руку. Обернувшись, он увидел своего опекуна Говарда, который старался оттащить его от перил и кричал что-то непонятное.

Грэхэм обернулся. Лицо Говарда было бледно.

— Уходите! — кричал он. — Они сейчас остановят движение. Весь город восстанет.

За Говардом по коридору с голубыми колоннами спешили другие: рыжеволосый незнакомец, затем русобородый, какой-то высокий мужчина в ярком малиновом одеянии и еще несколько человек в красном, с жезлами в руках; вид у всех был взволнованный.

— Уведите его! — приказал Говард.

— Но почему? — воскликнул Грэхэм. — Я совсем не вижу...

— Вы должны уйти отсюда! — произнес повелительно человек в красном. Выражение лица у него было решительное. Грэхэм напряженно вглядывался в лица этих людей. Внезапно он понял, что они готовятся учинить над ним насилие. Кто-то схватил его за руку... Его потащили.

Рев толпы увеличился, словно усиленный эхом огромного здания. Изумленный и смущенный, не находя в себе сил для сопротивления, Грэхэм чувствовал, как его не то ведут, не то тащат по коридору с голубыми колоннами. Неожиданно он очутился наедине с Говардом в поднимающемся лифте.

6. Зал Атласа

С того момента, как ушел портной, и до того, как Грэхэм очутился в лифте, прошло не более пяти минут. Летаргический сон все еще тяготел над ним; неожиданно перенесенный в этот новый мир, он находил все чудесным, почти нереальным; ему казалось, что он видит это во сне. Он наблюдал за всем со стороны, как изумленный зритель. Все, что он видел, в особенности волнующаяся, кричащая под балконом толпа, казалось ему театральным представлением.

— Я ничего не понимаю, — проговорил он. — Что это за волнение? У меня мысли в голове путаются. Почему они так кричат? В чем опасность?

— У нас есть тоже свои волнения, — ответил Говард, избегая вопрошающего взгляда Грэхэма. — Сейчас такое тревожное время. Конечно, ваше пробуждение и ваше появление на балконе находится в связи...

Он говорил отрывисто и замолчал, точно у него перехватило дыхание.

— Я ничего не понимаю, — повторил Грэхэм.

— Поймете потом, — ответил Говард и посмотрел наверх, словно движение лифта казалось ему слишком медленным.

— Надеюсь, что, осмотревшись, я буду лучше понимать окружающее, — в замешательстве сказал Грэхэм. — Но сейчас я в полном недоумении. Мне все так непонятно, так странно. Мне кажется, что вокруг меня творятся какие-то чудеса. Впрочем, кое-что понятно: ваш счет, например, отличающийся от нашего.

Лифт остановился, и они вступили в узкий длинный коридор среди высоких стен, вдоль которых тянулось невероятное множество труб и толстых канатов.

— Какая колоссальная постройка! — воскликнул Грэхэм. — Это все — одно здание? Что это такое?

— Здесь один из центров по снабжению города светом и тому подобным.

— Что за волнение видел я на этой огромной улице? Какая у вас система управления? Есть ли у вас полиция?

— Несколько родов, — ответил Говард.

— Как несколько?

— Около четырнадцати.

— Не понимаю.

— В этом нет ничего удивительного. Наша социальная жизнь покажется вам чрезвычайно сложной. Сказать по правде, я и сам не совсем ясно ее понимаю. Да и никто не понимает. Быть может, вы поймете со временем. Теперь же мы направляемся в Совет.

Внимание Грэхэма было отвлечено людьми, которых они встречали в коридорах и залах. На мгновение он подумал о Говарде и о его сдержанных ответах, но скоро его заинтересовало другое. Большинство людей, попадавших им в коридоре и в залах, было в красном одеянии. Светло-синего цвета, преобладавшего в толпе на движущихся платформах, здесь совсем не было видно. Встречные смотрели на них, приветствовали и проходили мимо.

В длинном коридоре, куда они вошли, на низеньких стульях сидело много девочек, точно в классе. Учителя Грэхэм не заметил, но увидел своеобразный аппарат, из которого доносился чей-то голос. Девочки с любопытством и удивлением смотрели на Грэхэма и на Говарда. Однако второпях он не мог их как следует разглядеть. Ему показалось, что девочки знают Говарда и недоумевают, кто такой Грэхэм. Говард, очевидно, важная особа и, однако, приставлен к Грэхэму. Как это странно!

Затем они вступили в полутемный коридор, под потолком тянулся помост, по которому сновали люди; Грэхэм видел только их ноги не выше лодыжек. Затем потянулись галереи с редкими прохожими, которые с удивлением оглядывались на него и его спутника в красном одеянии.

Выпитое им возбуждающее снадобье, очевидно, уже переставало действовать. Он начал уставать от такой быстрой ходьбы и обратился к Говарду с просьбой замедлить шаг. Вскоре они вошли в лифт с окном на улицу, но оно было заперто, и с высоты он не мог рассмотреть движущиеся платформы. Он видел только людей, проходящих по легким воздушным мостам и скользящих по канатам.

Затем они перешли очень высоко над улицей по стеклянному мосту, такому прозрачному, что было страшно идти. Вспомнив скалы между Нью-Куэем и Боскаслем (это было так давно, но казалось ему

недавним), Грэхэм решил, что он находится на высоте около четырехсот футов над движущимися улицами. Он остановился и посмотрел на кишачих внизу синих и красных карликов, толкающихся, жестикулирующих под тем крошечным балконом, где он недавно стоял. Легкая мгла и блеск больших шарообразных фонарей мешали разглядеть картину. Человек, сидевший в ящике, как в люльке, быстро, точно падая, скользнул по канату, над мостом. Грэхэм невольно остановился, чтобы посмотреть, как исчезает этот необыкновенный пассажир в обширном круглом отверстии внизу, затем снова стал наблюдать густую толпу.

На одной из быстроходных платформ двигалась густая толпа людей, одетых в красное. Поравнявшись с балконом, они рассыпались и устремлялись на неподвижную середину улицы, туда, где кипела наиболее ожесточенная борьба. Казалось, эти люди в красном были вооружены палками и дубинками, которыми они размахивали и дрались. Глухой гул, крики, вопли доносились до Грэхэма слабым эхом.

— Идите же! — крикнул Говард, кладя руку ему на плечо.

По канату скользил еще один человек. Желая узнать, откуда он взялся, Грэхэм посмотрел вверх и сквозь стеклянный потолок и сплетения канатов и балок увидел что-то вроде ритмически движущихся крыльев ветряной мельницы, а за ними далекое бледное небо. Говард потащил его дальше, и они очутились в узеньком проходе, украшенном геометрическими лепными узорами.

— Я хочу посмотреть вниз! — воскликнул Грэхэм, сопротивляясь.

— Нет, нет, — отвечал Говард, не выпуская его руку. — Вы должны идти сюда.

Двое провожатых в красном, видимо, готовы были поддержать это требование силою.

В конце коридора появились негры в черной с желтым форме, напоминавшие огромных ос, один из них поспешно отодвинул скользящую заслонку, очевидно, дверь, и открыл перед ними проход. Грэхэм очутился на галерее, висевшей над обширной комнатой. Провожатый в черно-желтом одеянии прошел вперед, открыл следующую дверь и остановился в ожидании.

Эта комната походила на вестибюль. Там было множество народа, в противоположном конце виднелась широкая лестница, а над нею вход, завешенный тяжелой драпировкой, за которой находился обширный зал. По обе стороны входа неподвижно стояли белые люди в красных и негры в черных с желтым одеяниях.

Проходя через галерею, Грэхэм услышал доносившийся снизу шепот: «Спящий!» — и почувствовал, что на него все смотрят. Пройдя еще один маленький коридорчик внутри стены, они очутились на металлической галерее, вьющейся вокруг того самого громадного зала, который он видел сквозь занавес. Он вошел с угла и сразу же обратил внимание на огромные размеры зала. Негр в черном с желтым одеянии замер в позе хорошо вымуштрованного слуги и тотчас же захлопнул за ними дверь.

По сравнению со всеми другими помещениями, которые до сих пор видел Грэхэм, зал показался ему необыкновенно роскошным. В противоположном углу на высоком пьедестале возвышалась гигантская белая статуя Атласа, подпирающего мощными плечами земной шар. Эта статуя прежде всего привлекла внимание Грэхэма — она была такая огромная, выразительная, благородная в своей простоте, ослепительно белая. В обширном помещении ничего не было, кроме этой фигуры и эстрады посередине. Эстрада, затерявшаяся в нем, показалась бы издали полоской металла, если бы стоявшая на ней вокруг стола группа из семи человек не подчеркивала ее размеры. Все семеро, одетые в белые мантии, только что поднялись со своих мест и пристально смотрели на Грэхэма. На краю стола блестели какие-то приборы.

Говард провел Грэхэма через всю галерею, пока они не оказались наконец против статуи согнувшегося под тяжестью гиганта. Здесь он остановился. К Грэхэму сейчас же подошли те два человека в красном, которые следовали за ними, и стали по обе его стороны.

— Вы должны остаться здесь на некоторое время, — прошептал Говард и, не дожидаясь ответа, поспешно пошел дальше по галерее.

— Но почему... — начал было Грэхэм и сделал движение, как бы намереваясь идти за ним.

— Вы должны ожидать здесь, сир, — сказал человек в красном, загораживая ему дорогу.

— Почему?

— Таково приказание, сир.

— Чье приказание?

— Нам так приказано, сир.

Грэхэму послышалось в его голосе сдержанное раздражение.

— Что это за комната? — спросил он. — Кто эти люди?

— Это члены Совета, сир.

— Какого Совета?

— Нашего Совета.

— Ого! — воскликнул Грэхэм и после новой неудачной попытки добиться ответа от другого стража подошел к перилам и взглянул на неподвижных людей в белом, пристально рассматривающих его и, по-видимому, перешептывающихся о чем-то.

Совет? Грэхэм заметил, что их теперь уже восемь, хотя и не видел, откуда появился новоприбывший.

И никакого приветствия! Они смотрели на него так же, как смотрела бы в девятнадцатом столетии на улице кучка любопытных на взмывший высоко в небо воздушный шар. Что за Совет собрался здесь? Что это за жалкие фигурки подле величественной белой статуи Атласа, среди торжественного пустынного зала, где их никто не может подслушать? Зачем привели его сюда? Неужели только для того, чтобы смотреть на него и перешептываться?

Внизу показался Говард, направляющийся по блестящему полу к эстраде. Приблизившись, он поклонился и сделал какой-то жест, очевидно, требуемый этикетом. Затем поднялся по ступеням эстрады и остановился возле аппарата на краю стола.

Грэхэм наблюдал за неслышной ему беседой. Вот один из членов Совета взглянул в его сторону. Грэхэм тщетно напрягал слух. Жесты разговаривающих становились все более оживленными. Он перевел взгляд на спокойные лица служителей... Вот Говард протянул руку и качает головой, словно против чего-то протестуя. Вот его прерывает один из одетых в белое людей, ударив рукою по столу.

Совещание, как показалось Грэхэму, длилось бесконечно долго. Он взглянул на неподвижного гиганта, у ног которого происходило заседание Совета, затем на стены зала, украшенные панно в псевдояпонском стиле, некоторые из них были очень красивы. Эти панно в громадных, тонкой работы рамах из темного металла размещались между металлическими кариатидами галереи и

продольными архитектурными линиями. Изящные панно еще более подчеркивали строгую белизну и мощную простоту огромной статуи в центре зала.

Взглянув снова на Совет, Грэхэм увидел, что Говард уже спускается со ступеней. Когда он приблизился, Грэхэм заметил, что лицо его было красно и что он отдувался, как человек, только что выдержавший неприятный разговор. Он был, видимо, смущен и встревожен.

— Сюда, — сказал он кратко, и они молча вошли в маленькую дверь, которая раскрылась при их приближении. По обе стороны этой двери стояли люди в красном одеянии. Переступая порог, Грэхэм обернулся и увидел, что весь Совет в белых одеждах стоит у подножия статуи и смотрит ему вслед. Затем дверь с резким стуком захлопнулась, и в первый раз по своему пробуждению он очутился среди полнейшей тишины. Не слышно было даже своих шагов.

Говард открыл другую дверь, и они оказались в первой из двух смежных комнат, белого и зеленого цвета.

— Что это за Совет? — спросил Грэхэм. — О чем эти люди совещались? Какое они имеют отношение ко мне?

Говард тщательно запер дверь и что-то пробормотал. Пройдясь по комнате, он обернулся и еще раз тяжело вздохнул.

— Уф! — произнес он с облегчением.

Грэхэм стоял и смотрел на него.

— Вы, конечно, понимаете, — начал наконец Говард, стараясь не глядеть на Грэхэма, — что наше социальное устройство чрезвычайно сложно. Если просто сообщить вам голые факты и никак не объяснить их, то у вас сложится неверное представление. Дело в том, что благодаря целому ряду причин небольшое состояние ваше, увеличенное состоянием Уорминга, вашего двоюродного брата, перешедшим по его смерти к вам, чрезвычайно возросло. Вместе с тем ваша личность приобрела весьма большое, мировое значение...

Он замолчал.

— Ну? — произнес Грэхэм.

— Происходят большие волнения.

— Что же дальше?

— Дела приняли такой оборот, что необходимо заключить вас в это помещение.

— Арестовать меня? — воскликнул Грэхэм.

— Не совсем так... На некоторое время вас необходимо изолировать.

— Странно! — удивился Грэхэм.

— Вам не будет причинено ни малейшего вреда.

— Ни малейшего вреда!

— Да, но вы должны оставаться здесь.

— Прежде я хочу осознать свое положение.

— Конечно.

— Отлично, рассказывайте же. О каком вреде вы упомянули?

— Теперь не время рассказывать.

— Почему же?

— Это чересчур длинная история, сир.

— Тем более оснований начать теперь же. Вы сказали, что моя личность имеет большое значение. Что это за крики, которые я слышал? Почему так волнуется народ, узнав, что я проснулся? Кто эти люди в белом зале Совета?

— Все в свое время, сир, — ответил Говард. — Не все сразу. Теперь такое смутное время, что голова идет кругом. Ваше пробуждение... Никто не ожидал, что вы проснетесь. Совет заседает.

— Какой Совет?

— Который вы только что видели.

Грэхэм сделал нетерпеливый жест.

— Этого недостаточно! — воскликнул он. — Вы должны сказать мне, что там происходит.

— Придется вам подождать. Вы должны подождать.

Грэхэм сел.

— Если я ждал так долго, чтобы вернуться к жизни, — проговорил он, — то думаю, что смогу и еще подождать немного.

— Отлично, — сказал Говард. — Это благоразумно. А теперь я пока оставлю вас одного. На некоторое время. Я должен присутствовать в Совете... Право, я очень сожалею...

С этими словами он подошел к бесшумно растворившейся двери и исчез.

Грэхэм подошел к двери и попробовал ее отворить, но тщетно. Он никак не мог понять ее устройство. Тогда он принялся ходить по комнате, потом сел.

Скрестив руки, нахмутив брови и кусая ногти, он неподвижно сидел и старался разобраться в калейдоскопе событий и впечатлений первого часа своей новой жизни после пробуждения. Гигантские механизмы, бесконечные анфилады комнат и переходов, суматоха и борьба на платформах, группа чуждых, враждебных людей у подножия гиганта Атласа, таинственное поведение Говарда! Намек на громадное наследство, в отношении которого, быть может, были допущены злоупотребления, на нечто, чему еще не было прецедентов в истории! Но что же делать?.. Глубокая тишина уединенных комнат так красноречиво говорила ему о заключении.

Внезапно у него мелькнула мысль, что эта цепь ярких впечатлений — всего лишь сон. Он попробовал закрыть глаза, но и это испытанное средство не помогло.

Тогда он принялся осматривать комнаты, в которых находился.

В длинном овальном зеркале он увидел свое отражение и остановился удивленный. Он был одет в изящный костюм пурпурного и светло-синего цвета. Слегка седеющая борода была подстрижена остроконечно, а волосы на голове, когда-то черные, теперь же серебрившиеся сединой, обрамляли его лоб необычной, но довольно красивой прической. Он выглядел, как человек лет сорока пяти.

В первое мгновение он даже не узнал себя. Потом горько рассмеялся.

— Позвать бы теперь старину Уорминга, — воскликнул он, — и отправиться с ним завтракать!

Он стал перебирать в памяти своих знакомых, но вдруг вспомнил, что все эти люди давно уже умерли. Эта мысль так поразила его, что лицо его омрачилось, и он побледнел.

Потом он вспомнил шумные движущиеся платформы, гигантские сооружения чудесных улиц. Крики толпы — и эти безмолвные враждебные члены Совета в белых одеяниях.

Он почувствовал себя таким маленьким, жалким, ничтожным, заброшенным среди этого нового, чуждого мира.

7. Комнаты безмолвия

Грэхэм снова начал осматривать свои покои. Любопытство взяло верх над усталостью. Задняя комната была высокая, с потолком в виде купола, в центре которого находилось овальное отверстие, где вращалось колесо с широкими лопастями, по-видимому, вентилятор. Его слабое жужжание нарушало тишину комнаты. В промежутках между вращающимися лопастями виднелось небо. Грэхэм с изумлением заметил звезду.

Это заставило его обратить внимание на то, что яркое освещение комнат зависит от бесчисленных лампочек, помещенных вдоль карниза. Окон не было. Он припомнил, что не видел окон и во всех других комнатах и переходах, по которым шествовал с Говардом. Правда, он заметил окна в зданиях на улице, но были ли они сделаны для света? Или же весь город днем и ночью освещается искусственным светом, так что здесь совсем нет ночи?

Его поразило еще другое обстоятельство: ни в одной из комнат он не заметил каминов. Или теперь лето и помещение тоже летнее, или же город отапливается весь одновременно? Все это заинтересовало его, и он принялся разглядывать поверхность стен, кровать весьма простой конструкции и остроумные приспособления для уборки спальни. Никаких украшений, хотя архитектурные формы и окраска очень красивы. Несколько удобных кресел и легкий стол, бесшумно передвигающийся на роликах; на нем бутылки с какой-то жидкостью, стаканы и два блюда с прозрачным, похожим на желе веществом. Ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей.

«Да, мир сильно изменился», — подумал он.

Он заметил в соседней комнате ряд странных двойных цилиндров, на белой поверхности которых виднелись зеленые надписи, гармонировавшие с общим убранством комнаты. Как раз посередине из стены выдавался небольшой аппарат четырехугольной формы, размерами около ярда; лицевая сторона его представляла собой что-то вроде белого циферблата. Перед аппаратом стоял стул. У Грэхэма тотчас же мелькнула мысль, что эти цилиндры, вероятно,

заменяют книги, хотя на первый взгляд такое предположение казалось неправдоподобным.

Его удивили надписи на цилиндрах. Сначала ему показалось, что они сделаны на русском языке. Затем он понял, что это был английский язык, только искаженный: «Qi Man huwdbi Kin», — очевидно: «Человек, который хотел быть королем». «Фонетический метод», — подумал Грэхэм.

Он вспомнил, что когда-то читал очень интересную книгу с таким заглавием. Но все же то, что он видел, совсем не походило на книгу. Он прочел еще две надписи на цилиндрах: «Душа сумерек», «Мадонна будущего» — о таких книгах он не слышал, вероятно, они написаны в следующую после викторианской эпоху.

Он с любопытством осмотрел один из цилиндров, затем поставил его на место и принялся за осмотр аппарата. Открыв крышку, он увидел, что внутри вставлен двойной цилиндр. В верхней части прибора виднелась кнопка, совсем как у электрических звонков. Он нажал ее, послышался треск и вслед за тем голоса и музыка, а на циферблате появились цветные изображения. Сообразив, что это такое, Грэхэм отступил назад и стал смотреть.

На гладкой поверхности показалась яркая цветная картина с движущимися фигурами. Они не только двигались, но и разговаривали чистыми, тонкими голосами. Впечатление получалось совершенно такое, как если перевернуть бинокль и смотреть через его большое стекло или же слушать через длинную трубу. Грэхэм сразу же заинтересовался происходящей перед ним сценой.

Мужчина расхаживал взад и вперед и сердитым голосом объяснялся с красивой, капризной женщиной. Оба были в живописных, хотя и странных костюмах.

— Я работал, а что же делали вы? — сказал мужчина.

— А! — воскликнул Грэхэм.

Забыв обо всем на свете, он уселся в кресло. Не прошло и пяти минут, как он услышал фразу: «Когда Спящий проснется», — употребленную в виде пословицы-насмешки над тем, чего никогда не будет.

Вскоре Грэхэм так хорошо узнал действующих лиц, словно они были близкими его друзьями.

Наконец миниатюрная драма окончилась, и циферблат прибора потускнел.

Какой это странный мир, в который ему только что удалось заглянуть: бесчестный мир, где все ищут наслаждений, деятельный, хитрый и одновременно мир жесточайшей экономической борьбы. Некоторые намеки были ему совершенно непонятны, иные эпизоды свидетельствовали о полном изменении нравственных идеалов, о сомнительном прогрессе. Одежду синего цвета — этот цвет преобладал на движущихся платформах — носило, очевидно, простонародье. Грэхэм не сомневался, что сюжет вполне современен и что драма соответствует действительности. Трагический конец произвел на него угнетающее впечатление. Он сидел, устремив взгляд в пространство.

Наконец он вздрогнул и протер глаза. Он до того увлекся только что виденным, этим романом новых дней, что, очнувшись в бело-зеленых комнатах, был удивлен не меньше, чем после своего первого пробуждения.

Он встал со стула и снова очутился в волшебном мире. Впечатление от кинетоскопа рассеялось. Он вспомнил волнение на улицах, загадочный Совет — все пережитое им после пробуждения. Для всех Совет был олицетворением могущества и власти. Все говорили о Спящем. Сначала его не поразило, что он и есть Спящий. Он старался припомнить все, что люди говорили...

Он вошел в спальню и стал смотреть сквозь вентилятор. При вращении колеса слышался глухой шум, врывающийся в комнату ритмическими волнами, и больше ни звука. Несмотря на свет в помещении, он заметил, что полоска неба темно-синего, почти черного цвета и усеяна звездами...

Он принялся снова обследовать помещение, но ему не удалось отворить плотно закрытую дверь, найти звонок или другим способом позвать людей. Способность удивляться уже притупилась; его мучило любопытство, жажда знания. Он хотел точно знать свое положение в этом новом мире. Он тщетно старался успокоиться и терпеливо ждать, пока кто-нибудь придет. Он жаждал разъяснений, борьбы, свежих впечатлений.

Вернувшись в первую комнату и подойдя к аппарату, он сумел переменить цилиндр. Тут ему пришла в голову мысль, что, без

сомнения, только благодаря этому изобретению удалось сохранить язык и он так мало изменился за двести лет. Взятый наудачу цилиндр заиграл какую-то музыкальную фантазию. Начало мелодии было прекрасно, но потом она стала чересчур чувствительной. Грэхэм узнал историю Тангейзера в несколько измененном виде. Музыка была ему незнакома, но слова звучали убедительно, хотя и попадались непонятные места. Тангейзер отправился не в Венусберг, а в Город Наслаждений. Что это за город? Без сомнения, создание пылкой фантазии какого-нибудь писателя.

Тем не менее Грэхэм слушал с любопытством. Но вскоре сентиментальная история перестала ему нравиться, а потом показалась даже неприятной.

Там не было ни воображения, ни идеализации — одна фотографическая реальность. Будет с него этого Венусберга двадцать второго столетия! Он забыл роль, какую сыграл в искусстве девятнадцатого столетия прототип этой пьесы, и дал волю своему неудовольствию. Он поднялся, раздосадованный: ему было как-то неловко, хотя он слушал эту вещь в одиночестве. Он злобно толкнул аппарат, пытаясь остановить музыку. Что-то треснуло. Вспыхнула фиолетовая искра; по его руке пробежал ток, и аппарат замолк. Когда на следующий день Грэхэм попробовал вынуть цилиндры с Тангейзером и заменить Их новыми, аппарат оказался испорченным...

Волнуемый самыми разнообразными мыслями, Грэхэм принялся шагать по комнате. То, что ему показал аппарат, и то, что он видел собственными глазами, смущало его. Ему казалось теперь странным и удивительным, что за всю свою тридцатилетнюю жизнь он ни разу не попытался представить себе, каким же станет будущее.

«Мы сами же готовили это будущее, — подумал он, — и едва ли кто-нибудь из нас о нем думал. А теперь вот оно! Чего они достигли? Что ими сделано? Как войду я в этот мир? Он уже видел эти гигантские постройки, эти громадные толпы народа. — Но какие волнения потрясают это общество! Какова развращенность высших классов!»

Он вспомнил о Беллами, который своей социальной утопией так странно предвосхитил действительность, какую он теперь переживает. Но то, что происходит теперь, — не утопия и не

социализм. Он видел вполне достаточно, чтобы понять, что прежний контраст между роскошью, расточительностью и распущенностью, с одной стороны, и черной нищетой — с другой, еще более обострился. Будучи знаком с основными факторами общественной жизни, он мог вполне оценить положение вещей. Гигантских размеров достигли не одни только постройки; очевидно, и всеобщее недовольство достигло крайних пределов — об этом свидетельствуют крики возбужденного народа, беспокойство Говарда, атмосфера всеобщего чрезвычайного недовольства. Что это за страна? По-видимому, Англия, хотя это так мало на нее похоже. Тщетно он старался представить себе, что стало с остальным миром, — все было покрыто загадочной пеленой.

Он шагал из угла в угол, как зверь в клетке, осматривая каждую мелочь. Он чувствовал сильную усталость и лихорадочное возбуждение, которое не давало уснуть.

Долгое время стоял он под вентилятором, прислушиваясь и стараясь уловить отголоски восстания, которое, как он был убежден, не прекратилось.

Он начал разговаривать сам с собой.

— Двести три года, — повторял он с бессмысленным смехом. — Значит, мне теперь двести тридцать три года! Самый старый человек на земле! Возможно, что и теперь, как и в былые времена, власть — прерогатива старости. В таком случае мое право первенства неоспоримо. Так, так! Ведь я помню болгарскую резню, как будто это происходило вчера. Почтенный возраст! Ха, ха!

Он удивился, услышав свой смех, и рассмеялся еще громче. Потом, осознав, что его поведение похоже на безумие, остановился: «Побольше сдержанности, побольше сдержанности».

Он замедлил шаг.

— Это новый мир — я не понимаю его. Но почему?.. Все время это «почему». Вероятно, люди давно уже научились летать да и многому другому. Однако как же все это началось?..

Его удивило, что почти вся тридцатилетняя жизнь успела исчезнуть из памяти и что он с большим трудом может вспомнить лишь некоторые незначительные моменты. Лучше всего сохранились воспоминания детства; он вспомнил учебники, уроки арифметики. Потом воскресли воспоминания о значительных событиях его жизни; он вспомнил жену, давно уже умершую, ее магическое гибельное

влияние на него, вспомнил своих соперников, друзей и врагов, вспомнил, как необдуманно принимал разнообразные решения, вспомнил годы тяжелых испытаний, лихорадочные порывы, наконец, свою напряженную работу. Вскоре вся прежняя его жизнь вновь предстала перед ним в мельчайших подробностях, тускло мерцая, подобно заржавленному металлу, еще годному для шлифовки. Воспоминания только растравили его раны. Стоит ли в них копаться — шлифовать этот металл? Каким-то чудом он выхвачен из прежней невыносимой жизни.

Он стал обдумывать свое теперешнее положение. Он тщетно боролся с фактами и не находил выхода, запутавшись в клубке противоречий. Сквозь вентилятор он заметил, что небо порозовело. Из потаенных уголков его памяти всплыла мысль, некогда настойчиво преследовавшая его. «Ах да, мне необходимо заснуть», — вспомнилось ему. Сон должен утолить его душевные муки и облегчить телесные страдания.

Подойдя к небольшой странной кровати, он лег и тотчас же уснул...

Волей-неволей пришлось подробно ознакомиться со своим помещением, так как заключение длилось целых три дня. В течение этого времени никто, кроме Говарда, не заходил в его тюрьму. Загадочность его положения превосходила загадочность его пробуждения. Казалось, он только затем и очнулся от своего необыкновенного сна, чтобы попасть в это таинственное заключение. Говард регулярно посещал его и приносил подкрепляющие и питательные напитки и какую-то легкую и вкусную пищу. Входя, он всякий раз запирал за собой дверь. Держался он очень предупредительно и любезно, но Грэхэм не мог ничего узнать о том, что происходит там, за этими безмолвными стенами. Говард весьма вежливо, но решительно избегал всяких разговоров о положении дел в городе.

За эти три дня Грэхэм многое передумал. Он сопоставлял все, что ему удалось видеть, с тем фактом, что его стараются держать взаперти. Он строил всевозможные предположения и начал понемногу догадываться. Благодаря этому вынужденному уединению он смог потом осмыслить все, что с ним произошло. Когда наконец наступил момент освобождения, Грэхэм был уже к нему

подготовлен... Поведение Говарда доказывало, что он, Грэхэм, действительно значительная персона. Казалось, всякий раз вместе с Говардом в раскрытую дверь врывается веяние каких-то важных событий. Вопросы Грэхэма делались все определеннее и точнее, так что поставленному в тупик Говарду оставалось лишь протестовать. Он повторял, что пробуждение Грэхэма застало их врасплох и к тому же совпало с беспорядками.

— Чтобы объяснить это вам, я должен рассказать историю за полтора гросса лет, — возражал Говард.

— Очевидно, — сказал Грэхэм, — вы боитесь, что я могу что-то сделать. Я являюсь как бы посредником или по крайней мере могу быть таковым.

— Вовсе нет, но, — думаю, я могу вам это сказать, — ваше богатство, которое непомерно возросло за это время, может позволить вам вмешаться в события. А кроме того, ваши взгляды человека восемнадцатого столетия...

— Деятнадцатого, — поправил Грэхэм.

— Вы человек старого мира и совершенно несведущи в нашем государственном устройстве.

— Разве я такой невежда?

— Отнюдь нет.

— Разве похож я на человека, способного действовать опрометчиво?

— Никто не ожидал, что вы можете действовать. Никто не верил в ваше пробуждение. Никто даже не мечтал о вашем пробуждении. Совет поставил вас в антисептические условия. Ведь мы были уверены, что вы давно уже мертвы, что тление только остановлено. А вы между тем... но нет, это чересчур сложно. Мы не можем так скоро... вы еще не оправились после пробуждения.

— Нет, это не то, — сказал Грэхэм. — Положим, это так, но почему же меня не насыщают день и ночь знаниями, мудростью ваших дней, чтобы подготовить меня к моей ответственной роли? Разве я знаю теперь больше, чем два дня назад, если с тех пор, как я проснулся, действительно прошло два дня?

Говард поджал губы.

— Я начинаю понимать, я с каждым часом все глубже проникаю в тайну, носителем которой являетесь вы. Чем занят ваш Совет, или

комитет, или как его там зовут? Стряпает отчет о моем состоянии? Так, что ли?

— Такое выражение недоверия... — начал Говард.

— Ого! — перебил Грэхэм. — Лучше запомните мои слова: плохо будет тем, кто держит меня здесь, плохо будет! Теперь я совсем ожил. Будьте уверены, я окончательно ожил. С каждым днем мой пульс делается все более четким, а мозг работает все энергичнее. Я не хочу больше покоя! Я вернулся к жизни. Я хочу жить.

— Жить!

Лицо Говарда озарилось какой-то мыслью. Он ближе подошел к Грэхэму и заговорил конфиденциальным тоном:

— Совет заключил вас сюда для вашего же блага. Вы скучаете. Вполне естественно — такой энергичный человек! Вам надоело здесь. Но мы готовы удовлетворить любое ваше желание, малейшее ваше желание. Что вам угодно? Быть может, общество?

Он многозначительно замолчал.

— Да, — произнес Грэхэм задумчиво, — именно общество.

— А! Так вот что! Поистине мы невнимательно отнеслись к вашим нуждам.

— Общество тех людей, что наполняют ваши улицы.

— Вот как! — сказал Говард. — Сожалею... но...

Грэхэм начал шагать по комнате. Говард стоял у двери, наблюдая за ним.

Намеки Говарда показались Грэхэму не совсем ясными. Общество? Допустим, он примет предложение, потребует себе общество. Но может ли он узнать от своего собеседника хоть что-нибудь о той борьбе, которая началась на улицах города к моменту его пробуждения? Он задумался. Внезапно он уразумел намек и повернулся к Говарду.

— Что вы подразумеваете под словом «общество»?

Говард поднял глаза вверх и пожал плечами.

— Общество себе подобных, — ответил он, и улыбка пробежала по его каменному лицу. — У нас более свободные взгляды на этот счет, чем были в ваше время. Если мужчина желает развлечься и ищет женского общества, мы не считаем это зазорным. Мы свободны от таких предрассудков. В нашем городе есть класс людей, весьма необходимый класс, никем не презираемый, скромный...

Грэхэм молча слушал.

— Это развлечет вас, — продолжал Говард. — Мне следовало бы об этом подумать раньше, но тут были такие события... — Он указал рукой на улицу.

Грэхэм молчал. На мгновение перед ним возник соблазнительный образ женщины, созданный его воображением. Затем он возмутился.

— Нет! — воскликнул он и принялся бегать по комнате. — Все, что вы говорите, все, что вы делаете, убеждает меня, что я причастен к каким-то великим событиям. Я вовсе не хочу развлекаться. Желания, чувственность — это смерть! Угасание! Я это знаю. В моей предыдущей жизни, перед тем как заснуть, я достаточно потрудился для уяснения этой печальной истины. Я не хочу начинать снова. Там город, народ... А я сижу тут, как кролик в мешке.

Он чувствовал такой прилив гнева, что задыхался. Сжав кулаки, он потрясал ими в воздухе. Потом разразился архаическими проклятиями. Его жесты стали угрожающими.

— Я не знаю, к какой принадлежите вы партии. Я нахожусь в потемках, и вы не хотите вывести меня на свет. Но я знаю одно: меня заключили сюда с каким-то дурным умыслом. С недобрым умыслом. Но, предупреждаю вас, предупреждаю вас, что вы понесете ответственность. Когда я получу власть...

Он спохватился, сообразив, что такая угроза может быть опасной для него самого, и замолчал. Говард стоял и глядел на него с любопытством.

— Это необходимо довести до сведения Совета, — сказал он.

Грэхэм чуть не бросился на него, чтобы убить или задушить. Вероятно, лицо Грэхэма красноречиво выражало его чувства, так как Говард не стал терять времени. В одно мгновение бесшумная дверь снова захлопнулась, и человек девятнадцатого столетия остался один.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, со сжатыми кулаками. Затем руки его бессильно опустились.

— Как глупо я себя вел! — вскричал он злобно и стал нервно шагать по комнате, бормоча проклятия.

Долгое время он не мог успокоиться, проклиная свою участь, свое неблагоразумие и тех негодяев, которые заперли его. Он не мог спокойно обдумать свое положение. Он пришел в ярость, потому что боялся за будущее.

Наконец он успокоился. Правда, заточение его беспричинно, но, без сомнения, оно предпринято на законном основании, — таковы законы новейшего времени. Ведь теперешние люди на двести лет ушли вперед по пути цивилизации и прогресса по сравнению с его современниками. Нет никаких оснований думать, что они стали менее гуманны. Правда, они свободны от предрассудков. Но разве гуманность — такой же предрассудок, как и целомудрие?

Он ломал себе голову: как с ним поступят? Но все его предположения, даже самые логичные, ни к чему не привели.

— Что же они могут со мной сделать? Если допустить даже самое худшее, — произнес он после долгого размышления, — ведь я могу согласиться на все их требования. Но чего они желают? И почему они вместо того, чтобы предъявить свои требования, держат меня взаперти?

Он снова начал ломать голову, стараясь разгадать намерения Совета. «Что значат эти мрачные, косые взгляды, непонятные колебания, все поведение Говарда? А что, если убежать из этой комнаты?»

Некоторое время он обдумывал план бегства. «Но куда скрыться в этом густонаселенном мире? Я попал бы в худшее положение, чем древний саксонский поселянин, внезапно выброшенный на лондонскую улицу девятнадцатого столетия. Да и как убежать из этой комнаты? Кому нужно, чтобы со мной произошло несчастье?»

Он вспомнил о народном волнении, о мятеже, осью которого, по-видимому, являлась его особа. И вдруг из тайников его памяти, казалось бы, не относящиеся к делу, но звучавшие весьма убедительно, всплыли слова, произнесенные в синедрионе: «Лучше одному человеку погибнуть, чем целому народу».

8. По стеклянным кровлям

Из вертевшегося вентилятора во второй комнате сквозь отверстие, в котором виднелось ночное небо, слышались смутные звуки. Грэхэм, стоявший подле и размышлявший о той таинственной силе, которая засадила его в эти комнаты и которой он так неосмотрительно только что бросил вызов, с изумлением услышал чей-то голос.

Заглянув вверх, в просветы темного вентилятора, он различил смутные очертания лица и плеч человека, смотревшего на него снаружи. Темная рука протянулась к вентилятору, лопасти которого ударились о нее и покрылись пятнами; на пол закапала какая-то жидкость.

Грэхэм посмотрел на пол и увидел у своих ног пятна крови. В испуге он поднял голову. Силуэт исчез.

Грэхэм стоял, не двигаясь, напряженно всматриваясь в чернеющее отверстие: снаружи была глубокая ночь. Ему показалось, что он видит какие-то неясные бледные пятнышки, порхающие в воздухе. Они неслись прямо к нему, но, встречая ток воздуха от вентилятора, уносились, в сторону. Попадая в полосу света, они вспыхивали ярким белым блеском и вновь гасли в темноте.

Грэхэм понял, что в нескольких футах от него, за стеной этого светлого и теплого помещения, падает снег.

Он прошелся по комнате и снова приблизился к вентилятору. Вдруг он заметил, что за колесом вентилятора опять мелькнула чья-то голова. Слышался шепот. Затем осторожный удар каким-то металлическим орудием, треск, голоса, — вентилятор остановился.

В комнату посыпались снежные хлопья, они таяли, не долетев до пола.

— Не бойтесь, — слышался чей-то голос.

Грэхэм стоял у вентилятора.

— Кто вы? — прошептал он.

Одно мгновение ничего не было слышно, кроме поскрипывания вентилятора, затем в отверстие осторожно просунулась голова незнакомца. Лицо его было обращено к Грэхэму. Черные волосы были мокры от снега, он схватился за что-то рукой. Лицо у него было

совсем молодое, глаза блестели и жилы на висках вздулись. Упираясь в темноте обо что-то руками, он напрягал все силы, чтобы сохранить равновесие.

Несколько мгновений оба молчали.

— Вы Спящий? — спросил наконец незнакомец.

— Да, — ответил Грэхэм. — Что вам от меня надо?

— Я от Острога, сир.

— От Острога?

Человек в вентиляторе повернул голову, и Грэхэм увидел его лицо в профиль. Казалось, он прислушивался. Вдруг незнакомец слегка вскрикнул и поспешно откинулся назад, еле успев ускользнуть от завертевшегося вентилятора. Несколько минут Грэхэм ничего не видел, кроме медленно падавших снежных хлопьев. Прошло около четверти часа, затем наверху снова раздался тот же металлический стук; вентилятор остановился, и в отверстии показалась голова. Все это время Грэхэм стоял неподвижно, тревожно прислушиваясь и чего-то ожидая.

— Кто вы такой? Что вам нужно? — спросил он.

— Мы хотим поговорить с вами, сир, — сказал незнакомец. — Мы хотим... но колесо трудно сдержать. Вот уже три дня, как мы стараемся пробиться к вам.

— Что это? Избавление? — прошептал Грэхэм. — Побег?

— Да, если вы согласны, сир.

— Вы из моей партии, партии Спящего?

— Да, сир.

— Что же мне делать? — спросил Грэхэм.

Глухой треск. В отверстии показалась рука незнакомца с окровавленной кистью, а затем и колени.

— Отойдите в сторону, — прошептал незнакомец и спрыгнул, упав на руки и ударившись плечом о пол.

Вентилятор яростно завертелся. Незнакомец проворно вскочил на ноги и остановился, переводя дыхание и потирая ушибленное плечо. Его блестящие глаза были устремлены на Грэхэма.

— Так вы в самом деле Спящий! — сказал он. — Я видел вас, когда вы спали. Тогда еще каждый мог вас видеть.

— Я тот самый человек, который находился в летаргии, — ответил Грэхэм. — Они заперли меня здесь. Я нахожусь здесь с

момента моего пробуждения, не менее трех дней.

Незнакомец хотел ответить, но, видимо, что-то услышал, оглянулся на дверь и бросился к ней, быстро выкрикивая какие-то непонятные слова. В руке юноши блеснул кусок стали, и он изо всех сил стал сбивать с двери петли.

— Берегись! — послышался чей-то голос сверху.

Грэхэм увидел над собой подошвы башмаков, нагнулся, и что-то тяжелое рухнуло на него сверху. Он упал на четвереньки, и кто-то перевалился через его голову. Став на колени, он увидел, что перед ним сидит второй незнакомец.

— Простите, я не заметил вас, сир, — проговорил тот, тяжело дыша; поднявшись, он помог Грэхэму встать. — Вы не ушиблись, сир?

Снаружи послышались удары по вентилятору; кусок белого металла упал сверху, едва не задев лица Грэхэма, и со звоном покатился по полу.

— Что это такое? — вскрикнул удивленный Грэхэм, глядя на вентилятор. — Кто вы такой? Что вы делаете? Запомните, что я ничего не знаю.

— Отойдите в сторону, — сказал незнакомец, оттаскивая его из-под вентилятора.

Оттуда со звоном выпал другой кусок металла.

— Мы хотим вас увести отсюда, сир, — заявил новоприбывший, на лбу его багровел шрам и сочились капли крови. — Ваш народ призывает вас.

— Как увести? Какой народ?

— В зал, около рынка. Ваша жизнь подвергается здесь опасности. У нас есть лазутчики. Мы узнали как раз вовремя — Совет постановил сегодня убить или отравить вас. Все уже готово. Наши люди обучены, охрана ветряных двигателей, инженеры и половина вагоновожатых на зубчатках — все заодно с нами. Весь город восстал против Совета. У нас есть оружие.

Он отер со лба кровь рукой.

— Ваша жизнь в опасности!

— Но зачем вам оружие?

— Народ восстал, чтобы защитить вас, сир... Что такое?

Он быстро обернулся к своему товарищу, услышав легкий свист сквозь зубы.

Грэхэм увидел, как первый незнакомец, делая им знаки спрятаться, осторожно, на цыпочках подошел к наружной двери и встал так, что она, отворившись, прикрыла его собой.

В комнату вошел Говард, держа в одной руке небольшой поднос. Лицо его было мрачно, глаза опущены. Вздвогнув, он поднял глаза, дверь с треском захлопнулась, поднос покачнулся в его руке, стальной клинок ударил его в висок.

Говард свалился, как подрубленное дерево. Человек, нанесший удар, наклонился, внимательно осмотрел его лицо, затем, повернувшись к двери, вновь принялся за свою работу.

— Он принес вам яд, — прошептал чей-то голос на ухо Грэхэму.

Бесчисленные лампочки, горевшие вдоль карниза, разом погасли. Наступила полная темнота, только в отверстии вентилятора крутились снежные хлопья и можно было разглядеть три темные фигуры. Затем сверху спустили лестницу, и в чьей-то руке блеснул желтый свет.

Мгновение Грэхэм колебался. Но все поведение этих людей, их лихорадочная поспешность, их слова так согласовались с его собственным страхом перед Советом, с его надеждою на побег, что он не стал раздумывать. «Народ ждет меня!»

— Я ничего не понимаю, но верю вам, — прошептал он. — Скажите, что мне делать.

Человек со шрамом на лбу схватил его за руку.

— Взбирайтесь по лестнице, — прошептал он. — Скорее! Должно быть, они услышали!..

Ощупав руками лестницу и поставив ногу на первую ступеньку, Грэхэм оглянулся и через плечо стоявшего сзади него незнакомца при желтом свете фонарика заметил, что другой незнакомец возится около двери, усевшись на теле Говарда.

Грэхэм стал взбираться с помощью незнакомца и людей наверху; он быстро пролез через отверстие вентилятора и очутился на твердой, холодной и скользкой поверхности.

Он дрожал от холода. Температура резко изменилась. Вокруг него стояло с полдюжины каких-то людей. Хлопья снега садились на лицо, руки и быстро таяли. На мгновение блеснул бледный фиолетовый свет, потом снова стало темно.

Он понял, что стоит на кровле обширной городской постройки, которая заменяет отдельные дома, улицы и площади прежнего

Лондона. Кровля представляла собой плоскость, откуда во все стороны громадными змеями тянулись канаты. В снегопаде маячили гигантские колеса ветряных двигателей, которые шумно вращались при порывистом ветре. Где-то внизу, пронизывая снежные вихри, шарил прожектор. Там и сям из темноты выступали смутные очертания каких-то механизмов, приводимых в движение ветром; синеватые искры взлетали к небу.

Все это Грэхэм рассмотрел за несколько секунд, пока его избавители стояли вокруг него, переговариваясь между собой. Кто-то набросил на Грэхэма теплый плащ из материи, похожей на мех, застегнул застежки на груди и плечах.

Перебрасывались краткими, отрывистыми фразами. Кто-то потянул Грэхэма вперед.

— Сюда, — произнес невидимый проводник, указывая на отдаленный смутный полукруг света.

Грэхэм повиновался.

— Осторожней! — слышался тот же голос, когда Грэхэм споткнулся о канат. — Идите между канатами, а не напрямик. Надо поторопиться.

— Где же народ? — спросил Грэхэм. — Тот народ, который ждет меня?

Незнакомец ничего не ответил. Он выпустил руку Грэхэма, так как дорога стала узкой, и пошел вперед. Грэхэм послушно следовал за ним. Они почти бежали.

— А где другие? — спросил он, с трудом переводя дыхание, но ответа не последовало.

Его провожатый только обернулся и ускорил шаги. Они подошли к переходу из поперечных металлических прутьев и свернули в сторону. Грэхэм тоже обернулся назад, но не мог никого рассмотреть в снежном вихре.

— За мной! — торопил проводник.

Они приближались к ветряному двигателю, вертевшемуся где-то высоко в воздухе.

— Стоп, — сказал проводник. Они едва не наткнулись на провод, тянувшийся к отверстию вентилятора. — Сюда! — И они очутились по щиколотку в мокром снегу между двумя металлическими стенками, достигавшими им до пояса.

— Я пойду вперед, — заявил проводник.

Завернувшись в плащ, Грэхэм последовал за ним. Перед ними раскрылась темная пропасть, через которую был перекинут металлический желоб. Заглянув вниз, Грэхэм увидел только черный провал. На мгновение он даже пожалел, что решился на бегство. Он боялся глядеть вниз, у него начала кружиться голова, он все брел и брел по талому снегу.

Наконец они перешли через пропасть, выбрались из желоба и зашагали по площадке, запорошенной снегом и светящейся изнутри. Грэхэм продвигался с опаской — поверхность казалась ему ненадежной, — но проводник смело шагал вперед. Вскарabкавшись по скользким ступеням, они очутились у самого основания громадного стеклянного купола и пошли вокруг него. Далеко внизу виднелись толпы танцующих, слышалась музыка. Сквозь завывания бури Грэхэму почудились крики, и проводник стал его торопить. Они поднялись на площадку, где стояло множество ветряных двигателей, из которых один был так велик, что в темноте мелькала только часть его двигавшегося крыла. Пробравшись через лес металлических подпорок, они наконец очутились над движущимися платформами, вроде тех, какие Грэхэм видел с балкона. Им пришлось на четвереньках ползти по скользкой прозрачной крыше, простирающейся над улицей.

Стекла запотели, и Грэхэм не мог различить, что там внизу, но около вершины этой прозрачной кровли стекла были чисты, и ему показалось, что он висит в воздухе. У него закружилась голова, и, несмотря на настойчивые требования проводника, он почувствовал себя как бы парализованным. Далеко внизу муравейником кишел бессонный город при свете вечного дня. Фигурки вестников или рабочих проносились по слабо натянутым канатам, на воздушных мостах было полно народа, мелькали движущиеся платформы. Грэхэму казалось, что он смотрит сверху внутрь гигантского застекленного улья, удерживаемый от падения со страшной высоты только сопротивлением хрупкой стеклянной пластины.

На улицах было светло и тепло. Грэхэм же промок от тающего снега, и ноги у него озябли. Некоторое время он не мог двигаться.

— Скорее! — кричал испуганный проводник. — Скорее!

Грэхэм с трудом добрался до вершины кровли.

Следуя примеру проводника, он покатился ногами вниз по склону, увлекая за собой маленькую снежную лавину. Он боялся, что эта покатость оканчивается отвесным обрывом, и очень обрадовался, когда, больно ударившись, погрузился в холодную снежную кашу. Проводник уже карабкался по металлической решетке на обширную ровную поверхность, где сквозь снежную пелену можно было разглядеть смутные очертания новой вереницы ветряных двигателей.

Внезапно в мерный шум вращающихся колес ворвался пронзительный, дребезжащий свист какого-то механизма, доносившийся отовсюду, со всех сторон горизонта.

— За нами погоня! — воскликнул в ужасе проводник.

Ослепительный свет разлился в воздухе, и ночь превратилась в день.

Среди снежной метели над ветряными двигателями выросла гигантская мачта с ослепительными шарами, бросавшими яркие полосы света во все стороны. Все вокруг, насколько хватал глаз, было ярко освещено.

— Сюда! — крикнул проводник и толкнул его на металлическую решетку, тянущуюся между двумя покатыми плоскостями, покрытыми снегом.

Решетка была теплая и согревала Грэхэму окоченевшие ноги, от которых даже пошел легкий пар.

— Скорее! — крикнул проводник, шедший метров на десять впереди, и, не дождавшись Грэхэма, побежал через ярко освещенное пространство к железным устоям ветряных двигателей.

Опомнившись от изумления, Грэхэм поспешил за ним; он был уверен, что гибель неминуема.

Несколько минут они шли в кружевных сплетениях света и тени, отбрасываемых чудовищными движущимися механизмами. Внезапно проводник отскочил в сторону и исчез в густой тени за углом гигантской подпорки. Через мгновение Грэхэм стоял рядом с ним.

Тяжело переводя дыхание, они стали осматриваться.

Глазам Грэхэма представилась странная картина. Снег перестал падать, в воздухе носились только редкие хлопья. Обширная ровная поверхность сверкала мертвенно-белым снегом. Там и сям ее прорезывали движущиеся лопасти и чернели гигантские металлические фермы, похожие на неуклюжих титанов. Огромные

металлические сооружения, сплетения железных гигантских балок, медленно вращавшиеся в затишье крылья ветряных двигателей, мерцая, круто вздымались в светящуюся мглу. Когда полоса мерцающего света направлялась вниз, перекладины и балки, казалось, стремительно переплетались и паутина теней скользила по белому фону. Безлюдная снежная пустыня с гигантскими, неустанно вращающимися механизмами казалась такой же безжизненной, как одна из заоблачных альпийских вершин.

— Они гонятся за нами, — воскликнул проводник, — а мы еще только на полпути! Хотя и холодно, но надо переждать, пока снова пойдет снег.

Зубы его стучали от холода.

— Где же рынки? — спросил Грэхэм, пристально вглядываясь во мглу. — Где народ?

Проводник ничего не ответил.

— Смотрите! — прошептал вдруг Грэхэм и весь съежился, припав к снегу.

Снег снова начал падать, и из черной пучины ночного неба быстро спускалась какая-то большая машина. Круто снизившись, машина взмыла и повисла на распростертых широких крыльях, выбрасывая сзади струйку белого пара. Затем медленно и плавно заскользила в воздухе, поднимаясь вверх, снова снизилась, описала широкий круг и исчезла в снежной метели.

Сквозь плоскости машины Грэхэм успел рассмотреть двух человек, из которых один управлял рулем, а другой, как ему показалось, наблюдал в бинокль. Одно мгновение Грэхэм видел их совершенно отчетливо, затем они потускнели в хлопьях снега и, наконец, исчезли.

— Теперь можно! — воскликнул проводник. — Идем!

Схватив Грэхэма за рукав, он побежал среди леса подпорок ветряных двигателей. Вдруг проводник остановился и обернулся к Грэхэму, который, не ожидая этого, налетел на него. Оглядевшись, он увидел, что впереди на расстоянии двенадцати метров черная пропасть. Путь дальше отрезан.

— Делайте то же, что я, — прошептал проводник.

Он подполз к краю и, перегнувшись, спустил одну ногу. Нащупав ею какую-то опору, он соскользнул в пропасть. Потом высунул голову.

— Здесь есть выступ, — прошептал он. — Всю дорогу будет темно. Следуйте за мной.

Грэхэм нерешительно опустился на четвереньки, подполз к краю и заглянул в бархатно-черную бездну. Несколько мгновений он стоял неподвижно. Наконец решился, сел и спустил ноги. Проводник схватил его за руку и потащил вниз. С замиранием сердца Грэхэм почувствовал, что скользит в бездну, и скоро очутился в желобе, наполненном мокрым снегом; кругом было темно, хоть глаз выколи.

— Сюда, — послышался шепот.

И Грэхэм, скорчившись и прижимаясь к стенке, пополз за проводником по мокрому снегу.

Долго двигались они молча, изнемогая от холода и усталости; казалось, этому мучительному пути не будет конца; Грэхэм уже не чувствовал своих замерзших рук и ног.

Желоб спускался вниз, и Грэхэм заметил, что край кровли находится на высоте нескольких метров над ними. Выше виднелся ряд тускло светящихся пятен, вроде плотно занавешенных окон. Над одним из них был укреплен конец каната, спускавшегося вниз и исчезавшего в темной бездне. Внезапно проводник схватил его за руку.

— Тише, — еле слышно прошептал он.

Взглянув вверх, Грэхэм с ужасом увидел огромные распростертые крылья летательной машины, медленно и беззвучно пронесившейся по снежному голубовато-серому небу. Мгновение — и она исчезла.

— Не шевелитесь; они еще вернутся.

Оба замерли. Затем проводник встал и, ухватив канат, стал быстро его к чему-то привязывать.

— Что это такое? — спросил Грэхэм.

В ответ послышался слабый крик. Грэхэм обернулся и увидел, что проводник точно застыл от ужаса и смотрит на небо. Грэхэм заметил вдалеке летательную машину, она казалась совсем маленькой. Крылья ее широко развернулись, машина быстро росла, приближаясь к ним.

Проводник лихорадочно принялся за работу. Он сунул в руки Грэхэму две скрещенные перекладины. Грэхэм в темноте мог только ощупью определить их форму. Они были прикреплены к канату. На тресе он нащупал мягкие, эластичные петли для рук.

— Пропустите крест между ног, садитесь, — взволнованно шептал проводник, — держитесь за петли. Крепче держитесь, крепче!

Грэхэм повиновался.

— Прыгайте! — крикнул проводник. — Прыгайте, ради бога!

Грэхэм ничего не мог ответить. Впоследствии он был рад, что темнота скрыла его лицо. Он молчал, дрожал, как в лихорадке, и смотрел на летательную машину, которая неслась прямо на них.

— Прыгайте! Прыгайте! Скорей, ради бога! А не то они поймают нас!.. — воскликнул проводник и толкнул Грэхэма.

Грэхэм пошатнулся, непроизвольно вскрикнул и в ту самую минуту, когда машина была над их головой, ринулся вниз, в черную бездну, крепко обхватив ногами перекладины и конвульсивно цепляясь руками за канат. Раздался сухой треск, и что-то ударилось о стену. Он слышал, как гудел канат, по которому скользил блок, как кричали люди, сидевшие в летательной машине. Он чувствовал, что в спину его упрутся чьи-то колени... Он стремительно падал вниз, изо всех сил сжимая спасительный трос. Он хотел крикнуть — и не мог.

Он летел по направлению к ослепительному свету. Внизу уже виднелись знакомые ему улицы, подвижные пути, громадные светящиеся шары и сплетения балок. Все это несло мимо него куда-то вверх. Затем какое-то круглое зияющее отверстие поглотило его.

Он снова очутился в темноте, стремглав падая вниз и до боли в руках впиваясь в канат, — и вот раздался какой-то звук, свет ударил ему в глаза, и он увидел себя над ярко освещенным залом, полным народа. Народ! Его народ! Навстречу ему плыла эстрада с подмостками. Он спускался по канату в отверстие справа от эстрады. Грэхэм почувствовал, что скорость движения начинает замедляться. И вдруг движение стало совсем медленным.

Послышались радостные крики: «Спасен! Наш правитель! Он спасся!» Подмостки медленно приближались к нему. Потом...

Он услышал, как проводник, сидевший у него за спиной, испуганно закричал, и крик этот был повторен толпой внизу. Грэхэм почувствовал, что он уже не скользит по канату, а падает вниз вместе с канатом. Буря криков, вопли ужаса. Еще мгновение — и вытянутые руки его наткнулись на что-то мягкое. От сотрясения Грэхэм потерял сознание...

Его подхватили на руки. Ему казалось, что его перенесли на платформу и дали ему что-то выпить. Что сделалось с его проводником, он не видел. Когда он очнулся, то увидел, что стоит. Чьи-то руки его поддерживают. Он находился в нише вроде театральной ложи. Может быть, это и был театр.

В ушах его отдавался оглушительный рев толпы:

— Вот Спящий! Спящий с нами!

— Спящий с нами! Наш правитель! Он с нами! Он спасен!

Громадный зал был полон народа. Грэхэм не мог различить отдельных лиц — море голов с розовой пеной лиц, взмах рук, платков. Он чувствовал гипнотизирующее влияние толпы. Балконы, галереи, огромные арки, за которыми открывались далекие перспективы, — все кишело ликующим народом. Невдалеке, как мертвая змея, лежал канат, перерезанный в верхней части людьми с летательной машины. Люди суетились, убирая его с дороги. Стены здания содрогались от рева многотысячной толпы.

Грэхэм всматривался в окружающие его лица. Несколько человек поддерживали его под руки.

— Отведите меня в маленькую комнату, — сказал он, — в маленькую комнату.

Больше он ничего не мог выговорить.

Какой-то человек в черном одеянии выступил вперед и взял его под руку. Другие отворили перед ним дверь.

Его подвели к креслу. Тяжело опустившись, почти упав, он уткнул лицо в ладони. Он дрожал, как в лихорадке. Кто-то снял с него плащ, но он даже не заметил этого — его пурпурные чулки были мокры и казались черными. Кругом него двигались люди, совершались какие-то важные события, но он ничего не замечал.

Итак, он спасен. Сотни тысяч голосов подтверждают это. Он в безопасности. Весь народ на его стороне. Грэхэм задышался. Он сидел неподвижно, закрыв лицо руками. А воздух содрогался от торжествующих криков огромной толпы.

9. Народ восстал

Грэхэм заметил, что кто-то из окружающих предлагает ему стакан с бесцветной жидкостью. Взглянув, он увидел перед собой смуглого, черноволосого молодого человека в желтом одеянии. Грэхэм выпил и сразу оживился, и согрелся. Рядом с ним стоял высокий человек в черном, указывая на полуоткрытую дверь в зал. Человек этот кричал ему что-то на ухо, но в реве толпы Грэхэм ничего не мог разобрать. Позади стояла красивая девушка в серебристо-сером платье. Темные глаза ее; полные удивления и любопытства, были устремлены на него, губы ее слегка шевелились. В полуоткрытую дверь виднелся громадный зал, полный народа; оттуда неслись аплодисменты, стук и крики. Все время, пока Грэхэм находился в небольшой комнате, гул то затихал, то снова разрастался.

Глядя на губы человека в черном, он понял наконец, что тот напрасно старается что-то объяснить ему.

Грэхэм тупо осматривался по сторонам, потом вскочил и, схватив за руку кричавшего человека, воскликнул:

— Но скажите же мне, кто я, кто я?

Услышав, что он говорит, остальные придвинулись ближе.

— Кто я? — Он старался прочесть ответ на лицах окружающих.

— Они ничего не объяснили ему! — воскликнула девушка.

— Говорите же, говорите же! — умолял Грэхэм.

— Вы Правитель Земли. Вы властелин половины мира.

Грэхэм подумал, что ослышался. Он отказывался верить. Он сделал вид, что не слышит, не понимает, и заговорил снова:

— Я проснулся три дня назад, три дня находился в заключении. Что это за восстание? Чего добивается народ? Что это за город? Лондон?

— Да, Лондон, — ответил юноша.

— А те, что собрались в большом зале с белым Атласом? Какое отношение имеет все это ко мне? При чем здесь я? Я ничего не понимаю. И потом эта отравка... Пока я спал, свет, кажется, сошел с ума. Или же я сумасшедший? Что это за советники, заседающие в зале с Атласом? Почему они хотели отравить меня?

— Чтобы снова погрузить вас в сон, — ответил человек в желтом. — Чтобы устранить ваше вмешательство.

— Но для чего?

— Потому, сир, что вы и есть этот Атлас, — продолжал человек в желтом. — Мир держится на ваших плечах. Они правят им от вашего имени.

Гул в зале стих, и кто-то говорил речь. Но скоро раздался такой оглушающий взрыв ликующих криков и рукоплесканий, что все находившиеся в маленькой комнате принуждены были замолчать. Из хаоса криков вырывались отдельные резкие, звенящие голоса, звуковые волны сталкивались, сливаясь в гул, похожий на раскаты грома.

Грэхэм стоял, тщетно стараясь понять смысл того, что он только что слышал.

— Совет... Но кто этот Острог? — спросил он безучастно, вспомнив это поразившее его имя.

— Это организатор восстания. Наш предводитель — от вашего имени.

— От моего имени? Почему же его нет здесь?

— Он послал нас. Я его сводный брат, Линкольн. Он хочет, чтобы вы показались народу, а потом увиделись с ним. Сам он теперь занят в Управлении Ветряных Двигателей. Народ восстал.

— От вашего имени! — воскликнул юноша. — Они угнетали нас, подавляли, тиранили... Наконец-то...

— От моего имени! Мое имя — Правитель Земли?

В промежутке между взрывами гула послышался громкий, возмущенный голос; это говорил молодой человек с орлиным носом и пышными усами.

— Никто не ждал, что вы проснетесь. Никто не ожидал этого. Они хитры! Проклятые тираны! Но они были захвачены врасплох. Они не знали, что делать с вами, — отравить, загипнотизировать или просто убить.

Крики толпы перебили его.

— Острог готов ко всему. Он в Управлении Ветряных Двигателей. Есть известие, что борьба уже началась.

К Грэхэму подошел человек, назвавшийся Линкольном.

— Острог все учел! — воскликнул он. — Доверьтесь ему. У нас все подготовлено. Мы захватим все воздушные платформы. Быть может, это уже сделано. Тогда...

— Эта толпа, наполняющая театр, — кричал человек в желтом, — только частица наших сил! У нас пять мириад обученных людей.

— У нас есть оружие! — кричал Линкольн. — У нас есть план. Есть предводитель. Их полиция прогнана с улиц и собралась в... (Грэхэм не расслышал слова.) Теперь или никогда! Совет теряет почву под ногами... Он не доверяет даже своему регулярному войску...

— Слышите, что народ зовет вас!

Сознание Грэхэма походило на лунную облачную ночь — то просветлялось, то безнадежно затемнялось. Итак, он Правитель Земли, он, промокший до нитки от растаявшего снега. Больше всего поражал его этот антагонизм: с одной стороны, могущественный дисциплинированный Белый Совет, от которого ему с трудом удалось ускользнуть, с другой — чудовищные толпы, огромные массы рабочего народа, выкрикивающие его имя, называющие его Правителем Земли. Одна партия заключила его в тюрьму, осудила его на смерть. Другая — эти волнующиеся, кричащие тысячи людей — освободила его. Но отчего это все происходило, он не мог понять.

Дверь отворилась, и голос Линкольна потонул в гуле возмущенной толпы. Несколько человек подбежали к Грэхэму и Линкольну, бурно жестикулируя. Губы их шевелились, но не слышно было, что они говорят. «Покажите нам Спящего! Покажите нам Спящего!» — раздавались оглушительные крики. «Тише, к порядку!» — призывали другие.

Взглянув в открытую дверь, Грэхэм увидел огромный овальный зал и множество взволнованных лиц и протянутых рук. Мужчины и женщины махали синими платками. Многие стояли. Худощавый человек в рваной коричневой одежде вскочил на сиденье и махал черным плащом. В глазах девушки Грэхэм прочел ожидание. Чего хочет от него весь этот народ?

Разноголосый гул изменился, сделался мерным, ритмическим.

Грэхэм почувствовал себя лучше. Он точно преобразился, недавнего страха как не бывало. Он начал спрашивать, чего от него хотят.

Линкольн что-то кричал ему в ухо, но Грэхэм не слышал. Все остальные, кроме девушки, показывали на зал. Внезапно он понял, почему изменился гул. Толпа пела хором. Это было не только пение. Голоса стройно сливались и усиливались могучей волной органной музыки, в которой слышались раскаты труб, мерные шаги войска, шелест развевающихся знамен, звуки военного марша. Тысячи ног отбивали такт: трам, трам!

Его увлекли к двери. Он повиновался машинально. Музыка и пение захватили, воодушевили и вдохновили его. И вот перед ним зал, где развеваются в такт музыке знамена.

— Помахайте рукою! — кричит Линкольн. — Приветствуйте их!

— Подождите, — слышится чей-то голос с другой стороны, — он должен надеть это.

Чьи-то руки коснулись его шеи, задерживая его у входа, и вот плечи его окутала черная мантия, спадавшая мягкими складками. Высвободив руку, он следует за Линкольном. Рядом идет девушка в сером; лицо ее пылает, она взволнована. Оживленная, восторженная, она кажется ему воплощением гимна. Вот он снова стоит в нише. Могучая волна звуков оборвалась при его появлении и рассыпалась пеной нестройных приветствий. Направляемый Линкольном, он прошел через сцену и взглянул на толпу.

Зал представлял собой колоссальную, весьма сложную постройку — галереи, широкие балконы, амфитеатры, лестницы, громадные арки. Далеко вверху виднелся вход в просторную галерею, переполненную народом. Необозримая толпа колыхалась сомкнутой массой, из которой выделялись отдельные фигуры, на мгновение они привлекали его внимание и снова исчезали. Почти у самой платформы красивая белокурая женщина с разметавшимися волосами, которую поддерживают трое мужчин, машет зеленым жезлом. Рядом изможденный старик в синем старается удержать свое место, а еще дальше видна лысая голова и черная яма широко открытого беззубого рта, И кто-то выкрикивает загадочное слово: «Острог!»

Все это он видел как бы в тумане и только слышал ритм гимна — толпа ногами отбивала такт: трам, трам, трам, трам. Размахивали оружием, которое сверкало зеленоватым пламенем.

Вот по широкой, ровной площадке перед сценой, направляясь к огромной арке, проходит, маршируя, отряд с криками: «К Совету!»

Трам, трам, трам!

Грэхэм поднял руку, и рев удвоился. Грэхэм крикнул: «Вперед!» Он шевелил губами, выкрикивая героические слова, но его не было слышно.

— Вперед! — повторил он, указывая на арку.

Люди уже не отбивали такт ногами, они маршировали: трам, трам, трам, трам! В толпе виднелись бородатые мужчины, старики, юноши, женщины с голыми руками, в развевающихся платьях, молодые девушки. Мужчины и женщины новой эры! Богатые одеяния и серые лохмотья тонули в потоке синих одежд. Громадное черное знамя, плавно колыхаясь, плыло направо. Вот промелькнул негр, одетый в синее, сморщенная старуха в желтом, театрально продефилировала группа высоких светловолосых и белолицых мужчин в синем. Грэхэм заметил двух китайцев. Высокий, смуглый, желтолицый юноша с блестящими глазами, с ног до головы одетый в белое, вскарабкался на край платформы и что-то восторженно кричит, потом, спрыгнув, бежит дальше, оглядываясь назад. Головы, плечи, руки, сжимающие оружие, — все колыхалось и двигалось под такт марша.

Лица одно за другим выплывали и снова скрывались, тысячи глаз встречались с его глазами. Приветствуя его жестами, люди что-то кричали. У многих цветущие лица, но у большинства на лице следы болезней. Мужчины и женщины новой эры! Какое странное, поразительное зрелище!

Шествие проплывало мимо него, устремляясь направо; переходы зала без конца выбрасывали все новые и новые массы людей. Трам, трам, трам, трам! Мощная мелодия гимна перекачивалась эхом под арками и сводами. Мужчины и женщины перемешивались в рядах. Трам, трам, трам, трам! Казалось, все человечество выступило в поход. «Трам, трам, трам», — отдавалось у него в голове. Развевались синие одежды, мелькали все новые лица.

Трам, трам, трам, трам! Линкольн сжал его руку, Грэхэм повернулся к арке и бессознательно, в такт музыке, двинулся вперед. Толпы, крики, пение — все несло в одном потоке. Люди спускались вниз, их обращенные к нему лица проплывали на уровне его ног. Он видел перед собой дорогу, вокруг себя свиту, почетную стражу и Линкольна по правую руку. Все прибывавшая свита заслоняла от него

шедшую слева толпу. Впереди шагала стража в черном, по три в ряд. По узкому переходу, обнесенному перилами, он прошел под аркой, в которую шумно вливался бурный поток народа. Он не знал, куда идет да и не хотел знать. Он обернулся и бросил последний взгляд на огромный, залитый светом зал. Трам, трам, трам, трам!

10. Сражение во мраке

Грэхэм находился уже не в зале. Он шел по галерее, перекинутой через одну из движущихся улиц, которые прорезали город. Впереди и позади маршировала его свита. Все ущелье движущихся путей кишело людьми, которые кричали, махали руками и оружием, маршируя из-под арки справа от Грэхэма и исчезая слева от него, там, где шары электрического света сливались с горизонтом и скрывали волны непокрытых голов. Трам, трам, трам, трам!

Пение, уже без музыки, стало резким и хриплым. Мерные звуки шагов — трам, трам, трам, трам — смешивались с нестройным топотом недисциплинированной толпы на верхних путях.

Грэхэм был поражен контрастом. Здания на противоположной стороне улицы казались совершенно безлюдными: канаты и мосты, перекинутые над проходом, были пусты и не освещены. У него мелькнула мысль, что они тоже должны бы быть полны народа.

Он заметил какое-то странное мигание и остановился. Свита, шедшая впереди, продолжала двигаться, но окружающие остановились вместе с ним. Грэхэм поглядел на их лица. Очевидно, это мигает электрический свет. Он тоже поднял голову.

Сначала ему показалось, что это мигание случайно и не имеет никакой связи с событиями, но скоро он понял, что ошибся. Огромные ослепительно яркие фонари пульсировали, они то сжимались, то разжимались — темнота, свет, опять темнота...

Грэхэм догадался, что это делается преднамеренно. Здания, улицы, толпы народа превратились в причудливую игру теней и света. Тени прыгали, расширялись, быстро удлинялись, потом пропадали и вырастали снова. Движение остановилось, пение смолкло, марш прервался, толпа отхлынула в сторону. «Света! — раздались со всех сторон крики. — Света! Света!» Грэхэм посмотрел вниз. В этой судорожной агонии света улица казалась фантастической. Громадные ослепительно белые шары становились розоватыми, краснели, мигали, угасали, вновь зажигались и тлели красными пятнами среди мрака. В десять секунд свет совершенно погас, крошечная тьма нависла над городом и поглотила мириады людей.

Вокруг Грэхэма возникла суматоха; кто-то схватил его за руку. Что-то больно ударило его по ноге. Чей-то голос прокричал ему над самым ухом:

— Ничего, все идет отлично!

Грэхэм начал приходить в себя. Столкнувшись с Линкольном, он громко спросил:

— Что случилось?

— Совет перерезал провода, и свет погас. Надо обождать. Они не остановят нас... Они хотят...

Его слова заглушил взрыв криков:

— Спасайте Спящего! Берегите Спящего!

Один из охраны натолкнулся на Грэхэма и больно ушиб ему руку оружием. Началась толкотня и свалка, грозившая перейти в панику. Слышались какие-то непонятные выкрики, из гула вырывались отдельные слова. Одни отдавали приказания, другие отвечали. Совсем близко кто-то громко простонал.

— Красномундирная полиция! — крикнул кто-то над ухом у Грэхэма.

Издалека послышался треск, впереди за углом замигали вспышки. При свете их Грэхэм различил во мраке скопление людей, вооруженных так же, как и его стража. Вскоре вся улица наполнилась треском и вспышками. Потом опять упала, словно черный занавес, темнота.

В глазах у него промелькнули огненные искры и клубок человеческих тел. С другой стороны улицы послышались громкие крики. Он взглянул туда, где маячил свет. Наверху, на канате, висел человек в красной форме, держа в руках какой-то ослепительно яркий фонарь.

Грэхэм посмотрел на движущиеся платформы и заметил вдали красное пятно. Масса людей в красной форме занимала верхний проход, их окружила и теснила к откосам здания густая толпа народа. Сражение было в полном разгаре. Взлетало и опускалось оружие, головы одних тонули в давке, их заменяли другие. Вспышки, производимые зеленым оружием, при свете казались серым дымком.

Внезапно свет снова погас, и улицы опять погрузились в чернильный мрак, в кишаший хаос.

Кто-то столкнулся с ним и повлек его на галерею. Кто-то кричал, очевидно, ему, но он ничего не понял. Его оттеснили к стене, несколько человек пробежали мимо. Ему казалось, что сопровождающие его стражи в темноте сражались друг с другом.

Внезапно на канате снова показался человек, и улица озарилась ослепительным светом. Одетые в красное люди подступали ближе. Передовой их отряд находился на половине пути к центральной части здания. Взглянув вверх, Грэхэм увидел, что они проникли в нижние темные галереи противоположной стороны и стреляют через головы товарищей в кишашую внизу толпу. Грэхэм понял, в чем дело. Восставшие попали в засаду. Полиция в красном привела их в замешательство, погасив свет, а потом внезапно их атаковала. Тут Грэхэм заметил, что он один, его охрана и Линкольн остались в галерее позади. Он видел, что они спешат к нему на помощь, отчаянно размахивая руками. Толпа на улице что-то кричала. Весь фасад на противоположной стороне пестрел от множества одетых в красное людей, которые что-то вопили, указывая на него пальцами.

— Спящий! Спасайте Спящего! — услышал он крики толпы.

Что-то щелкнуло по стене над его головой. На серебристой поверхности стены появилось звездообразное отверстие. Два раза неподалеку от него ударили пули. Вдруг появился Линкольн, схватил его за руку и потащил.

В первое мгновение Грэхэм даже не понял, что стреляли в него. Снова стало темно. Улица потонула во мраке. Не было видно ни зги.

Линкольн вел Грэхэма за руку.

— Скорей, пока не зажгли свет! — кричал он.

Его волнение передалось Грэхэму. Пробудился инстинкт самосохранения — и столбняка как не бывало. Некоторое время Грэхэм был во власти животного страха смерти. Он бежал, то и дело спотыкаясь в темноте, наталкиваясь на окружавших его стражей. Бежать во что бы то ни стало из этой галереи, где он так заметен, было единственным его желанием. В третий раз вспыхнул свет. С улицы послышались тревожные крики, началось невообразимое смятение. Красные мундиры уже достигли центрального прохода. Множество враждебных глаз было устремлено на него. Полицейские кричали, указывая на Грэхэма пальцами. Белый фасад напротив был

усеян людьми в красном. И все эти удивительные события происходили из-за него. Полиция Совета пыталась завладеть им.

К счастью, стреляли все второпях, с расстояния не менее ста пятидесяти метров. Над головой у него свистели пули; горячая струя от расплавленного металла обожгла ему ухо. Он знал, что весь противоположный фасад усеян красными мундирами, что на нем сосредоточен теперь огонь полиции, вышедшей из засады.

Один из охраны упал, и Грэхэм с разбегу перескочил через его распростертое, конвульсивно подергивающееся тело.

Через секунду Грэхэм скрылся в темном проходе. В следующий миг на него с размаху налетел кто-то. Грэхэм упал и стремглав покатился в темноте вниз по лестнице. Падая, он с кем-то столкнулся. Наконец налетел на стену. Он попал в какую-то свалку и был отброшен в сторону и придавлен. Его теснили со всех сторон. Он не мог вдохнуть, ребра его хрустели. Потом ему стало свободнее. Толпа увлекла его за собой, и он очутился в том самом громадном театре, из которого недавно вышел. Давка снова усилилась. Он отчаянно работал локтями. Послышались глухие крики: «Они приближаются!» Грэхэм споткнулся обо что-то мягкое и услышал хриплый стон, потом крики: «Спящий!», — но он был так оглушен, что не мог ответить. Потом затрещало зеленое оружие. Безвольным, слепым, механическим атомом следовал он за движением толпы. Его толкнули, он ударился о ступеньку и заметил, что находится на покатой плоскости. Тьма рассеялась, и он увидел лица окружающих его людей, мертвенно-бледные и покрытые потом, изумленные, испуганные, с широко открытыми от ужаса глазами. Лицо какого-то юноши было совсем рядом с ним, чуть ли не в двадцати дюймах. В тот момент Грэхэм взглянул на него равнодушно, но потом оно часто мерещилось ему. Юноша этот, стиснутый со всех сторон толпой, был прострелен и мертв.

Очевидно, и эта четвертая по счету вспышка света тоже была вызвана человеком на канате. В театр свет проникал через огромные окна и арки. Грэхэм находился среди толпы бегущих, наполнявших всю нижнюю арену гигантского помещения. Мелькание черных теней придавало этой сцене мрачный, фантастический вид. Невдалеке отряд полиции оружием прочищал себе дорогу сквозь толпу. Грэхэм не знал, замечен он ими или нет. Он искал Линкольна и свою охрану.

Линкольн, окруженный толпой одетых в черное революционеров, стоял почти около самой сцены и, поднимаясь на носках и вытягивая шею, казалось, отыскивал его глазами. Грэхэм заметил позади ряды пустых кресел, от которых его отделял лишь невысокий барьер. Он начал пробивать себе дорогу к барьеру, но когда добрался, свет вновь погас.

Сбросив длинную черную мантию, которая не только затрудняла его движения, но делала его заметным в толпе, Грэхэм перелез через барьер и спрыгнул в темноту. Спрыгивая, он слышал, как кто-то запутался в складках брошенной им мантии. Ощупью он направился к проходу, ведущему наверх. В темноте стрельба прекратилась; крики и топот стали глуше. Под ноги ему попала какая-то ступенька, он споткнулся и упал. Туманные световые пятна в темноте снова вспыхнули; снова поднялся оглушительный гам; в пятый раз блеск ослепительной белой звезды проник сквозь широкие отверстия в стенах театра.

Перепрыгивая через сиденья, он услышал крики и выстрелы. Привстал и снова пригнулся, заметив, что вокруг него расположилась кучка людей в черном, которые стреляли в красные мундиры, перепрыгивали с кресла на кресло и прятались за ними, чтобы перезарядить оружие. Инстинктивно Грэхэм тоже притаился за креслами. Кругом свистели пули, пробивая пневматические подушки и дырявя мягкий металл кресел. Укрываясь от выстрелов, он старался заметить расположение проходов, безопасное место, куда можно было скрыться в темноте.

Юноша в выцветшей синей одежде внезапно вскочил на сиденье. «Алло?» — крикнул он. Ноги его находились в каких-нибудь шести дюймах от головы Спящего.

Он поглядел на Грэхэма, очевидно, не узнавая его, затем повернулся, выстрелил и, воскликнув: «К чертям ваш Совет!» — прицелился для нового выстрела. Грэхэму показалось, что шея у юноши вдруг уменьшилась вполовину. Теплая капля упала на щеку Грэхэма. Зеленое оружие замерло в руках у бойца. Секунду юноша продолжал стоять с отупелым лицом. Затем медленно наклонился вперед, колени его подогнулись. Он упал, и тут же стало темно. Услышав падение тела, Грэхэм вскочил и, спасая свою жизнь, ринулся

к проходу. Споткнулся о первую ступень, упал и, поспешно вскочив, устремился вверх.

Когда яркий свет вспыхнул в шестой раз, Грэхэм находился уже у выхода. Он кинулся туда со всех ног, пока не погас свет, выбежал, тотчас же свернул за угол и снова очутился в темноте. Его сбили с ног, но он поднялся. Затертый в толпе невидимых беглецов, теснившихся в одном направлении, он, как и все они, думал только об одном: как бы уйти подальше от места боя. Он толкался, пробивался вперед, его сжимали со всех сторон так, что он приподнимался на воздух; наконец он выбрался на свободу.

В течение нескольких минут он бежал в темноте по извилистому коридору. Затем пересек широкое открытое место; дальше начинался длинный откос; Грэхэм спустился по ступеням на ровную площадку. Кругом раздавались крики: «Они приближаются! Полиция близко! Они уже стреляют! Дальше уходите от места сражения! Полиция стреляет! Всего безопаснее на седьмом пути! Бежим на седьмой путь!» В толпе были не только дети и женщины, но и мужчины, которые толкали его и бранились.

Толпа ринулась через узкое отверстие под аркой на открытое, тускло освещенное место. Темные фигуры прыгали и взбирались на ступени колоссальной лестницы. Он последовал за толпой, которая расходилась вправо и влево... Вскоре он очутился один недалеке от последней ступени, перед площадкой, где возвышались сиденья и небольшой киоск. Поднявшись, он остановился в тени киоска, тяжело дыша, и оглянулся.

Несмотря на полумрак, он рассмотрел, что это громадные ступени платформы остановившихся «путей». Платформы загибались, уходя в разные стороны, и над ними мрачно возвышались огромные здания с непонятными надписями и объявлениями, и высоко вверху сквозь сеть балок и канатов светлела полоска бледного неба. Мимо пробежали несколько человек. Из их разговоров и криков Грэхэм понял, что они спешат принять участие в борьбе. В темных углах бесшумно скользили человеческие фигуры.

Издали доносился шум сражения. Очевидно, эта улица находилась в стороне от театра. Впечатления от битвы мало-помалу изгладились. Как это странно — они сражались из-за него!

Он был похож на человека, только что оторвавшегося от чтения увлекательной книги. Все случившееся казалось ему нереальным. Он не мог припомнить подробностей — так он был поражен всем виденным. Он хорошо помнил свое бегство из комнаты, где был заперт, громадную толпу в зале и нападение красномундирной полиции, но с трудом припоминал свое пробуждение и томительное ожидание в Комнатах Безмолвия. Почему-то ему вдруг вспомнился колыхавшийся и брызжущий под напором ветра водопад Пентаргена и солнечное побережье. Контраст был слишком разителен, все казалось ему нереальным, и он не сразу осознал свое положение.

Таинственность, которая окружала его в Комнатах Безмолвия, несколько рассеялась, и он начал различать смутные контуры действительности. Каким-то непостижимым образом он стал хозяином половины мира, и могущественные политические партии борются из-за него. На одной стороне — Белый Совет со своей красномундирной полицией, захвативший его собственность и намеревавшийся умертвить его; на другой — революционеры, с таинственным Острогом во главе, которые его освободили. И весь гигантский город содрогается в борьбе. Весь мир словно сошел с ума.

— Я ничего не понимаю! — воскликнул он. — Решительно ничего не понимаю!

Ему удалось ускользнуть от опасности. Но что будет дальше? Что происходит там? Он представлял себе, как люди в красном ищут его, разгоняя одетых в черное революционеров.

Однако ему дана передышка. Спрятавшись, он может наблюдать за ходом событий. Напряженно всматриваясь в сумрак зданий, он вспомнил вдруг с удивлением, что где-то вверху над ним восходит солнце и мир по-прежнему залит ярким дневным светом. Скоро он пришел в себя. Его промокшее насквозь платье почти совсем просохло.

Ни с кем не заговаривая, стараясь избегать всяких встреч, прошел он несколько миль по сумрачным путям, — случайный властитель половины мира, жалкий осколок далекого прошлого, темный призрак среди других таких же призраков. Опасаясь быть узнанным, он старательно избегал освещенных и оживленных мест, то сворачивая в сторону или возвращаясь назад, то поднимаясь или спускаясь в другие проходы, хотя сражение происходило где-то далеко, весь город был

взволнован. Раз ему даже пришлось бежать от отряда, который занял улицу и забирал всех встречных. Отряд по большей части состоял из вооруженных мужчин. Битва, очевидно, развертывалась в той части города, откуда Грэхэм шел; с той стороны порой доносился отдаленный гул. В душе Грэхэма происходила борьба между любопытством и осторожностью; последняя взяла верх, и он уходил все дальше и дальше от места сражения. В полумраке его никто не останавливал. Вскоре отголоски битвы замерли вдалеке, и он очутился один среди огромных безлюдных улиц. Фасады строений были здесь проще и грубей; по-видимому, он зашел на окраину, где помещались склады. Очутившись в одиночестве, он замедлил шаг.

Он сильно устал. Иногда он сворачивал в сторону и садился передохнуть на скамью верхнего пути. Но тревожная мысль о той роли, которую играет он в событиях, не давала ему покоя и гнала его вперед. Неужели сражение происходило только из-за него?

Внезапно по пустынной улице прокатился гул, точно от землетрясения: струя холодного воздуха, звон стекол, грохот рушащихся стен, чудовищная судорога. На расстоянии какой-нибудь сотни метров от Грэхэма посыпалось железо и стекла с крыши средней галереи. Вдалеке слышались крики и топот. Грэхэм кинулся бежать, сам не зная куда.

— Что они там взорвали? Ведь это взрыв? — спросил человек, пробегая мимо, и, прежде чем Грэхэм собрался ответить, скрылся.

Вокруг высились огромные здания, они были окутаны сумраком, хотя полоска неба наверху посветлела.

Грэхэм заметил много странного и непонятного; он пробовал прочесть некоторые надписи. С трудом удалось ему из странных, почти незнакомых букв сложить непонятные слова и фразы, как: «Идемит» или «Бюро Работы — Боковая Сторона». Как странно, что большая часть этих похожих на скалы зданий — его собственность!

Благодаря капризу случая он вернулся к жизни. И ему действительно удалось сделать тот прыжок в будущее, какой до него делало только воображение романистов. Проснувшись, он приготовился быть зрителем нового мира, и вместо этого — грозная опасность, мрачные тени и сумерки. Быть может, смерть уже подстерегает его в этом темном лабиринте. Быть может, он будет убит, ничего не узнав. Возможно, что смерть таится рядом — в первом

темном углу. Его охватило страстное желание все узнать, все увидеть. Он старался избегать темных углов. Ему хотелось спрятаться. Но куда? Ведь свет может опять загореться. Грэхэм сел на одну из скамеек на верхнем пути, думая, что он здесь один.

Он закрыл усталые глаза руками. А что, если, открыв их снова, он больше не увидит эти окутанные сумраком параллельные пути, эти громады зданий? Быть может, события нескольких дней, его пробуждение, волнуемая толпа, этот мрак, эта борьба — только фантазмагория, особый вид сна? Да, это, должно быть, сон; недаром все это так непоследовательно, так нелогично. Зачем, например, людям сражаться из-за него? Разве может новый, более современный мир смотреть на него как на своего господина и повелителя?

Так думал Грэхэм, сидя с закрытыми глазами; он втайне надеялся, что перед ним вновь предстанет знакомая картина жизни девятнадцатого столетия, уютная бухта Боскасля, скалы Пентаргена, его спальня.

Но действительности нет дела до человеческих надежд и желаний. Из сумрака выступил отряд с черным знаменем, спешащий принять участие в битве, а сзади высилась головокружительная громада фасадов, мрачных и таинственных, с непонятными тусклыми надписями.

— Нет, это не сон, — промолвил он, — это не сон!

И снова закрыл лицо руками.

11. Всезнающий старик

Грэхэм вздрогнул, услышав у себя за спиной покашливание.

Он быстро оглянулся и, всмотревшись, заметил сгорбленную фигурку, сидящую в темном углу на расстоянии всего двух метров.

— Есть у вас какие-нибудь новости? — спросила фигурка старческим, дребезжащим голосом.

Грэхэм медлил с ответом.

— Никаких, — сказал он.

— Я пережидаю здесь, пока снова зажгут свет, — снова заговорил старик. — Эти синие бездельники рыщут повсюду.

Грэхэм пробормотал что-то нечленораздельное. Он старался рассмотреть старика, но темнота скрывала его лицо. Он хотел поговорить, но не знал, как начать.

— Темно и скверно, — произнес вдруг старик. — Дьявольски скверно. И надо же было мне выйти из дому в такую заваруху!

— Да, вам это нелегко, — сочувственно сказал Грэхэм. — Вам, должно быть, очень тяжело.

— Тьма какая! А старому человеку долго ли потеряться в темноте? Все, кажется, с ума сошли. Война и драка. Полиция разогнала их, и бродяги шныряют повсюду. Следовало бы привезти негров, они бы навели порядок. Довольно с меня этих темных проходов. Я споткнулся и упал на мертвое тело. В компании все-таки безопаснее, — продолжал старик, — если только это компания порядочных людей.

Всматриваясь в Грэхэма, старик поднялся и подошел поближе.

По-видимому, Грэхэм произвел на него благоприятное впечатление. Он снова уселся, очевидно, радуясь, что не один.

— Да, — проговорил он, — ужасное время! Война и убийства! Убитые валяются повсюду. Мужчины, сильные, здоровые мужчины умирают по темным углам. Сыновья!.. У меня тоже трое сыновей. Бог знает, где они теперь!

Помолчав, он повторил дрожащим голосом:

— Бог знает, где они теперь!

Грэхэм не знал, что ответить, боясь выдать себя.

— Острог победит, — продолжал старик. — Непременно победит. Никто не знает толком, что он хочет предпринять. Мои сыновья у ветряных двигателей, все трое. Одна моя сноха некоторое время была его возлюбленной. Подумать только, его возлюбленной! Ведь мы не простые люди, хотя мне и приходится теперь бродить в темноте... Я-то знаю, что происходит. Уже давно это все предвидел. Но этот проклятый мрак! Подумайте только, упал в темноте на мертвое тело!

Дыхание со свистом вырывалось из груди старика.

— Острог... — повторил Грэхэм.

— Величайший из народных вождей, — перебил его старик.

Грэхэм собрался с мыслями.

— У Совета найдется немало друзей среди народа, — сказал он нерешительно.

— Очень мало друзей. Особенно среди бедных. Прошло их время. Да! Надо было им вести себя поумнее. Два раза ведь были выборы. И Острог... Но теперь уже началось — и ничто им не поможет, ничто не поможет... Два раза они отказывали Острогу, это Острогу-то — вождю! Я слышал, в какую ярость пришел он тогда; он был ужасен. Да спасет их небо! Ничто в мире не поможет им, раз он поднял на них рабочие союзы. Все эти синие вооружились и выступили в бой. При таких условиях нельзя не победить. И вот увидите, он победит!

Некоторое время старик сидел молча.

— Этот Спящий... — начал было он и смолк.

— Да, так что же? — спросил Грэхэм.

Старик перешел на конфиденциальный шепот; наклонившись к Грэхэму, он прошептал:

— Ведь подлинный Спящий...

— Ну?

— Умер. Много лет назад.

— Как так? — удивился Грэхэм.

— Ну да, умер. Много лет, как умер.

— Как можете вы так говорить? — не удержался Грэхэм.

— Могу... Уж я-то знаю. Он умер. Спящий, что проснулся теперь — они подменили его ночью, — какой-то бедняк, которого опоили до потери сознания. Но я не могу сказать вам всего, что знаю. Далеко не все могу сказать.

Некоторое время он бормотал что-то непонятное. Секрет, который он знал, очевидно, не давал ему покоя.

— Я не знаю тех, которые усыпили его, — это случилось еще до меня, — но я знаю человека, который сделал ему впрыскивание и пробудил его. Тут был один шанс из десяти: или пробудить, или убить, или пробудить, или убить. В этом видна рука Острога.

Грэхэм был так удивлен, что несколько раз прерывал старика, заставляя его рассказывать все снова. Он не мог поверить. Значит, пробуждение его не было естественным! Есть ли в этом доля правды или же старик выжил из ума? Он припомнил, что такие случаи возможны. Ему пришло в голову, что, быть может, недаром судьба столкнула его с этим стариком: ему представляется прекрасный случай узнать новый мир поближе.

Старик долго сопел и кряхтел, потом снова заговорил высоким сиплым голосом:

— В первый раз они отказали ему. Я это хорошо знаю.

— Кому отказали? Спящему?

— Нет, не Спящему. Острогу. Он был ужасен, ужасен! Ему было, конечно, обещано, обещано на следующий раз. Глупцы они, вот что, — пренебречь таким человеком! А теперь весь город льет воду на его мельницу, а он перемалывает таких, как мы с вами. Перемалывает, как муку. Пока он восстановит порядок, рабочие успеют перерезать полицейских и всяких там китайцев; а нас, обывателей, пожалуй, не тронут. Всюду мертвые тела! Грабеж! Мрак! Ничего подобного за последний гросс лет не случилось. Да! Плохо приходится маленьким людям, когда большие дерутся! Ох, как плохо!

— Как вы сказали? За последний гросс лет не случилось... Чего не случилось?

— Что? — переспросил старик.

Ссылаясь на то, что Грэхэм непонятно выговаривает слова, старик заставил его три раза повторить свой вопрос.

— Междоусобиц не было, — сказал старик, — не было и резни, не было и дураков, болтающих о свободе и прочей ерунде. За всю свою жизнь я не встречал ничего подобного. Теперь повторяется то же, что бывало в старые времена, гросса три лет тому назад, когда в Париже народ поднял восстание. Ничего такого не случилось, говорю я. Но так уж создан мир. Все в нем повторяется. Я знаю, я-то уж

знаю... Пять лет Острог без устали работал — и вот повсюду волнения, брожение умов, декларации, голод и восстания. Синий холст и ропот. И все в опасности. Всякий старается укрыться, все удирают. И мы с вами вон куда попали! Бунт и убийства — и Совету конец.

— Я вижу, вы хорошо осведомлены обо всех событиях, — заметил Грэхэм.

— Я говорю то, что слышал. А слышал я не от Болтающей Машины.

— Вот как? — удивился Грэхэм, не понимая, что это за Болтающая Машина. — И вы наверное знаете, что Острог... вы уверены, что это именно он поднял восстание и подстроил пробуждение Спящего? И все из-за того, что его не включили в Совет?

— Всякий это знает, я полагаю, — ответил старик. — Всякий дурак знает. Он намерен сам править страной. В Совете или без Совета. Всякий это знает! А мы сидим тут в темноте, окруженные мертвецами. Но где же вы, спрашивается, были, если не знаете о борьбе между Острогом и Вернеем? И чем, по-вашему, вызваны все эти волнения? Спящий!.. А? Что? Вы думаете, пожалуй, что Спящий действительно существует и проснулся сам?

— Я человек мало сведущий и старше, чем кажусь, — сказал Грэхэм. — К тому же память у меня плохая, особенно на события последних лет. Я знаю едва ли больше, чем этот самый Спящий.

— Вот как! — удивился старик. — Стары, вы говорите? А между тем вы не выглядите стариком. Правда, не всякий сохраняет память до такого возраста, как я. Но ведь это очень важные события. А вы далеко не так стары, как я, далеко не так стары. Впрочем, не следует обо всех судить по себе. Вот я, например, кажусь моложе своего возраста. Может быть, вы выглядите старше своего?

— Вы совершенно правы, — ответил Грэхэм. — И притом со мной случилась странная история. Я знаю очень мало. Я совсем не знаю истории. Спящий и Юлий Цезарь — почти одно и то же для меня. Поэтому мне интересно, что вы скажете обо всем этом.

— Я знаю не слишком много, — возразил старик, — но все-таки кое-что мне известно. Ш-ш!! Что это?

Оба замолчали и стали прислушиваться. Издалека донесся гул, заколебалась почва. Проходящие остановились и начали

перекликаться. Старик тоже окликнул одного из них, спрашивая, в чем дело. Ободренный его примером, Грэхэм встал и начал расспрашивать. Но никто не знал толком, что случилось.

Вернувшись на старое место, Грэхэм услышал, что старик что-то бормочет про себя. Несколько минут оба молчали.

Мысль об этой титанической борьбе, столь близкой и в то же время столь далекой, мучила Грэхэма. Неужели прав этот старик, неужели верны сообщения прохожих, что революционеры побеждают? Или же они ошибаются, и красномундирная полиция очищает улицы? Как бы то ни было, сражение каждую минуту может перекинуться в эту тихую часть города. Надо воспользоваться случаем и постараться выведать все, что возможно, у старика. Он повернулся, чтобы задать вопрос, но у него не хватило смелости. Впрочем, старик снова заговорил сам.

— Все одно к одному! Этот Спящий, в которого так верят все эти дураки!.. Ведь я знаю всю его историю, я всегда любил историю. Когда я был мальчиком, то читал еще печатные книги. Пожалуй, вы не поверите мне. Я думаю, вы и не видели ни одной — все они успели, пожалуй, рассыпаться в прах, если только Санитарная компания не сожгла их раньше, чтобы пустить на выделку облицовочной плитки. Но при всех недостатках они имели и хорошую сторону. Из них можно было действительно научиться кое-чему. Эти новомодные пустомели — Болтающие Машины... Вам, я думаю, они тоже надоели: их легко слушать, а еще легче сейчас же забыть все, что услышал. Но я знаю всю историю Спящего.

— Вы, пожалуй, не поверите мне, — сказал нерешительно Грэхэм, — но я до того невежествен и притом обстоятельства сложились для меня до того странно, что я ровно ничего не знаю об этом Спящем. Кем он был?

— Да что вы! — удивился старик. — А я знаю. Я все знаю. Он был так себе, незначительной личностью и связался с легкомысленной женщиной, бедняга. А потом впал в летаргию. Еще и теперь есть старинные картинки, темные такие, фотографии, как их называют, на которых он изображен спящим: им будет уже полтора гросса лет, полтора гросса лет!

«Связался с легкомысленной женщиной, бедняга», — повторил про себя Грэхэм. — Продолжайте, — добавил он громко.

— У него был, видите ли, двоюродный брат, по фамилии Уорминг, одинокий и бездетный, составивший большое состояние спекуляциями на только что появившихся тогда идемитных дорогах. Вы слышали, конечно? Нет? Странно. Он скупил все патенты и организовал большую компанию. В те времена были еще гроссы гроссов различных индивидуальных предприятий и мелких компаний. Гроссы гроссов! Его дороги убили старые, железные, в две дюжины лет; скупив их, он обратил их в идемитные. Не желая раздроблять свое громадное состояние или устраивать акционерную компанию, он завещал все Спящему и назначил особый Опекунский Совет. Он думал, что Спящий никогда не проснется, что он будет спать, пока сон не перейдет в смерть. Он был в этом уверен — и ошибся. А тут еще один американец из Соединенных Штатов, у которого погибли оба сына при кораблекрушении, тоже завещал Спящему все свое состояние. Таким образом, у Опекунского Совета оказалось состояние, равное примерно дюжине мириадов львов, если не больше.

— Как его звали?

— Грэхэм.

— Да нет, я говорю про того американца.

— Избистер.

— Избистер! — воскликнул Грэхэм. — А ведь я даже не знал его имени.

— Ничего удивительного, ничего удивительного! — возразил старик. — Не многому люди выучиваются в нынешних школах. Но я все знаю о нем. Это был богатый американец, родом из Англии, и он оставил Спящему, пожалуй, еще больше, чем Уорминг. Каким образом составил он состояние? Вот этого я уж не знаю точно. Кажется, изготовлял картины машинным способом. Одним словом, он разбогател и завещал все свое состояние Спящему. Так было положено начало Совету. Вначале это был просто Опекунский Совет.

— Каким же образом он получил власть?

— Ах, ну, как же вы не понимаете! Деньги всегда идут к деньгам, а двенадцать голов всегда умнее одной. Они действовали очень умно. Благодаря деньгам они направляли политику, как им хотелось, и продолжали увеличивать капитал, пуская его в оборот и устанавливая тарифы. Капитал все увеличивался и увеличивался. Эти двенадцать опекунов действовали под фирмой Спящего, под видом компаний и

прочими способами. От его имени заключали юридические акты и сделки, покупали партии, газеты, все на свете. Послушайте историю этих времен — и вы увидите, как власть и значение Совета все росли и росли. В его руках скопились наконец миллиарды лвов, все достояние Спящего. И подумать только, что всему этому положили начало прихоть и случайность — завещание Уорминга, а потом гибель сыновей Избистера!

— Какое странное создание — человек! — продолжал старик. — Удивительно только, что Совет так долго действовал единодушно. Целых двенадцать человек. И с самого начала все действовали заодно. А все-таки они пали. Во времена моей молодости Совет был для нас то же самое, что для невежды бог. Мы не смели и подумать, что они могут поступить плохо. Об их женщинах мы и мечтать не могли. Теперь я стал умней. Странное, право, существо — человек. Вот, например, вы. Человек молодой — и ничего не знаете, а я, семидесятилетний старик, которому простительно и забыть половину, объясняю вам все это.

— Да, семьдесят, — продолжал он, — семьдесят... И я еще хорошо слышу и вижу, слышу лучше, чем вижу. И голова у меня ясная, и я всем интересуюсь... Семьдесят... Странная вещь — жизнь. Мне было двадцать, когда Острог был ребенком. Я отлично помню его еще задолго до того, как он встал во главе Управления Ветряных Двигателей. С тех пор многое переменилось. Ведь и я ходил когда-то в синем. И вот я дожил до нынешних дней, чтобы увидеть этот бунт, и мрак, и смятение, и груды мертвых тел на улицах. И все это — дело его рук! Его рук дело!

И он начал тихо бормотать что-то непонятное — по-видимому, хвалил Острога.

Грэхэм задумался.

— Позвольте, — проговорил он, протягивая руку и как бы приготовляясь отсчитывать по пальцам. — Итак, значит, Спящий лежал в летаргии...

— Подменен, — сказал старик.

— Допустим. А тем временем состояние Спящего все росло и росло в руках двенадцати опекунов, пока наконец не поглотило почти весь мир. Эти опекуны благодаря такому богатству сделались

фактическими властелинами мира, потому что они имели ценз, как в древнем английском парламенте...

— Ого! — произнес старик. — Меткое сравнение. Вы вовсе не так...

— И вот теперь этот Острог взбунтовал весь мир неожиданным пробуждением Спящего, в которое никто не верил, кроме суеверного простонародья, и Спящий потребовал от Совета свое состояние. Не так ли?

Старик только покашливал.

— Странно, — сказал он наконец, — встретить такого человека, который слышит все эти вещи в первый раз.

— Да, это странно, — согласился Грэхэм.

— Были вы когда-нибудь в Городе Наслаждений? — спросил вдруг старик. — Всю свою жизнь я мечтал... — засмеялся он. — Даже теперь я не отказался бы. Посмотреть бы — и то хорошо. — Он пробормотал еще фразу, которую Грэхэм не мог понять.

— А когда проснулся Спящий? — неожиданно спросил Грэхэм.

— Три дня назад.

— Где он теперь?

— Острог его захватил. Он убежал от Совета всего каких-нибудь четыре часа назад. Дорогой мой сир, неужели вы ничего не знаете? Он был в зале-рынков, где произошло сражение. Весь город кричит об этом. Все Болтающие Машины. Даже глупцы, защищающие Совет, — и те говорят так. Все бросились туда смотреть на него, и каждый получил оружие. Что, вы пьяны были или спали? Удивительное дело! Нет, вы просто шутите! Делаете вид, что ничего не знаете. Ведь и электричество погасили для того, чтобы заставить замолчать Болтающие Машины и помешать скоплению народа; поэтому такая темь. Быть может, вы хотите сказать...

— Я, правда, слышал, что Спящий бежал, — перебил его Грэхэм. — Но постойте, вы уверены, что Спящий у Острога?

— Острог ни за что не выпустит его, — заявил старик.

— А Спящий? Уверены вы, что он не настоящий? Я ни от кого еще не слышал...

— Так думают все глупцы. Да, так они и думают. Как будто они ничего не слышали. Я достаточно хорошо знаю Острога. Разве я не

говорил вам? В некотором роде я ведь с ним в свойстве. Да, в свойстве через свою сноху.

— Я думаю...

— Что такое?

— Я думаю, что вряд ли удастся Спящему получить власть. Я думаю, он будет куклой в руках Острога или Совета, как только кончится эта борьба.

— В руках Острога? Конечно. Да почему бы ему не быть куклой? Все для него возможно, любое наслаждение! Зачем же ему еще власть?

— А что это за Города Наслаждений? — спросил вдруг Грэхэм.

Старик заставил его повторить вопрос. Когда наконец он удостоверился, что не ослышался, то сердито пихнул Грэхэма локтем.

— Нет, это уж слишком! — воскликнул он. — Вы насмехаетесь над старым человеком. Я давно уже подозревал, что вы знаете больше, чем кажется.

— Предположим, что вы правы, — ответил Грэхэм. — Но для чего мне притворяться? Уверю вас, что я действительно не знаю, что такое Город Наслаждений.

Старик захихикал.

— Мало того, я не умею читать ваших надписей, я не знаю, какие монеты теперь в ходу, я не знаю, какие на свете государства. Я не знаю, наконец, где нахожусь сейчас. Я не умею считать. Я не знаю, где и как достать еду, питье, кров над головой.

— Будет вам! — остановил его старик. — Если вам дать теперь стакан, так вы будете, пожалуй, уверять, что не знаете, куда его поднести... к уху или к глазу?

— Я буду просить вас рассказать мне обо всем.

— Так, так! Ну, что же! Джентльмен, одетый в шелк, может позволить себе шутку. — Сморщенная рука протянулась к Грэхэму и несколько мгновений ощупывала его рукав. — Шелк! Ну, ну... Неплохо ему будет жить. Хотел бы я быть на месте Спящего. Удовольствия, роскошь! А у него такое странное лицо. Когда к нему был свободный доступ, я тоже взял билет и ходил смотреть. Лицо точь-в-точь как у настоящего, судя по старым фотографиям, только желтое. Но он быстро поправится. Как странно устроен мир.

Подумать только, такое счастье... Такое счастье! Полагаю, что его отправят на Капри. Это будет недурно для начала.

Старик снова закашлялся. Отдышавшись, он стал говорить о тех удовольствиях и наслаждениях, которые ожидают Спящего.

— Вот счастье-то, вот счастье-то! Всю свою жизнь провел я в Лондоне, надеясь, что и на мою долю что-нибудь выпадет.

— Но ведь вы сказали, что подлинный Спящий умер, — перебил Грэхэм.

Старик заставил его повторить эти слова.

— Человек не живет более десяти дюжин лет. Это невозможно, — ответил старик. — Я ведь не дурак. Только дураки могут верить этому.

Грэхэма рассердило самоуверенное упрямство старика.

— Дурак вы или нет, я не знаю, — вспыхнул он, — но в данном случае вы ошибаетесь.

— Что такое?

— Вы ошибаетесь, говоря так о Спящем. Я сперва промолчал, но теперь говорю вам: вы ошибаетесь относительно Спящего.

— А вы откуда знаете? Не думаю, чтобы вы больше меня о нем знали, раз не знаете даже, что такое Города Наслаждений.

Грэхэм молчал.

— Вы сами ничего не знаете, — продолжал старик. — Откуда вам знать? Лишь очень немногие...

— Я — Спящий!

Грэхэму пришлось повторить эти слова.

Несколько мгновений оба молчали.

— Извините меня, сир, но, по-моему, крайне неблагоприятно говорить подобные вещи. В такое беспокойное время это может доставить вам немало хлопот, — сказал наконец старик.

Несколько смущенный, Грэхэм все же продолжал настаивать:

— Говорю вам, что я и есть Спящий. Много лет назад я впал в летаргический сон; это случилось в маленькой деревне, где дома были построены из камня, еще в те времена, когда существовали и деревни, и гостиницы, и живые изгороди, когда вся земля была еще поделена на небольшие участки. Разве вам не приходилось слышать о тех временах? Так вот я и есть тот самый человек, который проснулся от своего долгого сна четыре дня назад.

— Четыре дня назад! Спящий! Но ведь он у Острога! Острог ни за что не выпустит его. Вот ерунда! До сих пор вы говорили, однако, достаточно здраво. Я там не был, но мне все известно. При нем должен неотступно находиться Линкольн; нет, его не отпустят! Однако вы странный человек. Шутник, должно быть. Поэтому вы так и коверкаете слова...

Он замолчал и сделал негодующий жест.

— Как будто Острог отпустит Спящего бродить по городу! Нет, рассказывайте это кому-нибудь другому, а не мне. Как же, так я и поверил... Зачем вы притворяетесь? Уж не я ли навел вас на эту мысль своими рассказами о Спящем?

— Послушайте, — произнес Грэхэм, поднимаясь, — я действительно Спящий.

— Чудак, — ответил старик, — сидит тут в темноте, болтает ломаным языком что-то непонятное. Но...

Раздражение Грэхэма улепось.

— Какая нелепость! — расхохотался он. — Какая нелепость! Кончится ли когда-нибудь этот сон? Он становится все бессвязнее, все фантастичнее. Подумать только, я, воплощенный анахронизм, человек, переживший два столетия, сижу здесь в этой проклятой темноте и стараюсь убедить какого-то старого болвана, что я действительно, а между тем... Уф!

Он порывисто повернулся и зашагал прочь. Старик тотчас же последовал за ним.

— Не уходите! — кричал он. — Пускай я буду старый болван. Только не уходите! Не оставляйте меня одного в темноте.

Грэхэм остановился в нерешительности. Зачем он так неосторожно выдал свою тайну?

— Я не хотел вас оскорбить, — сказал, подходя, старик. — Что за беда! Считайте себя Спящим, если это вам нравится. Ведь это только шутка.

Грэхэм помедлил с минуту, потом решительно пошел. Некоторое время он слышал позади себя шаркающие шаги и хриплые крики. Затем темнота поглотила старика, и Грэхэм потерял его из виду.

12. Острог

Теперь Грэхэм лучше понимал свое положение. Он долго еще бродил по улицам, хотя после разговора со стариком решил разыскать Острога. Ясно было одно, что руководителям восстания удалось каким-то образом скрыть его исчезновение. Однако каждую минуту он может услышать весть о своей смерти или о захвате в плен сторонниками Совета.

Внезапно перед ним остановился какой-то человек.

— Слышали? — спросил он.

— Нет, — ответил Грэхэм, вздрагивая.

— Почти дюжина, дюжина человек! — повторил неизвестный, быстро удаляясь.

Несколько мужчин и девушек прошли в темноте, возбужденно жестикулируя и крича: «Капитулировали!.. Сдались!.. Дюжина!.. Две дюжины!.. Ура, Острог!.. Ура, Острог!»

Голоса затихли в отдалении.

Прошла еще группа людей, которые также громко кричали.

Грэхэм старался уловить смысл по отдельным словам. Он даже начал сомневаться, английский ли это язык. Скорее это напоминало колониальный или негритянский жаргон: рубленые фразы, искаженные слова. Расспрашивать он не решился. Судя по настроению встречных, опасения его не подтвердились. Оправдались слова старика об Остроге. Однако Грэхэм не сразу поверил, что весь этот народ радуется падению Белого Совета, того Совета, который с такой настойчивостью и ожесточением преследовал его и в конце концов все-таки оказался в этой упорной, кровавой борьбе слабейшей стороной. Но если это так, то что будет с ним? Несколько раз он собирался все разузнать. Один раз он даже повернул назад и долго шел позади толстого, добродушного с виду человечка, но так и не решился обратиться к нему.

Наконец Грэхэм сообразил, что он может спросить, где находится Управление Ветряных Двигателей, хотя он и не знал, что это такое. Первый, к кому он обратился, посоветовал идти в Вестминстер. Второй указал ему ближнюю дорогу, но он скоро заблудился. Ему

посоветовали оставить тот путь, которого он держался, не зная Другой дороги, и спуститься по лестнице в темные переходы. Здесь он столкнулся в темноте с каким-то подозрительным субъектом, выкрикивающим хриплым голосом что-то непонятное на каком-то жаргоне с примесью английских слов, видимо, это был отвратительный жаргон новейшего времени. Вскоре вблизи послышался голос девушки, которая напевала: «Тра-ля-ля, тра-ля-ля...» Она сказала на жаргоне, что ищет свою сестру. Она налетела на него в темноте, нечаянно, как подумал он сначала, и, схватив за руку, захохотала. Заметив его недовольство, девушка скрылась.

Шум вокруг него усиливался. Опять пробежала кучка возбужденных людей, которые кричали: «Они сдались!..», «Совет пал!», «Не может этого быть!», «Так говорят на путях».

Проход расширился. Стена оборвалась, и Грэхэм вышел на обширное открытое место. Вдалеке шумела толпа. Поравнявшись с какой-то фигурой, Грэхэм спросил, куда идти.

— Идите все прямо, — отвечал женский голос.

Но едва он отошел от стены, которой все время придерживался, как споткнулся о столик со стеклянной посудой. Освоившись с темнотой, он различил целый ряд таких столиков. Идя вдоль этого ряда, он слышал, как звенело стекло и стучали ножи. Очевидно, нашлись люди достаточно хладнокровные, чтобы пообедать, или достаточно дерзкие, чтобы, пользуясь общим смятением и темнотой, украсть что-нибудь съестное. Далеко впереди на высоте сиял полукруг слабого света. Когда Грэхэм приблизился, черный выступ заслонил свет. Наткнувшись на лестницу, он поднялся по ступенькам и попал в галерею. Здесь он услышал всхлипывание и заметил двух маленьких девочек, прижавшихся к перилам. При звуке шагов дети смолкли. Грэхэм попробовал утешить их, но они упорно молчали. Он оставил их и пошел дальше; дети снова заплакали.

Вскоре Грэхэм очутился у подножия лестницы; вверху светилось отверстие. Поднявшись из темноты, он снова вышел на движущиеся пути. Беспорядочная толпа маршировала, нестройно распевая революционный гимн, многие сильно фальшивили. То там, то здесь пылали смоляные факелы, метались странные тени. Он дважды спрашивал о дороге, но дважды получал ответ на том же невразумительном жаргоне. В третий раз он наконец понял: он

находится на расстоянии двух миль от Управления Ветряных Двигателей в Вестминстере. Теперь уже нетрудно было отыскать дорогу.

Он был совсем недалеко от Управления Ветряных Двигателей. Праздничные процессии на улицах, радостные крики, вспыхнувший свет — все убеждало его в том, что Белый Совет действительно свергнут.

Странно, что никто ничего не говорил об исчезновении Спящего.

Свет вспыхнул так внезапно, что не только он, но и все остановились, зажмурив глаза. Весь мир казался раскаленным добела.

Грэхэм замешался в густой толпе, запрудившей все пути по соседству с Управлением Ветряных Двигателей. Здесь, на виду у всех, когда уже нельзя было укрыться в темноте, Грэхэм начал колебаться: идти ли ему к Острогу?

Его толкали, теснили и затирали те самые люди, которые с восторгом и надеждою до хрипоты выкрикивали его имя; некоторые были окровавлены, они пострадали, сражаясь за него.

На фасаде Управления Ветряных Двигателей светилась движущаяся картина, но Грэхэм не мог ее разглядеть, так как, несмотря на отчаянные попытки, не в силах был пробиться сквозь густую толпу. Из отрывков разговоров он понял, что картина передает то, что происходит около дома Белого Совета. Он колебался, не зная, что предпринять. Он даже не мог сообразить, как проникнуть в здание без входов, и медленно двигался по течению толпы, пока не увидел, что спускавшаяся от среднего пути лестница ведет внутрь здания. Он постарался туда пробраться, но была такая давка, что на это потребовалось не менее часа.

Даже у входа Грэхэму пришлось потерять немало времени на переговоры со стражей, пока наконец согласились доложить о нем человеку, который, быть может, больше всех хотел его увидеть. В одном месте, выслушав, его высмеяли, так что добравшись до второй лестницы, он просто заявил, что должен сообщить Острогу известие чрезвычайной важности. В чем состояло это известие, он объяснить отказался. Стража очень неохотно согласилась доложить о нем.

Пришлось долго ожидать подъемной машины, пока наконец не появился Линкольн, удивленный и взволнованный. Несколько

мгновений стоял он в дверях неподвижно, потом порывисто бросился к Грэхэму.

— Как! Это вы? Вы не погибли?

Грэхэм вкратце рассказал свои похождения.

— Брат вас ждет, — сказал Линкольн. — Он теперь один в зале. Мы думали, что вас убили в театре. Правда, он не верил этому. Положение еще очень серьезное, что бы мы им там ни говорили, — иначе он непременно сам явился бы сюда вам навстречу.

Поднявшись на лифте, они прошли по узкому коридору, пересекли обширный, совершенно пустой зал, где встретили только двух курьеров, и вошли в небольшую комнату, вся меблировка которой состояла из длинного дивана и большого овального диска с проводами, светящегося серебристым светом.

Здесь Линкольн оставил Грэхэма одного. Некоторое время тот старался понять, что значат неясные, медленно движущиеся на диске тени.

Вдруг послышался отдаленный крик громадной возбужденной толпы, крик безумного восторга. Крик этот так же внезапно прекратился, точно ворвался через открытую и тотчас же захлопнувшуюся дверь. В соседнем помещении послышались поспешные шаги и мелодичный звук, как бы позвякивание цепи, скользящей по зубчатому колесу. Затем он услышал женский голос и шелест невидимого платья.

— Это Острог, — сказала женщина.

Отрывисто прозвонил колокольчик, и снова все смолкло.

Послышались голоса и шум. Четко выделялись чьи-то ровные, твердые, размеренные, все приближавшиеся шаги. Медленно поднялся занавес.

Появился высокий седой мужчина в кремовом шелковом одеянии. Он пристально, исподлобья смотрел на Грэхэма.

Несколько мгновений человек стоял неподвижно, придерживая занавес, затем опустил его.

Грэхэм с любопытством рассматривал его. Высокий, открытый лоб, бледно-голубые, глубоко запавшие глаза, седые брови, орлиный нос и резко очерченный, решительный рот; глубокие складки под глазами и низко опущенные углы рта свидетельствовали о том, что человек этот, державшийся так прямо, уже не молод. Грэхэм

машинально поднялся со своего сиденья, и некоторое время они стояли молча, пристально всматриваясь друг в друга.

— Вы Острог? — спросил Грэхэм.

— Да, я Острог.

— Вождь?

— Да, так называют меня.

Грэхэм чувствовал, что молчать неудобно.

— Я должен поблагодарить вас: я обязан вам своим спасением, — начал он.

— Мы боялись, что вы убиты, — ответил Острог, — или же опять заснули, и уже навсегда. Были приняты все меры, чтобы никто не узнал о вашем исчезновении. Где же вы были? Как вы сюда попали?

Грэхэм вкратце все рассказал.

Острог слушал молча.

— Знаете ли, чем я был занят, когда мне сообщили о вашем приходе? — сказал он, слегка улыбаясь.

— Как могу я это знать?

— Мы готовили вам двойника.

— Двойника? Мне?

— Человека, на вас похожего, которого нам удалось найти. Мы уже собирались загипнотизировать его, чтобы облегчить ему роль. Это было необходимо. Ведь восстание произошло оттого, что вы проснулись, живы и находитесь с нами. Вот и сейчас народ, собравшийся в театре, кричит и требует, чтобы вы вышли к нему. Они все еще не верят... Конечно, вы уже знаете о своем положении.

— Очень мало, — ответил Грэхэм.

— Говоря коротко, — начал Острог, пройдясь по комнате, — вы правитель больше чем половины земного шара. Вашу роль можно сравнить с ролью короля. Правда, власть ваша во многом ограничена, но все же вы являетесь главой правительства, так сказать, символом его. Этот Белый Совет, Совет Опекунов, как его называли...

— Кое-что о нем я уже знаю.

— Вот как!

— Я встретился с одним болтливым стариком.

— Понимаю... Наши массы — это слово осталось еще от ваших дней, вы знаете, конечно, что в наше время тоже существуют массы, — считают вас законным правителем. Подобно тому, как в

ваши дни большинство народа признавало королевскую власть. Народные массы на всем земном шаре недовольны только управлением ваших опекунов. Отчасти это — обычное недовольство, старинная вражда низов к верхам, вызванная тяжелым трудом, нуждой. Но вместе с тем нельзя не признать, что Белый Совет во многом виноват. В некоторых случаях, например, в управлении Рабочей Компанией, они действовали неблагоприятно. Они дали много поводов для недовольства. Народная партия уже давно агитировала, требуя реформ. А тут еще ваше пробуждение. Счастливая случайность, такого совпадения не придумаешь! — Он улыбнулся. — В обществе, выведенном из терпения, уже начали раздаваться голоса о необходимости разбудить вас от вашего летаргического сна, чтобы апеллировать к вам, и вдруг... — Он сделал рукой выразительный жест. Грэхэм кивнул головою, показывая, что понял. — Члены Совета интриговали, ссорились. Как всегда. Они не могли решить, что делать с вами. Вы помните, как они запрятали вас?

— Да. Конечно. А теперь... мы победили?

— Мы победили. Победили в одну ночь. За какие-нибудь пять часов. Мы подняли восстание повсюду. Работники Ветряных Двигателей, Рабочая Компания с миллионами рабочих — все поднялись. Мы заручились содействием аэропилов.

— Так, — произнес Грэхэм, догадываясь, что аэропилами называются летательные машины.

— Это, конечно, было чрезвычайно важно, иначе они могли бы улететь. Все города восстали; треть всего населения взялась за оружие. Все синие, все общественные служащие, за исключением лишь немногих аэронавтов и половины полицейских. Ваш побег удался, полиция путей была разбита, обезоружена или уничтожена, меньше половины полицейских укрылось в доме Совета. Теперь весь Лондон в наших руках. Один дом Белого Совета еще держится. Половина оставшейся у них красной полиции погибла в безумной попытке вторично захватить вас в плен. Они потеряли вас, а с вами и жизнь. Всех, кто проник в театр, мы истребили, отрезали им отступление. Поистине эта ночь была ночью победы. Повсюду блистает ваша звезда. Всего день назад Белый Совет еще правил, как правил в течение гросса лет, правил полтора столетия, а теперь — что у него осталось? Горсть вооруженных людей... Конец!

— Я все же почти ничего не знаю, — сказал Грэхэм. — Я не совсем понял, что произошло. Не будете ли вы добры объяснить мне, где теперь находится Совет? В каком месте происходит сражение?

Острог подошел к стене, что-то щелкнуло, и свет погас. Один диск светился бледным пятном. С минуту Грэхэм стоял ошеломленный.

Затем, освоившись с темнотой, он увидел, что туманный диск углубился и расцвел, стал походить на овальное окно, сквозь которое открывается далекий вид; его глазам предстала странная сцена.

Грэхэм сначала не мог сообразить, что такое он видит.

Перед ним открывался зимний пейзаж; день был ясный, небо — голубовато-серое. Поперек всей картины вдалеке свешивался толстый канат, скрученный из белой проволоки. Ряды громадных ветряных двигателей, широкие промежутки, черные пропасти — все это он видел уже во время своего бегства из дома Белого Совета. Он заметил цепь красных фигурок, проходящих по площади между двумя рядами людей, одетых в черное, и без объяснений Острога догадался, что видит сцену, происходящую на кровле Лондона. Выпавший за ночь снег уже успел растаять. Грэхэм понял, что диск представляет собой усовершенствование прежней камеры-обскуры, хотя это еще не объясняло всего. Красные фигурки двигались слева направо, но исчезали слева; это обстоятельство некоторое время удивляло его, пока он не разобрал, что вся картина двигалась по овалу, как панорама.

— Сейчас вы увидите борьбу, — заявил Острог, стоявший позади него. — Эти люди в красном — пленные. Вы видите то, что происходит на крыше Лондона, — ведь теперь все дома составляют одно целое. И улицы и скверы — все под общей кровлей, не так, как в ваше время.

Из фокуса вынырнула, затеняя почти половину экрана, фигура человека. Блеснула вспышка, тень скользнула по овалу, как веко птичьего глаза, и картина снова стала ясной. Грэхэм увидел, как среди подпорок гигантских ветряных двигателей по всем направлениям забегали люди с оружием, из которого вылетал дымок. Они суетились, жестикулировали, что-то кричали, но их криков не было слышно. Ветряные двигатели и люди медленно проплыли по экрану.

— А вот и дом Белого Совета, — сказал Острог, когда на экране появился темный угол стены, которая вскоре исчезла, и они увидели окруженную со всех сторон зданием пропасть, откуда поднимался дым к бледному зимнему небу. В сумраке торчали столбы, изуродованные железные балки, развалины громадных построек. По ним бегали и лазали бесчисленные маленькие фигурки.

— Это и есть дом Белого Совета, — пояснил Острог. — Их последняя опора. Эти безумцы потратили столько боевых припасов на взрыв, что их хватило бы на целый месяц обороны. Они хотели остановить нашу атаку. Вы ведь слышали взрыв? Добрая половина стекол в городе выбита.

На экране над руинами взорванных зданий появилась громада сильно поврежденного белого здания. Окружающие постройки были взорваны. На месте переходов зияли дыры. В проломах стен виднелись огромные залы, лепные украшения зловеще белели в зимних сумерках. Со стен свешивались фестонами оборванные канаты, там и сям торчали скрученные железные брусья. Среди руин мелькали алые точки — красномундирные защитники Совета. То и дело бледные вспышки озаряли груды развалин. Сперва Грэхэму показалось, что штурм белого здания в полном разгаре, но потом он понял, что революционеры не столько атакуют, сколько стараются укрыться за развалинами от яростного обстрела противников.

Подумать только, десять часов назад он стоял под вентилятором в одной из комнат этого здания, не понимая, что происходит в мире!

Присматриваясь к картине, медленно движущейся по экрану, Грэхэм заметил, что группа белых построек со всех сторон окружена развалинами. Острог коротко пояснил ему, что осажденные нарочно произвели такие ужасные разрушения, чтобы помешать штурму. Он спокойно говорил о множестве жертв. Указал на кладбище среди развалин, на многочисленные перевязочные пункты, крохотные фигурки кишели в выбоинах разрушенных путей, как паразиты в сыре. Острог подробно ознакомил его с планом здания Совета, с расположением частей противника. Грэхэм получил представление о гражданской войне, которая сотрясала огромный город.

Это был не просто бунт, не случайное возмущение, а заранее подготовленный, превосходно организованный государственный

переворот. Острог был поразительно осведомлен. Он знал, чем занята чуть ли не каждая группа людей, копошившихся среди развалин.

Протянув руку, отбросившую на экран гигантскую черную тень. Острог показал Грэхэму место, где находилась комната, в которой тот был заключен, и проследил весь проделанный им путь. Грэхэм узнал пропасть, через которую он перебирался, и место, где он прятался за ветряным двигателем от летательной машины. Остальная часть его пути была разрушена взрывом. Он снова взглянул на дом Белого Совета. Здание медленно исчезало с экрана; на смену ему из тумана выплыли увенчанные куполами и башнями здания, расположенные по склону холма.

— Итак, Белый Совет свергнут? — спросил он.

— Свергнут, — ответил Острог.

— И я, неужели правда, что я?..

— Да, вы Правитель Земли.

— Но что это за белый флаг?

— Это знамя Белого Совета, символ владычества над миром. Оно сейчас падет. Борьба уже кончилась. Их атака на театр была последней отчаянной попыткой. У них осталось не больше тысячи человек. Многие уже перешли на нашу сторону. У них не хватает боевых припасов. А мы воскресили военное искусство прежних лет. Мы пустили в ход пушки.

— Но постойте. Разве этот город — весь мир?

— Это почти все, что еще осталось у них от огромной империи. Остальные города тоже подняли восстание или ожидают исхода борьбы. Ваше пробуждение смутило их, парализовало.

— Но разве у Совета нет летательных машин? Почему они не пустят их в ход?

— Конечно, есть. Но большая часть аэропланов примкнула к нам. Правда, они боятся выступить за нас, но не смеют идти и против нас. Мы их раскололи. Половина аэропланов за нас, а остальные знают это. Кроме того, им известно, что вы бежали от погони. Час назад мы расстреляли того человека, который пытался убить вас. Наконец, мы заняли все аэродромы и захватили аэропланы; что касается небольших летательных машин, которым удалось ускользнуть, то мы подвергли их такому сильному обстрелу, что они не осмелились даже приблизиться к дому Белого Совета. Если летательная машина

опустится на землю в городе, то она уже не сможет снова подняться, так как здесь нет места для разбега. Часть мы уничтожили, другие опустились и принуждены были сдаться, остальные улетели на континент в надежде достичь дружественного им города, если только у них хватит горючего. Многие из аэронавтов были рады попасть в плен. Не очень-то приятно быть сбитым и кувыркнуться вниз. Нет, Белому Совету нечего ожидать помощи. Его час пробил.

Он засмеялся и повернулся к экрану, чтобы показать Грэхэму аэродромы. Хотя ближайшие из них находились, по-видимому, далеко и были окутаны утренним туманом, Грэхэм все же понял, сравнив их с окружающими постройками, что они очень обширны.

Когда смутные очертания исчезли с экрана, показалась толпа обезоруженных полицейских, проходящих по какой-то площади. Затем снова черные развалины и осажденная твердыня Белого Совета. Теперь она казалась уже не туманной, а золотилась в лучах солнца, вышедшего из-за туч. Борьба все еще продолжалась, но красномундирные защитники уже не стреляли.

В сумрачном молчании долго еще созерцал человек девятнадцатого столетия заключительную сцену великого восстания, государственного переворота. Он подумал с замиранием сердца, что этот мир — его мир, а тот, старый, остался позади. То, что он видит, не какое-нибудь театральное представление, которое закончится, когда наступит развязка. Нет, в этом мире ему предстоит жить, выполнить свой долг, подвергаться опасностям и нести бремя тяжелой ответственности. Он повернулся, желая задать Острогу вопрос. Острог начал было отвечать, но потом сказал:

— Все это я объясню вам впоследствии. Прежде всего дела. Народ из всех частей города стремится сюда по движущимся путям, все рынки и театры полны. Вы явились как раз вовремя. Народ хочет видеть вас. За границей тоже хотят видеть вас. Париж, Нью-Йорк, Чикаго, Денвер, Капри, тысячи других городов волнуются и хотят видеть вас. Столько лет ждали вашего пробуждения, а когда наконец вы проснулись, им трудно поверить.

— Но не могу же я быть везде.

Острог ответил с другого конца комнаты. Снова вспыхнул свет, и изображения на овальном диске поблекли и исчезли.

— У нас есть кинетотеле-фотографы. Когда вы покажетесь здесь, вас увидят мириады мириад народа, собравшегося в темных залах мира. Правда, не в красках, а в контурах и в тенях. Вы даже услышите их приветственные крики, которые сольются с криками, доносящимися из нашего зала. Для этого служит особый оптический прибор, показывающий публике артистов и танцовщиц. Он, вероятно, неизвестен вам. На вас направляют сильный свет, а зрителям видны не вы сами, а ваше увеличенное изображение на экране; любой зритель в самой отдаленной галерее может пересчитать у вас ресницы.

— Как велико теперь население Лондона? — вдруг спросил Грэхэм в порыве любопытства.

— Двадцать восемь мириад.

— Сколько же это составит?

— Более тридцати трех миллионов.

Грэхэм никак не ожидал такой цифры.

— Вам необходимо будет что-нибудь сказать, — продолжал Острог. — Не речь, как в ваши времена, а что-нибудь короткое, у нас это называется спичем, какую-нибудь фразу, всего шесть-семь слов. Этого требует церемониал. Например: «Я проснулся, и мое сердце с вами». Вот чего они от вас хотят.

— Как вы сказали? — спросил Грэхэм.

— Я проснулся, и мое сердце с вами, — повторил Острог. — И царственный поклон. Но сначала вы должны надеть черную мантию, черный — это ваш цвет. Согласны? А затем они разойдутся по домам.

Грэхэм колебался.

— Я в ваших руках, — произнес он наконец.

По-видимому, Острог был того же мнения. Подумав немного, он обернулся к занавесу и, обращаясь к невидимому подчиненному, произнес несколько слов.

Через минуту подали черную мантию, такую же, как та, которую накинуд на себя Грэхэм в театре. В тот момент, когда он набрасывал ее на плечи, в соседней комнате раздался резкий звонок. Острог обратился было с вопросом к своему подчиненному, но потом, передумав, откинул занавес и вышел из комнаты.

С минуту Грэхэм стоял рядом с застывшим в почтительной позе секретарем, прислушиваясь к шагам удаляющегося Острога. Он услышал, как тот что-то быстро спросил, ему ответили и кто-то

побежал. Занавес заколыхался, и опять появился Острог; он был взволнован, лицо его пылало. Подойдя к стене и нажав кнопку, он выключил свет. Затем, взяв Грэхэма за руку, показал на экран.

— С ними покончено, — сказал он.

Грэхэм увидел его колоссальный указательный палец над домом Белого Совета. В первый момент он ничего не понял. Затем заметил, что на флагштоке уже не развевается белый флаг.

— Что это означает?..

— Белый Совет сдался. Владычеству его пришел конец! Смотрите! — воскликнул Острог, указывая на черное знамя, медленно, толчками поднимающееся на флагштоке.

Экран потускнел. Приподняв занавес, в комнату вошел Линкольн.

— Народ выражает нетерпение, — сообщил он.

— Мы подняли восстание, — сказал Острог, продолжая держать Грэхэма за руку. — Мы дали народу оружие. На сегодня по Крайней мере желание его должно быть законом.

Линкольн откинул занавес, чтобы пропустить Грэхэма и Острога.

По дороге к рынкам Грэхэм заметил длинное узкое строение с белыми стенами, куда люди в синем втаскивали носилки и где сутились врачи, одетые в пурпур. Из здания слышались стоны и крики. Ему бросилась в глаза пустая, залитая кровью кровать, на других кроватях лежали раненые с кровавыми повязками. Все это он видел мельком, сверху, переходя мостик с перилами; затем эта картина скрылась за выступом здания, и они продолжали свой путь...

Шум толпы слышался все ближе и ближе, напоминая раскаты грома. И вот перед ними лес черных знамен, море синих одежд, бурых лохмотьев. Грэхэм узнал тот самый театр, где при вспышках света и в темноте он прятался, спасаясь от красномундирной полиции. На этот раз он вошел в театр по галерее, выше сцены. Здание было ярко освещено. Грэхэм искал глазами тот выход, куда он тогда скрылся, но не мог найти, так как выходов было слишком много. Точно так же не мог он различить и разбитых сидений, пробитых подушек и других следов сражения, ибо зал, за исключением сцены, был переполнен народом.

Грэхэм поглядел вниз и увидел море лиц, обращенных к нему. Тысячи глаз были устремлены на него. При появлении его и Острога

крики и пение смолкли, толпа замерла. Мириады людей напряженно следили за каждым его движением.

13. Конец старого строя

Насколько Грэхэм мог судить, был уже полдень, когда опустилось белое знамя Совета. Потребовалось еще несколько часов на выработку условий капитуляции. После своего «спича» Грэхэм удалился в апартаменты при Управлении Ветряных Двигателей. От непрерывных волнений за последние двенадцать часов он чувствовал себя совершенно разбитым; его уже ничто не интересовало. Безразличный ко всему, сидел он с открытыми глазами, пока не заснул. Его разбудили два врача, они принесли напитки, чтобы подкрепить его силы. Выпив лекарство и приняв по совету врачей холодную ванну, Грэхэм почувствовал новый прилив энергии и интерес ко всему окружающему. Он тотчас же согласился предпринять вместе с Острогом длинную, в несколько миль (как ему показалось), прогулку по переходам, лифтам и спускам, чтобы присутствовать при капитуляции Белого Совета.

Путь все время шел зигзагами среди лабиринта зданий. Пройдя, наконец, извилистый проход, Грэхэм сквозь продолговатое отверстие увидел контуры разрушенного здания Белого Совета и облака, освещенные закатом. Послышался отдаленный гул толпы. Через минуту они подошли к краю полуразрушенного здания, возвышавшегося над грудой руин. Открывшаяся картина была столь же необычайна, как и та, которую он недавно наблюдал в овальном зеркале.

Перед ним развевался неправильный амфитеатр шириною чуть ли не в милю. Левая его сторона была залита золотом заката, правое же крыло и нижняя часть были завуалированы холодной прозрачной тенью. Над сумрачным домом Белого Совета на фоне пламенеющего заката плавно развевалось большое черное знамя победителей. Зловеще зияли полуразрушенные залы, комнаты и переходы; изломанные, погнутые металлические балки торчали из развалин; провода скрутились, перепутались в клубки и повисли, подобно морским водорослям. Снизу доносился гул бесчисленных голосов, громовые удары и звуки труб. Вокруг центральной белой руины тоже все было разрушено: бесформенные груды почерневших

камней, выступающие из обломков фундаменты, остатки фабрик, взорванных по приказанию Белого Совета, железные скелеты зданий, титанические массы стен, леса тяжелых колонн. Глубоко внизу среди развалин блестели потоки воды; вдалеке среди каменных громад из скрученного конца водопроводной трубы с высоты двухсот футов низвергался сверкающий каскад.

Повсюду, где только можно было встать, теснились фигурки людей, четкие и темные, залитые золотом заката. Они карабкались по выщербленным стенам, гирляндами лепились вдоль высоких колонн, кишели в амфитеатре руин. Воздух дрожал от криков; все стремились пробраться к центру.

Верхние этажи дома Белого Совета казались совершенно пустынными. Только черный флаг темнел на светлом небе. Мертвые тела были унесены внутрь здания или убраны. Несколько тел, очевидно, забытых или не замеченных, застряли в трещинах и чернели в волнах потока.

— Не покажетесь ли вы им, сир? — сказал Острог. — Они жаждут увидеть вас.

Несколько мгновений Грэхэм колебался, затем подошел к самому краю полуразрушенной стены. Его одинокая стройная черная фигура резко выделялась на фоне неба.

Народ, копошащийся внизу, заметил его не сразу. Небольшие отряды вооруженных людей в черных мундирах с трудом прокладывали себе дорогу сквозь толпу к дому Белого Совета. Грэхэм увидел, как зарыбились светлые пятна лиц вместо темных голов, словно дуновение пронеслось по толпе: его узнали! Он понял, что следует сделать какой-нибудь приветственный жест. Он поднял руку и указал на дом Совета и спущенное белое знамя. Крики слились в единодушный восторженный рев.

Когда Совет капитулировал, небо на западе окрасилось в бледные голубовато-зеленые тона и на юге заблестел Юпитер. Небо неприметно темнело, на город спускалась ясная безмятежная ночь; внизу же куда-то спешили, волновались, кричали, лихорадочно отдавали приказания, суетились, строились в ряды, рассыпались в беспорядке. Из дома Белого Совета под крики толпы усталые, вспотевшие люди выносили тела людей, погибших в рукопашной схватке в длинных проходах и бесконечных залах.

По обе стороны пути, по которому должны были пройти члены Белого Совета, расположилась черная стража; все же остальное пространство, насколько можно было разглядеть в голубоватом сумраке руин, кишело народом, который успел уже проникнуть и в окружающие развалины. Гул голосов даже во время затишья походил на шум морского прибоя на усеянном галькой побережье. Наверху одной из развалин по приказанию Острога был спешно сооружен помост из бревен и железных балок. Постройка была уже почти закончена, но внизу, в густой тени, под ней еще стучали и гудели какие-то машины.

На ступеньках эстрады встали Грэхэм с Острогом и Линкольном, а несколько позади — группа других вожаков. На нижней, более широкой платформе, вокруг эстрады, поместилась революционная стража с зеленым оружием, названия которого Грэхэм так и не узнал. Окружающие заметили, что Грэхэм, пока шли последние приготовления, смотрел то на толпу в сумраке развалин, то на дом Белого Совета, откуда должны были появиться опекуны, то на причудливые нагромождения руин, то опять на толпу. Глухой гул внизу усилился, перейдя в оглушительный рев. Но вот из темной арки выступила на яркий свет группа белых фигурок; они приближались, переходя от одной электрической звезды к другой. Дом Белого Совета был окутан мраком. Грозный рев толпы, над которой властвовал в течение ста пятидесяти лет Белый Совет, сопровождал их шествие. Когда они подошли ближе, Грэхэм разглядел их бледные, встревоженные и утомленные лица. Он видел, как смотрели они вверх, на него и Острога. Полный контраст с холодными испытующими взглядами, какие бросали они на него в зале Атласа!.. Грэхэм узнал некоторых из них: того, который стучал по столу, разговаривая с Говардом, дородного мужчину с рыжей бородой, приземистого брюнета с тонкими чертами и удлиненной головой. Он заметил, что двое из них перешептываются, глядя на Острога. Сзади шел высокий черноволосый мужчина с мужественным красивым лицом. Внезапно он поднял голову, и взгляд его, скользнув по Грэхэму, устремился на Острога. Членам Совета пришлось продефилировать на глазах у толпы, описав широкую кривую, прежде чем они подошли к ступеням, которые вели на эстраду, где должна была произойти капитуляция.

— Правитель! Правитель! — кричал народ. — Наш бог и повелитель! К черту Белый Совет!

Грэхэм посмотрел сначала на толпу, казавшуюся сплошной кричащей черной массой, потом на Острога, стоявшего с бледным, неподвижным и невозмутимо спокойным лицом. Затем снова взглянул на членов Белого Совета. Подняв голову, он увидел звезды, такие знакомые и бесстрастные. Как необычна его судьба! Неужели та жизнь, что смутно сохранилась в его памяти, несмотря на двести лет, прошедших с тех пор, и эта жизнь — одна и та же?

14. Вид из Вороньего Гнезда

Итак, преодолев самое неожиданное препятствие, после борьбы и сомнения, человек девятнадцатого столетия стал правителем этого удивительного мира.

Поднявшись после долгого и глубокого сна, последовавшего за капитуляцией Совета, в первую минуту он не узнал окружающего. С большим усилием он припомнил все, что произошло. Сначала все казалось ему нереальным, словно он слышал обо всем этом от другого лица или прочел в книге. И еще прежде, чем память его прояснилась, Грэхэм испытал бурную радость при мысли, что он спасен и занимает такое высокое положение. Он властелин половины мира, Правитель Земли. Эту новую великую эру он вполне может назвать своей. Теперь уже он не желал, чтобы все это оказалось сном. Напротив, он старался убедить себя в реальности событий.

Услужливый слуга помог ему одеться под наблюдением важного маленького человечка, по виду японца, хотя он и говорил по-английски, как англичанин. От него Грэхэм узнал кое-какие подробности. Революция уже закончилась; возобновилась обычная деловая жизнь города. За границей падение Белого Совета повсюду встречено с восторгом. Совет нигде не был популярен, и тысячи городов Западной Америки, даже теперь, через двести лет, завидовавшие Нью-Йорку и Лондону, дружно восстали еще за два дня до получения известия о заточении Грэхэма. В Париже идет борьба. Остальной мир выжидает.

Когда Грэхэм завтракал, в углу комнаты зазвенел телефон, и японец доложил Грэхэму, что это говорит Острог. Острог очень вежливо справлялся о нем. Грэхэм тотчас же прервал свой завтрак, чтобы ответить ему.

Вскоре появился Линкольн, и Грэхэм выразил желание говорить с народом и поближе ознакомиться с той новой жизнью, которая открывается перед ним. Линкольн сообщил, что через три часа в Управлении Ветряных Двигателей назначено собрание, на котором Грэхэму будут представлены высшие государственные сановники с их женами. Прогулка по городским путям сейчас невозможна, так как

народ еще слишком возбужден. Зато можно воспользоваться Вороньим Гнездом смотрителя Ветряных Двигателей, чтобы с высоты птичьего полета осмотреть город. Сопровождать Грэхэма должен японец. Сказав по адресу японца несколько комплиментов, Линкольн просил извинить его и освободить от участия в прогулке ввиду спешной административной работы.

На высоте не менее тысячи футов, выше ветряных двигателей, над кровлей, на металлическом филигранном шпиге торчало Воронье Гнездо. Туда поднимались в небольшом лифте, скользившем по проволочному тросу. На середине хрупкого с виду стержня была устроена легкая галерея со множеством труб (такими маленькими казались они сверху), медленно вращающихся на роликах по круговому рельсу. Это был громадный объектив, связанный с теми зеркалами, в одно из которых Острог показывал ему события, ознаменовавшие начало его правления. Японец поднялся первым, и на этой галерее они проговорили чуть не целый час.

День был ясный, весенний. Веяло теплом. Небо было густого голубого цвета; внизу раскинулась необозримая панорама Лондона, залитая утренним солнцем. В воздухе — ни дыма, ни облаков, он был прозрачен, как воздух гор.

За исключением имевших неправильную овальную форму развалин вокруг дома Белого Совета и развевающегося на нем черного флага, в огромном городе незаметно было следов той революции, которая за одни сутки перевернула весь мир. Множество народа по-прежнему копошилось в развалинах. На громадных аэродромах, откуда в мирное время отправлялись аэропланы, поддерживающие связь со всеми городами Европы и Америки, чернели толпы победителей. На спешно поставленных лесах сотни рабочих исправляли порванные кабели и провода, ведущие к дому Белого Совета, куда должна была перейти из здания Управления Ветряных Двигателей резиденция Острога.

В озаренном солнцем гигантском городе больше нигде не было заметно никаких разрушений. Казалось, повсюду царил торжественный покой, и Грэхэм почти позабыл про тысячи людей, которые лежали под сводами подземного лабиринта при искусственном свете мертвые или умирающие от полученных накануне ран, забыл про импровизированные госпитали с

лихорадочно работающими врачами, сестрами милосердия и санитарями, забыл про все чудеса, потрясения и неожиданности, которые пришлось ему пережить при свете электрических солнц. Он знал, что глубоко внизу, в муравейнике улиц, революция празднует победу и повсюду торжествует черный цвет — черные знамена, черные одежды, черные полотнища.

А здесь, в ослепительно солнечных лучах, высоко над кратером борьбы, здесь все осталось по-прежнему, как будто на земле и не произошло никаких событий, и лес ветряных двигателей, разросшийся за время управления Белого Совета, мирно рокотал, неустанно исполняя свою вековую работу.

На горизонте синели холмы Сэррея, поднимался, врезаясь в небо, лес ветряных двигателей; несколько ближе, в северном направлении, рисовались острые контуры холмов Хайгета и Масвелла. Вероятно, по всей стране, на каждом холме и пригорке, где некогда за изгородью ютились посреди деревьев коттеджи, церкви, гостиницы и фермы, торчат теперь такие же ветряные двигатели, испещренные огромными рекламными объявлениями, — эти сухорукие, знаменательные символы нового мира, отбрасывающие причудливые тени и неустанно вырабатывающие ту драгоценную энергию, которая переливается в артерии города. А внизу под ними бродят бесчисленные стада и гурты Британского Пищевого треста под присмотром одиноких погонщиков.

Среди однообразных гигантских строений глаз не встречал ни одного знакомого здания. Грэхэм знал, что собор св.Павла и многие старинные постройки в Вестминстере сохранились, но они со всех сторон загорожены великанами, выросшими в эпоху грандиозного строительства. Даже Темза своей серебряной лентой не разделяла сплошную массу городских зданий. Водопроводные трубы выпивали всю ее воду раньше, чем она достигала городских стен. Ее углубленное русло стало теперь морским каналом, где мрачные судовщики глубоко под землей перевозят тяжелые грузы из Пула. На востоке в тумане между небом и землей смутно вырисовывался целый лес мачт. Перевозка всех несрочных грузов со всех концов земли производилась теперь гигантскими парусными судами. Спешные же грузы переправлялись на небольших быстроходных механических судах.

К югу по холмистой равнине простирались грандиозные акведуки, по которым морская вода доставлялась в канализационную сеть.

В трех различных направлениях тянулись светлые линии с серым пунктиром движущихся дорог. Грэхэм решил при первой же возможности осмотреть их. Но прежде всего он хочет ознакомиться с летательными машинами. Его спутник описывал ему эти дороги как две слегка изогнутые полосы, около ста ярдов в ширину, причем движение по каждой из них шло только в одну сторону; сделаны они из идемита, приготовляемого искусственным образом и, насколько он мог понять, похожего на упругое стекло. Странные узкие резиновые машины, то с одним громадным колесом, то с двумя или четырьмя колесами меньшего размера, неслись в обе стороны со скоростью от одной до шести миль в минуту. Железные дороги исчезли; кое-где сохранились насыпи, на вершине их краснели ржавые полосы, некоторые из этих насыпей были использованы для идемитовых дорог.

Грэхэм заметил целую флотилию рекламных воздушных шаров и змеев, которые образовали нечто вроде аллей по обе стороны аэродромов. Аэропланов нигде не было видно. Движение их прекратилось, и только один аэропил плавно крутился в голубом просторе над холмами Сэррея.

Грэхэм уже слышал, что провинциальные города и селения исчезли, и сперва ему трудно было этому поверить. Взамен их среди безбрежных хлебных полей стояли огромные отели, сохранившие названия городов, например: Борнемаус, Уоргэм, Сванедж... Спутник быстро доказал ему неизбежность такой перемены. В старину вся страна была покрыта бесчисленными фермерскими домиками, между которыми на расстоянии двух-трех километров вкрапливались поместье, трактир, лавка, церковь, деревня. Через каждые восемь миль располагался провинциальный городок, где жили адвокат, торговец хлебом, скупщик шерсти, шорник, ветеринар, доктор, обойщик, мельник и т.д. Расстояние в восемь миль удобно для фермера, чтобы съездить на ярмарку и вернуться в тот же день. Потом появились железные дороги с товарными и пассажирскими поездами и разнообразные автомобили большой скорости, которые заменили телегу с лошадьёю; когда же дороги начали строить из дерева, каучука, идемита и другого эластичного и прочного материала, исчезла

необходимость в столь большом количестве городов. Большие же города продолжали расти, привлекая к себе рабочих, непрестанно ищущих работы, и предпринимателей, вечно жаждущих наживы.

По мере того как возрастали требования и усложнялась жизнь, жить в деревне становилось все более и более тяжело и неудобно. Исчезновение священника, сквайра и сельского врача, которого заменил городской специалист, лишило деревню последних признаков культурности. Когда телефоны, кинематографы и фонографы заменили газеты, книги, учителей, даже письма, жить вне предела электрических кабелей значило жить, как дикари. В провинции нельзя было (согласно утонченным требованиям времени) ни одеться прилично, ни питаться как следует; мало того, там не было ни врачебной помощи, ни общества и нельзя было найти заработок.

Механические приспособления привели к тому, что в земледелии один инженер заменил тридцать рабочих. Таким образом, в противоположность тем временам, когда деловой люд Лондона, окончив свой трудовой день, спешил оставить пропитанный дымом и копотью город, рабочие теперь только к ночи спешили — и по земле и по воздуху — в город, чтобы отдохнуть и развлечься, а утром снова выехать на работу. Город поглотил человечество; человек вступил в новую эру своего развития. Сначала он был кочевником, охотником, затем земледельцем, для которого большие и маленькие города и порты являлись не чем иным, как обширными рынками для сбыта сельских продуктов. Теперь же логическим следствием эпохи изобретений явилось скопление человеческих масс в городах. Кроме Лондона, в Англии осталось всего четыре больших города: Эдинбург, Портсмут, Манчестер и Шрусбери. Этих фактов было достаточно, чтобы Грэхэм мог представить себе картину новой жизни в Англии, но, как ни напрягал он фантазию, ему трудно было вообразить, что делается «по ту сторону» пролива.

Он видел огромные города на равнинах, по берегам рек, на берегу моря или в глубоких долинах, со всех сторон окруженных снеговыми горами. Почти три четверти человечества говорит на английском языке или на его наречиях: испано-американском, индийском, негритянском и «пиджине»^[3]. На континенте, если не считать некоторых малораспространенных рудиментарных языков, существуют только три языка: немецкий, распространенный до

Салоник и Генуи и вытесняющий смешанное испано-английское наречие в Кадиксе, офранцуженный русский, смешивающийся с индо-английским в Персии и Курдистане и «пиджином» в Пекине, и французский, по-прежнему блестящий, изящный и точный, сохранившийся наряду с англо-индийским и немецким на берегах Средиземного моря и проникший в африканские диалекты вплоть до Конго.

По всей земле, покрытой городами-великанами, кроме территории «черного пояса» тропиков, введено почти одинаковое космополитическое общественное устройство, и повсюду, от полюсов до экватора, раскинулись владения Грэхэма. Весь мир цивилизован, люди живут в городах, и весь мир принадлежит ему, Грэхэму. В Британской империи и Америке его власть почти неограниченна; на конгресс и парламент все смотрят как на смешной пережиток старины. Влияние его весьма значительно даже в двух других огромных государствах — России и Германии.

В связи с этим вставали важные проблемы, открывались богатые возможности, но, как ни велико было его могущество, эти две отдаленные страны еще не были всецело в его власти. О том, что творится в «черном поясе» и какое вообще могут иметь значение те земли, Грэхэм даже не задумывался. Как человек девятнадцатого столетия, он не представлял себе, что в этих областях земного шара может гнеститься опасность для всей новейшей цивилизации.

Внезапно из глубин подсознания всплыло воспоминание о давно минувшей угрозе.

— Как обстоит дело с желтой опасностью? — спросил он Асано и получил обстоятельный ответ. Призрак китайской опасности рассеялся. Китайцы уже давно дружат с европейцами. В двадцатом веке было научно установлено, что средний китаец не менее культурен и что его моральный и умственный уровень выше, чем у среднего европейского простолюдина. В результате этого повторилось в более широком масштабе явление, имевшее место в семнадцатом веке, когда шотландцы и англичане слились в единую семью.

— Они стали обдумывать этот вопрос, — пояснил Асано, — и пришли к выводу, что в конце концов мы ничем не отличаемся от белых людей.

Но вот Грэхэм снова взглянул на развернувшуюся перед ним панораму, и мысли его приняли другое направление.

На юго-западе в мглистой дымке сверкали причудливым блеском Города Наслаждений, о которых он узнал из кинематографа-фонографа и от старика на улице. Странные места, вроде легендарного Сибариса, города продажного искусства и красоты, удивительные города, где царит праздность, где не прекращаются танцы, не смолкает музыка, куда удаляются все, кому благоприятствует судьба в той жестокой бесславной экономической борьбе, что свирепствует там, внизу, в залитом электрическим светом лабиринте построек.

Он знал, что борьба эта беспощадна. Это видно из того, что английская жизнь девятнадцатого столетия кажется теперь идиллической, почти идеальной. Смотря вниз, Грэхэм старался представить себе сложную промышленность Лондона новых дней.

Он знал, что к северу расположены керамические фабрики, изготавливающие не только фаянсовые, глиняные и фарфоровые изделия, но и те разнообразные материалы, которые открыла минералогическая химия, а также статуэтки, стенные украшения и самую разнообразную мебель; там же находятся фабрики, где охваченные лихорадкой соревнования авторы сочиняют речи и объявления для фонографа, обдумывают сценические конфликты и создают фабулы злободневных кинематографических драм. Отсюда растекаются по всему свету возвания, лживая информация, здесь изготавливаются валы телефонных машин, заменяющих прежние газеты.

К западу, за разрушенным домом Белого Совета, находились грандиозные здания городского контроля и правительственные учреждения; к востоку, в сторону порта, — торговые кварталы, колоссальные общественные рынки, театры, дома для собраний, ночлежные дома, тысячи зал для игры в бильярд, в футбол и бейсбол, зверинцы, цирки и бесчисленные храмы, как христианские, так и сектантские, магометанские, буддистские, храмы гностиков, спиритов, почитателей инкуба, вещепоклонников и т.д. К югу — огромные ткацкие фабрики и заводы, изготавливающие вина, маринады и консервы.

По механическим путям проносятся бесчисленные массы людей. Гигантский человеческий улей, на который работает без устали ветер и символом, гербом которого является ветряной двигатель.

Грэхэм думал о бесчисленном населении, которое, как вода губками, впитано залами и галереями, о тех тридцати трех миллионах жизней, из которых каждая разыгрывает свою маленькую драму там, внизу, и чувство самодовольства, порожденное ясным днем, ширью и красотой открывшегося вида, мало-помалу испарялось и исчезало. Глядя на город с высоты, он впервые ясно представил себе чудовищную цифру в тридцать три миллиона и понял, какую ответственность берет он на себя, принимая власть над этим человеческим Мальстремом.

Он попытался представить себе жизнь отдельного индивида. Его удивляло, как мало изменился средний человек, несмотря на такие разительные перемены. Благодаря прогрессу науки и общественному устройству, жизнь и имущество почти по всей земле были ограждены от всяких случайностей; эпидемические заразные болезни исчезли; каждый имел достаточно пищи и одежды, находился в тепле и был защищен от непогоды. Толпа, как он уже успел убедиться, осталась все той же беспомощной толпой, состоящей из трусливых и жадных особей, но становящейся неодолимой силой в руках демагога и организатора. Он вспомнил бесчисленные фигурки в синем холсте. Он знал, что миллионы мужчин и женщин ни разу не покидали города и не выходили из узкого круга своих повседневных дел и низменных удовольствий. Он думал о надеждах своих исчезнувших с лица земли современников, об утопическом Лондоне Морриса, изображенном в его романе «Вести ниоткуда», о блаженной стране Гудсона, расцветающей на страницах его «Кристалльного века». Все это кануло в небытие. Он думал и о собственных надеждах.

В течение последних лихорадочных дней своей жизни, которая теперь осталась далеко позади, он твердо верил, что человечество добьется свободы и равенства. Вместе со своим веком он надеялся, что придет время, когда перестанут приносить в жертву массы людей ради немногих, когда каждый рожденный женщиной будет иметь свою неотъемлемую долю во всеобщем счастье. И теперь, через двести лет, та же неисполнившаяся надежда волнует огромный город. Вместе с

ростом городов возросли бедность, безысходный труд и прочие бедствия его времени.

Он бегло ознакомился с историей истекших веков. Узнал об упадке нравственности, последовавшем за утерей народными массами веры в сверхъестественное, об утрате чувства чести, о растущей власти капитала. Потеряв веру в бога, люди продолжали верить в собственность, и капитал правил миром.

— Его спутник, японец Асано, излагая историю последних двух столетий, привел удачный образ семени, разъедаемого паразитами. Сначала семя было здоровое и быстро прорастало. Затем появились насекомые и положили яички под кожицу. И что же? Вскоре от семени осталась оболочка, внутри которой копошилась куча новых паразитов. Затем туда же отложили свои яички другие паразиты, вроде наездников. И вот первые паразиты обратились в пустые скорлупки, в которых копошились новые живые существа, внешняя же оболочка семени по-прежнему сохранила свою форму, и большинство людей думало, что это — жизнеспособное, полное соков семя.

— Ваше время, — сказал Асано, — можно уподобить такому семени с выеденной сердцевиной.

Владельцы земли — бароны и дворянство — появились во времена короля Иоанна; последовал промежуток — остановка в процессе, затем они обезглавили короля Карла и кончили Георгом, который был не более как скорлупкой былой королевской власти. Подлинная власть сосредоточилась в руках парламента. Но парламент, орган дворян-землевладельцев, недолго сохранял власть. Центр тяжести стал перемещаться, и непросвещенные безымянные городские массы уже в девятнадцатом столетии тоже получили право голоса. В результате возникла предвыборная борьба, и громадное влияние приобрели партии. Уже во времена Виктории власть в значительной степени перешла в руки тайной организации заводчиков и фабрикантов, подкупавших избирателей. Вскоре власть захватил банковский капитал, финансирующий машиностроительную промышленность.

Наступило время, когда страной правили две небольшие партии богатых, влиятельных людей, захвативших газеты и всю избирательную машину; сначала они боролись друг с другом, а потом объединились.

Оппозиция действовала нерешительно и робко. Было написано множество книг; некоторые из них изданы были еще в то время, когда Грэхэм впал в летаргический сон; реакция породила богатую литературу.

Но представители оппозиции, казалось, погрузились в изучение этой литературы и действовали решительно и отважно только на бумаге.

Основным выводом из всех социальных теорий начала двадцатого столетия как в Америке, так и в Англии был призыв к устранению и аресту узурпаторов власти. В Америке этот процесс начался несколько раньше, чем в Англии, хотя обе страны проделали один и тот же путь.

Но революция не наступала. Ее никак не удавалось организовать. Старомодная сентиментальность, вера в справедливость уже не имели власти над людьми. Всякая организация, влиятельная на выборах, скоро распадалась из-за внутренних раздоров или подкупалась кучкой ловких и богатых дельцов. Социалистические и народные, реакционные и пуританские партии — все в конце концов сделались чем-то вроде биржи, где торговали убеждениями. Понятно, что капиталисты поддерживали неприкосновенность собственности и свободу торговли так же, как в средние века феодализм отстаивал свободу войны и грабежа. Весь мир стал сплошной ареною, полем сражения дельцов; финансовые крахи, инфляции, тарифные войны причиняли человечеству в течение двадцатого века больше вреда, чем война, мор и голод в самые мрачные годы древних времен, ибо быстрая смерть легче ужасной жизни.

Его собственная роль в историческом развитии была для него ясна. В результате развития механической цивилизации возникла новая сила, руководившая этим развитием, — Совет Опекунов. Поначалу, когда слились капиталы Уорминга и Избистера, это была лишь частная коммерческая компания, порожденная прихотью двух бездетных капиталистов, но вскоре, благодаря коллективному таланту первоначального своего состава. Совет приобрел громадное влияние и мало-помалу, прикрываясь различными фирмами и компаниями, с помощью купчих, ссуд и акций проник в государственные организмы Америки и Англии.

Пользуясь колоссальным влиянием. Совет очень быстро принял вид политической организации. Капитал он использовал для своих политических целей, а политическую власть — для увеличения капитала. В конце концов все политические партии обоих полушарий оказались в его руках; он стал тайным руководящим центром. Последнюю борьбу ему пришлось выдержать с крупными еврейскими банкирскими домами. Но их родственные связи были слабы; порядок наследования всегда мог оторвать от них часть капитала, легкомысленная женщина или безумец, браки и завещания отторгали от их богатств сотни тысяч. С Советом не могло быть ничего подобного: он рос упорно и непрерывно.

Первоначальный Совет состоял из двенадцати не только способных, но почти гениальных дельцов. Он смело захватил в свои руки не только богатства, но и политическую власть; с удивительной предусмотрительностью тратил он громадные суммы на опыты по воздухоплаванию, скрывая результаты их до известного срока. Помимо законов о патентах, он пользовался разными полулегальными способами, чтобы поработить непокорных изобретателей. Он не упускал случая использовать способного человека. Он не жалел денег. Его политика была энергична, дальновидна. Совет встречал лишь случайный, неорганизованный отпор отдельных капиталистов, действовавших вразброд.

Через сто лет Грэхэм оказался почти неограниченным властелином Африки, Южной Америки, Франции, Англии и всех ее территорий в Северной Америке, а затем и Америки в целом. Совет закупил и организовал по-своему Китай, захватил Азию, задушил империи старого мира: сначала подорвал их финансы, а затем забрал в свои руки.

Этот захват всего мира проводился так ловко, что, прежде чем большинство людей заметило надвигающуюся на них тиранию, она была уже совершившимся фактом. Белый Совет, как Протей, искусно маскировал свои операции под видом разных банков, компаний, синдикатов. Совет никогда не колебался и не терял времени даром. Пути сообщения, земли, постройки, правительства, муниципалитеты, территориальные компании тропиков — все предприятия одно за другим прибирались к рукам. Совет обучал и дисциплинировал своих служащих, образовал свою собственную полицию, охрану на

железных и шоссейных дорогах, предприятиях, при прокладке кабелей и каналов и при всяких работах в сельской местности. С рабочими союзами Совет не боролся, но разлагал их подкупами. В конце концов он купил весь мир. Последний же, решающий удар был нанесен развитием авиации.

Однажды Белый Совет во время конфликта с рабочими в одной из своих гигантских монополий прибег к незаконным способам борьбы и, отвергнув лицемерную комедию подкупов, бросив вызов старику Закону, возбудил против себя большое недовольство, чуть не восстание. Но не было ни армий, ни военных флотов — на земле давно царил мир. Единственный флот состоял из огромных паровых судов Союза Морской Торговли. Силы полиции — железнодорожной, морской, сельской, городской — превосходили в десять раз армию прежних времен и силы муниципалитетов. В этот момент Совет ввел в действие летательные машины. Еще есть в живых люди, которые помнят яростные дебаты в лондонской палате общин, где партия противников Белого Совета, хотя она и была в меньшинстве, дала ему последний бой, и в конце концов все члены палаты выходили на террасу, чтобы взглянуть на необыкновенных крылатых чудовищ, плавно реявших у них над головой. Белый Совет победил. Исчезли последние остатки демократического строя, и воцарился всемогущий капитал.

По прошествии ста пятидесяти лет от начала летаргического сна Грэхэма Белый Совет сбросил маску и стал управлять миром от своего имени. Выборы сделались простой формальностью, торжественной комедией, разыгрывавшейся раз в семь лет, простым пережитком древности. Собиравшийся время от времени парламент представлял собою такое же утратившее всякое значение собрание, каким был церковный собор во времена Виктории, а лишенный трона, слабоумный, спившийся король Англии кривлялся на сцене второразрядного мюзик-холла.

Так рассеялись пышные сны девятнадцатого столетия, возвышенные мечты о всеобщей свободе и о всеобщем счастье, и над утратившим чувство чести, вырождающимся, морально искалеченным человечеством, преклоняющимся перед золотым тельцом, отравленным привитой с детства бессмысленной религиозной враждой, при содействии подкупленных изобретателей и

беспринципных дельцов, воцарилась тирания — сперва тирания воинствующей плутократии, а потом одного верховного плутократа. Совет уже не заботился о том, чтобы его декреты санкционировались конституционной властью, и вот Грэхэм — неподвижное, осунувшееся, обтянутое желтой кожей, безжизненное тело — стал единственным всеми признанным Правителем Земли. И теперь он проснулся, чтобы получить наследство, чтобы встать здесь, под пустым безоблачным небом, и взглянуть вниз на свои беспредельные владения.

Для чего же он проснулся? Разве этот город, этот улей, где день и ночь трудились миллионы рабочих, не опровергает его былые мечты? Или огонь свободы, тот огонь, что теплился в далекие времена, все еще тлеет там, внизу? Он вспомнил пламенные, вдохновенные слова революционной песни. Неужели эта песня не более как выдумка демагога, которую забудут, когда минет в ней надобность? Неужели мечта, которая и теперь еще живет в нем, — только воспоминание о прошлом, остаток исчезнувшей веры? Или мечте суждено осуществиться и человечеству суждена лучшая будущность? Для чего же он пробудился? Что должен он делать?

Человечество внизу раскинулось перед ним, как на карте. Он подумал о миллионах человеческих существ, которые возникают из тьмы небытия и исчезают во тьме смерти. Какова же цель жизни? Цель должна быть, но она выше его понимания.

Впервые в жизни он почувствовал себя таким маленьким и бессильным, ощутил во всей полноте трагическое противоречие между извечными стремлениями нашего духа и слабостью человеческой. В эти краткие мгновения он осознал все свое ничтожество и по контрасту — всю глубину и силу своих устремлений. И внезапно ему стало прямо невыносимо это сознание собственного ничтожества, полной своей неспособности осуществить маячившую перед ним великую цель, и ему страстно захотелось молиться. И он начал молиться. Он молился сумбурно, бессвязно, то и дело противореча самому себе; душа его, стряхнув оковы времени и пространства, отрешившись от бурной, кипучей земной суеты, устремлялась ввысь, к какому-то неведомому существу, которому он не находил даже имени, но знал, что оно одно может понять и принять и его самого и его заветные чаяния.

Внизу, на городской кровле, стояли мужчина и женщина, наслаждаясь свежестью утреннего воздуха. Мужчина вынул подзорную трубу и, наведя ее на дом Белого Совета, показывал своей спутнице, как пользоваться ею. Наконец любопытство их было удовлетворено; ни малейших следов кровопролития не могли они заметить со своего места. Поглядев в пустынное небо, женщина навела трубу на Воронье Гнездо и увидела две черные фигурки, такие крошечные, что с трудом можно было поверить, что это люди. Один стоял неподвижно, другой жестикулировал, простирая руки к безмолвным пустынным небесам.

Женщина передала трубу мужчине, который, взглянув, воскликнул:

— Неужели это он? Да. Я не ошибся. Это действительно он, наш властелин! — Опустив трубу, он взглянул на женщину. — Он простирает руки к небу, как будто молится. Странно. Ведь в его время уже не было огнепоклонников. Не правда ли? — Он снова посмотрел в трубу. — Теперь он стоит спокойно. Вероятно, он случайно принял такую позу... — Мужчина опустил трубу и задумался. — Что ему делать, как не наслаждаться жизнью? Острог будет править. Он приберет к рукам этих глупцов-рабочих с их песнями. Подумать только! Сделаться обладателем всего на свете благодаря сну! Как это удивительно!

15. Избранное общество

Апартаменты начальника ветряных двигателей и архитектура их показались бы Грэхэму очень сложными и запутанными, если бы он вошел туда под свежим воспоминанием жизни девятнадцатого столетия, но теперь он уже успел освоиться со стилем нового времени. Это был своего рода лабиринт арок, мостов, проходов и галерей, то разъединяющихся, то соединяющихся в одном большом зале.

Через уже ставшую привычной скользкую дверь в стене Грэхэм вышел на площадку, откуда вела вниз широкая роскошная лестница, по которой спускались и поднимались разряженные мужчины и женщины.

Отсюда хорошо были видны матово-белые, розовато-лиловые и пурпурные архитектурные украшения, сложный узор переходов, соединенных мостами, которые, казалось, были сделаны из фарфора и серебра филигранной работы; в глубине зала стояли туманные, полупрозрачные таинственные экраны.

Взглянув наверх, он увидел громоздившиеся ярусами галереи, откуда на него смотрел народ. Воздух дрожал от гула бесчисленных голосов, звуков веселой, бравурной музыки, раздававшейся откуда-то сверху, откуда — он никак не мог понять.

Хотя центральный зал был переполнен, места хватало всем; собралось несколько десятков тысяч. Все были одеты роскошно, даже причудливо, не только женщины, но и мужчины. Пуританская простота и строгость мужского костюма уже давно отошли в область преданий. Волосы у большинства мужчин были короткие и тщательно завитые, лысых совсем не было. Такие прически привели бы в восхищение Россетти, а один из кавалеров, приставленный к Грэхэму под таинственным титулом «амориста», носил женскую прическу, пышные косы в стиле Маргариты. У многих были косички, как у китайцев, быть китайцем уже не считалось зазорным. Одежды были самые разнообразные. Статные мужчины щеголяли в коротких, до колен, панталонах. Встречались буфы, колеты с разрезами, короткие плащи, длинные мантии.

Преобладал стиль времен Льва X, а также костюмы в восточном вкусе. Чопорность мужской одежды, плотно облегающей фигуру, и на все пуговицы застегнутые вечерние костюмы сменились изящной грациозностью свободно лежащих складок. Грэхэму, чопорному человеку чопорного времени, все эти мужчины казались не только утонченными, но и чересчур экспансивными. Они бурно жестикулировали и непринужденно выражали удивление, интерес, восхищение, отнюдь не скрывая тех чувств, какие возбуждали в них дамы.

С первого взгляда было видно, что женщины преобладали. Они отличались от мужчин одеждой, походкой и манерами, менее выразительными, но зато более вычурными. Некоторые носили классические одеяния со складками стиля ампир, их обнаженные плечи и руки сверкали белизной. Были и плотно облегающие фигуру платья, без швов и пояса, а также длинные одеяния, ниспадавшие пышными складками. Минуло уже два столетия, но мода на вечерние откровенные туалеты, очевидно, не прошла. Движения и жесты поражали своей пластичностью.

Грэхэм заметил Линкольну, что все эти люди напоминают ему персонажи на рисунках Рафаэля. Линкольн ответил, что в богатых семьях при воспитании детей на изящество жестов обращают большое внимание.

Появление Грэхэма было встречено сдержанными рукоплесканиями. Впрочем, он быстро убедился в благовоспитанности этой публики: вокруг него никто не теснился, его не засыпали вопросами. Грэхэм спокойно спустился по лестнице в зал. Он уже знал от Линкольна, что здесь собралось высшее общество Лондона. Почти все были важными государственными людьми или их близкими. Многие приехали из европейских Городов Наслаждения с единственной целью приветствовать его. Здесь были командиры воздушных флотилий, чей переход на сторону Грэхэма способствовал падению Совета, инженеры Управления Ветряных Двигателей и высшие чины Пищевого Треста. Контролер Европейских Свиноарников отличался меланхолической внешностью и утонченно циническими манерами. Мимо прошел в полном облачении епископ, беседа с джентльменом, одетым в традиционный костюм Чосера, с лавровым венком на голове.

— Кто это? — спросил Грэхэм.

— Лондонский епископ, — ответил Линкольн.

— Нет, тот, другой...

— Поэт-лауреат.

— Неужели до сих пор...

— О нет, он не пишет стихов. Это кузен Уоттона, одного из советников. Но он придерживается традиций роялистов Красной Розы — это один из лучших клубов.

— Асано говорил мне, что здесь есть король.

— Не король, он уж давно изгнан. Вероятно, он говорил о ком-нибудь из Стюартов, но их...

— Разве их много?

— Даже чересчур.

Грэхэм не совсем понял, но не стал спрашивать, видимо, все это было в порядке вещей. Он любезно раскланялся с человеком, которого ему представили. Очевидно, даже в этом собрании существует своя иерархия и лишь некоторые, наиболее важные персоны будут представлены ему Линкольном. Первым подошел начальник аэрофлота, обветренное, загорелое лицо которого резко выделялось среди изысканной публики. Отпадение от партии Белого Совета сделало его весьма важною особою.

Простотой своего обращения он выгодно отличался от большинства присутствующих. Он заявил о своей лояльности, сделал несколько общих замечаний и участливо справился о состоянии здоровья Правителя Земли. Он держал себя непринужденно и говорил не так отрывисто, как остальные. Он назвал себя «воздушным бульдогом», и выражение это не казалось бессмыслицей, это был мужественный человек старого закала, не претендующий на большие познания и сведущий только в своем деле. Откланявшись без малейшего подобострастия, он удалился.

— Я рад видеть, что такие люди еще не перевелись, — сказал Грэхэм.

— Фонографы и кинематографы, — слегка презрительно заметил Линкольн. — А этот прошел суровую школу жизни.

Грэхэм посмотрел вслед аэронавту. Эта мужественная фигура напомнила ему прежние времена.

— Как бы там ни было, мы подкупили его, — сказал Линкольн. — Отчасти подкупили, отчасти же он боялся Острога. С его переходом дело быстро пришло к концу.

Он повернулся, чтобы представить Грэхэму главного инспектора Школьного Треста. Это был высокий изящный человек в голубовато-сером костюме академического покроя. Он поглядывал на Грэхэма сквозь старомодные пенсне и сопровождал каждое свое замечание жестом холеной руки. Грэхэм справился о его обязанностях и задал несколько самых элементарных вопросов. Главного инспектора, по-видимому, забавляла полная неосведомленность Правителя Земли. Он вкратце рассказал о монополии треста в деле воспитания; монополия эта возникла вследствие контракта, заключенного трестом с многочисленными муниципалитетами Лондона; он с энтузиазмом говорил об огромном прогрессе в области воспитания за последние двести лет.

— У нас нет заучивания и зубрежки, — сказал он, — никакой зубрежки. Экзамены окончательно упразднены. Вы довольны, не правда ли?

— Как же вы добились этого? — спросил Грэхэм.

— Мы делаем учение увлекательным, насколько это возможно. А если что-нибудь не нравится ученикам, то мы пропускаем это. У нас ведь обширное поле для изучения.

Он перешел к деталям, и разговор затянулся. Инспектор с большим почтением упомянул имена Песталоцци и Фребеля, хотя, по-видимому, не был знаком с их замечательным учением.

Грэхэм узнал, что лекционный метод преподавания еще существует, но в несколько измененной форме.

— Есть, например, особый тип девиц, — пояснил словоохотливый инспектор, — которые желают учиться, не слишком себя утруждая. Таких у нас тысячи. В настоящий момент, — произнес он с наполеоновским жестом, — около пятисот фонографов в различных частях Лондона читают лекции о влиянии Платона и Свифта на любовные увлечения Шелли, Хэзлитта и Бориса. Потом они на основании этой лекции напишут сочинение, и имена наиболее достойных станут широко известны. Вы видите, как далеко мы шагнули. Безграмотные массы ваших дней отошли в область преданий.

— А общественные начальные школы? — спросил Грэхэм. — Вы ими заведуете?

— Конечно, — ответил главный инспектор.

Грэхэм, давно занимавшийся, как демократ, этим вопросом, заинтересовался и начал расспрашивать. Он вспомнил несколько случайных фраз болтливого старика, с которым столкнулся на темной улице. Главный инспектор подтвердил слова старика.

— У нас нет заучивания, — повторил он, и Грэхэм понял эту фразу в том смысле, что теперь нет напряженного умственного труда. Инспектор вдруг ударился в сентиментальность.

— Мы стараемся сделать начальную школу интересной для маленьких детей. Ведь их в недалеком будущем ждет работа. Несколько простых правил: послушание, трудолюбие.

— Значит, вы учите их немногому?

— Разумеется. Излишнее учение ведет к недовольству и смуте. Мы забавляем их. Вот теперь повсюду волнение, агитация. Откуда только наши рабочие нахватались всех этих идей; друг от друга, вероятно. Повсюду социалистические бредни, анархия! Агитаторам предоставлено широкое поле деятельности. Я глубоко убежден, что главная моя обязанность — это бороться с недовольством народа. Зачем народу чувствовать себя несчастным?

— Удивляюсь, — проговорил Грэхэм задумчиво. — Много мне еще непонятно.

Линкольн, который в течение разговора внимательно следил за выражением лица Грэхэма, поспешил вмешаться.

— Другие ждут, — сказал он вполголоса.

Главный инспектор церемонно откланялся.

— Быть может, — заметил Линкольн, уловив случайный взгляд Грэхэма, — вы хотели бы познакомиться с дамами?

Дочь управляющего свинарниками Европейского Пищевого Треста оказалась очаровательной маленькой особой с рыжими волосами и блестящими синими глазами. Линкольн отошел в сторону. Девушка сразу же заявила, что она поклонница «доброе старое времени» — так назвала она то время, когда он впал в летаргию. Она улыбалась, кокетливо прищутив глаза.

— Я не раз пыталась, — болтала она, — представить себе это старое романтическое время, которое вы помните. Каким странным и

шумным должен был показаться вам наш мир! Я видела фотографии и картины того времени — маленькие домики из кирпичей, сделанных из обожженной глины, черные от копоти ваших очагов, железнодорожные мосты, простые наивные объявления, важные, суровые пуритане в странных черных сюртуках и громадных шляпах, поезда, железные мосты, лошади, рогатый скот, одичавшие собаки, бегущие по улицам... И вдруг чудом вы перенеслись в наш мир.

— Да, — машинально повторил Грэхэм.

— Вы вырваны из прежней жизни, дорогой и близкой вам.

— Старая жизнь не была счастливой, — ответил Грэхэм. — Я не жалею о ней.

Она быстро посмотрела на него и сочувственно вздохнула.

— Нет?

— Нет, не жалею, — продолжал Грэхэм. — Это была ничтожная, мелкая жизнь. Теперь же... Мы считали наш мир весьма сложным и цивилизованным. Но хотя я успел прожить в этом новом мире всего четыре дня, вспоминая прошлое, я ясно вижу, что это была эпоха варварства, лишь начало современного мира. Да, только начало. Вы не поверите, как мало я знаю.

— Что ж, расспросите меня, если угодно, — улыбнулась девушка.

— В таком случае скажите мне, кто эти люди. Я до сих пор никого не знаю. Никак не могу понять. Что это, генералы?

— В шляпах с перьями?

— Ах, нет. Вероятно, это важные должностные лица. Кто, например, вот этот внушительного вида человек?

— Этот? Очень важная особа. Морден, главный директор Компании Противожелчных Пиллюль. Говорят, его рабочие производят в сутки мириад мириадов пиллюль. Подумайте только — мириад мириадов!

— Мириад мириадов. Не мудрено, что он так гордо на всех посматривает, — сказал Грэхэм. — Пиллюли! Какое странное время! Ну, а этот, в пурпурной одежде?

— Он не принадлежит, собственно говоря, к нашему кругу. Но мы любим его. Он очень умен и забавен. Это один из старшин медицинского факультета Лондонского университета. Вы, конечно, знаете, что все медики — члены Компании Медицинского Факультета

и носят пурпур. Для этого нужны знания. Но, конечно, раз им платят за их труд... — И она снисходительно улыбнулась.

— Есть здесь кто-нибудь из ваших известных артистов и авторов?

— Ни одного автора. По большей части это сварливые, самовлюбленные чудаки. Они вечно ссорятся. Даже из-за мест за столом. Они прямо невыносимы! Но Райсбюри, наш модный капиллотомист, я думаю, здесь. Он с Капри.

— Капиллотомист? — повторил Грэхэм. — Ах, да, припоминаю. Артист! Ну, и что же?

— Нам поневоле приходится за ним ухаживать, — сказала она, как бы извиняясь. — Ведь наши головы в его руках. — Она улыбнулась.

Грэхэм с трудом удержался от комплимента, на который она явно напрашивалась, но взгляд его был достаточно красноречив.

— Как у вас обстоит дело с искусством? — спросил он. — Назовите мне ваших знаменитых живописцев!

Девушка посмотрела на него недоумевающе. Потом рассмеялась.

— Разрешите мне подумать, — сказала она и замялась. — Вы, конечно, имеете в виду тех чудаков, которых все ценили за то, что они мазали масляными красками по холсту? Их полотна ваши современники вставляли в золотые рамы и целыми рядами вешали на стенах в своих квадратных комнатках. У нас теперь их нет и в помине. Людям надоела вся эта дребедень.

— Но что же вы подумали?..

В ответ она многозначительно приложила палец к вспыхнувшей неподдельным румянцем щеке и, улыбаясь, с лукавым кокетством, вызывающе посмотрела на него.

— И здесь, — прибавила она, указывая на свои ресницы.

Несколько мгновений Грэхэм недоумевал. Но вдруг в памяти его воскресла старинная картина «Дядя Том и вдова». И он смутился. Он чувствовал, что тысячи глаз с любопытством устремлены на него.

— Хорошо, — ответил Грэхэм невпопад и отвернулся от очаровательной оболстительницы. Он опяделся по сторонам. Да, за ним наблюдали, хотя я делал вид, что не смотрят на него. Неужели он покраснел?

— Кто это разговаривает с дамою в платье шафранного цвета? — спросил он, стараясь не смотреть в глаза девушке.

Человек, заинтересовавший Грэхэма, оказался директором одного из американских театров и только что вернулся из Мексики. Лицо его напомнило Грэхэму Калигулу, бюст которого он когда-то видел.

Другой мужчина, привлечший внимание Грэхэма, оказался начальником Черного Труда. Значение этой должности не сразу дошло до сознания Грэхэма, но через миг он повторил с удивлением:

— Начальник Черного Труда?..

Девушка, ничуть не смущаясь, указала ему на хорошенькую миниатюрную женщину, назвав ее добавочной женой лондонского епископа.

Она даже похвалила смелость епископа, ибо до сих пор духовенство обычно придерживалось моногамии.

— Это противоестественно. Почему священник должен сдерживать свои естественные желания, ведь он такой же человек, как и все?

— Между прочим, — спросила вдруг она, — вы принадлежите к англиканской церкви?

Грэхэм хотел было спросить, что означает название «добавочная жена», — по-видимому, это было ходячее словечко, — но Линкольн прервал этот интересный разговор. Они пересекли зал и подошли к человеку высокого роста в малиновом одеянии, который стоял с двумя очаровательными особами в бирманских (как показалось Грэхэму) костюмах. Обменявшись приветствиями, Грэхэм направился дальше.

Пестрый хаос первых впечатлений начал принимать более четкую форму. Сперва вид этого блестящего собрания пробудил в нем демократа, и он начал ко всему относиться враждебно и насмешливо. Но так уж устроен человек — он не в силах долго противостоять окружающей его атмосфере лести.

Скоро его захватили музыка, яркий свет, игра красок, блеск обнаженных рук и плеч, рукопожатия, множество оживленных и улыбающихся лиц, гул голосов, наигранно приветливые интонации, атмосфера лести, внимания и почтения. На время он забыл о своих размышлениях там, на вышке.

Неприметно власть начала опьянять его; манеры его стали непринужденнее, жесты величественнее, поступь увереннее, голос громче и тверже; черная мантия драпировалась эффектными складками.

Все же новый мир так очарователен!

Он скользил восхищенным взглядом по пестрой толпе, с добродушной иронией вглядываясь в отдельные лица. Внезапно ему пришло в голову, что он должен извиниться перед этим маленьким очаровательным созданием с рыжими волосами и голубыми глазами. Он обошелся с ней грубо. Недостойно царственной особы так резко обрывать эту милую кокетку, даже если он из политических соображений должен ее отвергнуть. Он хотел еще раз-увидеть ее, но вдруг оглянулся, и блестящее собрание померкло в его глазах.

На фарфоровом мостике промелькнуло лицо той молодой девушки, которую он видел прошлой ночью в небольшой комнате да сценой театра, после своего побега из здания Белого Совета. Она глядела на него, точно чего-то ожидая, внимательно следя за всеми его движениями. В первый момент Грэхэм даже не мог припомнить, где он ее видел, затем, вспомнив, снова пережил их волнующую встречу. Но бальная музыка еще заглушала величественные звуки революционной песни.

Дама, с которой он в это время разговаривал, принуждена была повторить свое замечание, прежде чем Грэхэм пришел в себя и вернулся к прерванному снисходительному флирту.

Им овладела какая-то тревога, перешедшая в ощущение недовольства, точно он забыл выполнить что-то важное, ускользнувшее от него среди блеска и света. Его уже перестала привлекать красота окружающих женщин. Он оставлял без ответа изящные заигрывания дам, все эти завуалированные объяснения в любви, и взгляд его блуждал по толпе, напрасно стараясь отыскать прекрасное лицо, так его поразившее.

Линкольн вскоре вернулся и сказал, что, если погода будет хорошая, они совершат полет; он уже сделал все нужные распоряжения.

На одной из верхних галерей Грэхэм заговорил с некоей светлоглазой дамой об идемите. Эту тему затронул он сам, прервав деловым вопросом ее уверения в горячей преданности. Однако она, как и многие другие женщины новейших времен, оказалась менее осведомленной в этом вопросе, чем в искусстве обольщения.

Вдруг сквозь плавные звуки бальной музыки ему почудилась мощная уличная революционная песня, которую он слышал в зале

театра.

Подняв голову, он увидел отверстие вроде иллюминатора, через которое, очевидно, проникали звуки. В отверстии виднелся клочок синего неба, сплетения кабелей и огни движущихся улиц. Пение внезапно оборвалось и перешло в гул голосов. Теперь он ясно различал грохот и лязг движущихся платформ и шум толпы. Ему смутно подумалось, что там, за стенами, собралась громадная толпа перед зданием, где забавляется Правитель Земли. Что они подумают?

Пение прекратилось, зазвучала бальная музыка, но мотив революционного гимна все еще раздавался в ушах Грэхэма.

Светлоглазая собеседница что-то сбивчиво объясняла об идемите. Вдруг перед ним снова мелькнуло лицо виденной им в театре девушки. Она шла по галерее навстречу, не замечая его. На ней было блестящее серое платье; волосы обрамляли ее лоб темным облаком. Холодный свет из круглого отверстия освещал ее задумчивые черты.

Собеседница заметила, что лицо Грэхэма изменилось, и воспользовалась случаем прекратить неприятный для нее разговор об идемите.

— Не хотите ли вы познакомиться с этой девушкой, сир? — предложила она. — Это Элен Уоттон, племянница Острога. Очень серьезная и образованная девушка. Я уверена, что она понравится вам.

Через несколько мгновений Грэхэм уже разговаривал с девушкой, а светлоглазая дама куда-то упорхнула.

— Я помню вас, — сказал Грэхэм. — Вы находились в маленькой комнате. Когда весь народ пел гимн и отбивал такт ногами. Перед тем как я вышел в зал...

Девушка, сначала немного смутившаяся, спокойно взглянула на Грэхэма.

— Это было так чудесно, — сказала она и затем вдруг добавила: — Весь народ готов был умереть за вас, сир! Как много людей погибло за вас в ту ночь!

Лицо ее вспыхнуло. Она быстро оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не слышит.

На галерее появился Линкольн; он медленно пробирался сквозь густую толпу. Увидев его, девушка обернулась к Грэхэму и сказала горячо и доверчиво:

— Сир, я не могу всего сказать вам. Но знайте, что простой народ очень несчастен, простой народ очень несчастен. Его угнетают... Не забывайте народа, который шел навстречу смерти за вас.

— Но я ничего не знаю... — начал Грэхэм.

— Я не могу теперь говорить.

К ним подошел Линкольн и раскланялся с девушкой.

— Ну, как вам понравился новый мир? — спросил он, улыбаясь и указывая многозначительным жестом в сторону блестящего зала. — Во всяком случае, вы нашли, что он сильно изменился?

— Да, — ответил Грэхэм, — мир изменился. Но не так уж сильно.

— Посмотрим, что вы скажете, когда окажетесь в воздухе, — возразил Линкольн. — Ветер утих, и аэроплан уже ждет вас.

Девушка, по-видимому, хотела удалиться.

Грэхэм взглянул на нее и хотел задать какой-то вопрос, но, заметив на ее лице предостерегающее выражение, промолчал и, поклонившись, удалился вместе с Линкольном.

16. Аэропил

Грэхэм шел, задумавшись, по коридорам Управления Ветряных Двигателей и плохо слушал то, что говорил ему Линкольн. Но вскоре он заинтересовался: Линкольн говорил о воздухоплавании.

Грэхэм давно уже хотел ознакомиться с достижениями человечества в этой области. Он начал расспрашивать Линкольна. В прежней своей жизни он с интересом следил за первыми неуклюжими шагами авиации и был доволен, узнав, что знакомые ему имена Максима, Пильчера, Ленглея и Ченута, а главное, первоученика авиации — Лилиенталья и теперь еще живы в памяти людей.

Еще в прежние времена изобретатели выработали два различных типа летательных машин: большие, приводимые в движение моторами аэропланы с двумя горизонтальными плоскостями и мощным пропеллером и быстролетные аэропилы.

Аэропланы могут летать при тихой погоде или при слабом ветре, а во время бурь, которые уже научились точно предсказывать, вынуждены бездействовать. Аэропланы строят огромных размеров — они обычно бывают длиною до тысячи футов, а ширина их распростертых крыльев достигает шестисот и более футов. Такие машины предназначены для пассажирского движения. Кабины имеют в длину около пятисот метров и устроены так, чтобы по возможности уменьшать качку, вызываемую даже незначительным ветром. Во время путешествия каждый пассажир сидит на кресле, которое может свободно передвигаться. Подъем этих аэропланов возможен только со специальных гигантских платформ. Из Вороньего Гнезда Грэхэм видел шесть обширных аэродромов, снабженных особыми передвижными площадками.

Для посадки аэропланов также необходима ровная поверхность. Не говоря уже о том разрушении, которое могло бы причинить при посадке такое металлическое чудовище, и невозможности для него снова подняться на воздух, одного удара его о неровную поверхность, например, о лесистый холм, вполне достаточно, чтобы погнуть и поломать машину или погубить всех пассажиров.

Сначала Грэхэм был разочарован, узнав недостатки этого изобретения, но затем понял, что и меньшие по размеру машины оказались бы в таких же условиях и вдобавок были бы убыточными, так как грузоподъемность их уменьшается не пропорционально величине, а гораздо быстрее. Кроме того, колоссальная масса этих аэропланов позволяет им лететь с огромной скоростью и удаляться от надвигающейся бури. Рейс из Лондона в Париж совершается в три четверти часа при сравнительно небольшой скорости; продолжительность перелета в Нью-Йорк — два часа; путешествие вокруг света при хорошей погоде без лишних остановок можно совершить в течение суток.

Совсем другого типа небольшие аэропилы (названные так, впрочем, без особого основания). Их довольно много летало над городом. Они могут поднять одного-двух пассажиров, но стоят довольно дорого и доступны только богатым людям. Они состоят из двух ярко окрашенных плоскостей, сзади которых находится пропеллер, могут легко садиться в любом открытом месте и снабжены пневматическими колесами и моторами для передвижения по земле к месту взлета.

Для того, чтобы взлететь, они нуждаются в особой передвижной платформе, которая может быть установлена на любом месте, где не мешают взлету ни строения, ни деревья.

Таким образом, Грэхэм убедился, что, несмотря на истекшие два столетия, человек в искусстве полета во многом еще уступает альбатросу и ласточке. Вероятно, можно было бы значительно усовершенствовать эти механизмы, но для этого не было повода — дело в том, что они ни разу не применялись для военных целей. Последняя великая мировая война разыгралась еще до того, как Белый Совет узурпировал власть.

Лондонские аэродромы сконцентрированы на южном берегу реки и расположены по неправильной кривой. Они разделены на три группы, по две с каждой, и сохранили названия древних пригородов: Рохэмптон, Уимблдон-парк, Стритхэм, Норвуд, Блэкхиз и Шутерсхилл. Устроены они высоко над кровлей города. В длину каждый имеет четыре тысячи ярдов, в ширину — тысячу ярдов, и сделаны они из сплава железа с алюминием, который заменил в постройках железо. Верхний этаж их состоит из металлических ферм

с лестницами и лифтами. Наверху находятся платформы, передвигающиеся по наклонным рельсам. Некоторые из них были заняты аэропилами и аэропланами, остальные же свободны и готовы принять новые аппараты.

Публика ожидает отправления аэропланов в нижних этажах сооружения, где находятся театры, рестораны, читальни и другие места развлечений, а также роскошные магазины. Эта часть Лондона считается самой оживленной, и там царят веселье и распущенность, как в приморском порту или в курзалах.

А для тех, кто отправляется в воздушное путешествие с серьезными целями, религиозные организации построили множество красивых часовен; имеются также превосходно оборудованные медицинские пункты. Здесь узел городских подвижных путей, и, кроме того, внутри здания выстроены лифты и лестницы для сообщения между этажами, чтобы избежать скопления пассажиров и багажа. Архитектура сооружений отличается массивностью: целый лес металлических колонн и устоев выдерживает тяжесть верхних этажей и аэропланов.

Сопровождаемый Асано, Грэхэм направился к аэродромам по городским путям. Линкольна отозвал Острог, занятый административными делами. Отряд охраны ветряных двигателей очистил для них место на верхней платформе. Хотя поездка Грэхэма к аэродромам была неожиданной, все же за ним последовала большая толпа народа. Он слышал, как выкрикивали его имя. Множество мужчин, женщин и детей, одетых в синее, крича и волнуясь, взбирались по лестницам на центральный путь. Он не мог понять, что они кричали, но его удивило, что они говорили на простонародном жаргоне. Когда наконец он вышел, охрану окружила густая возбужденная толпа. Он заметил, что некоторые старались пробраться к нему с прошениями, и охрана с большим трудом расчищала проход.

Один из аэропилов с дежурным аэронавтом стоял на западной летной площадке. Вблизи механизм совсем не казался маленьким. Алюминиевый скелет, лежавший на подвижной платформе посреди обширного аэродрома, был величиной с двадцатитонную яхту. Боковые стекловидные его плоскости, с сетью металлических нервов, совсем как прожилки на пчелином крыле, отбрасывали тень на пространство в несколько сот квадратных метров. Посредине, между

металлическими ребрами, были подвешены на тросах сиденья для пилота и пассажира. Кресло для пассажира спереди было защищено от ветра стеклом и снабжено с боков металлической решеткой, затянутой прозрачной тканью. Сиденье можно было совершенно закрыть, но Грэхэм, для которого все это было ново и интересно, приказал оставить его открытым. Аэронавт сидел за стеклом, которое защищало ему лицо. Пассажир при желании мог закрепить свое кресло неподвижно, что при спуске было даже необходимо, или же передвигаться на нем по рельсам и тросу к шкафчику на носу корабля, где помещались багаж, одежда и провизия, что вместе с сиденьями уравнивало центральную часть аэропила с пропеллером, находившимся на корме.

Машина на вид казалась очень простой. Асано, указывая на различные части механизма, объяснял Грэхэму, что мотор, подобно старым газовым двигателям, зажигается взрывом и при каждом обороте сжигает каплю особого вещества — «фомайль». Он состоит из цилиндра и клапана и приводит в движение пропеллер. Вот и все, что Грэхэм узнал.

Летная площадка была пуста и безлюдна. Грэхэма сопровождали туда Асано и несколько человек из охраны. По указанию аэронавта он занял свое место и выпил микстуру эрготина — он знал уже, что вещество это всякий раз принимается перед полетом, чтобы предупредить вредное влияние разреженного воздуха. Выпив лекарство, он заявил, что готов. Асано, просунувшись в отверстие фюзеляжа, принял от него бокал и махнул на прощание рукой. Затем аэропил стал быстро скользить по площадке и вскоре исчез в воздушном просторе.

Мотор гудел, пропеллер быстро вращался; платформа и здания внизу стремительно уплывали назад, скрываясь из виду. Потом аэропил круто наклонился, и Грэхэм инстинктивно ухватился за прутья по сторонам сиденья. Он чувствовал, что несется вверх, и слышал, как ударяет в стекло воздух. Пропеллер бешено вращался; машина дрожала и вибрировала во время полета, точно пульсировала: раз, два, три — пауза, раз, два, три. Пилот внимательно и осторожно регулировал механизм. Грэхэм поглядел вниз сквозь ребра аэропила: городские кровли со страшной быстротой уносились вдаль, быстро уменьшаясь. Глядя по сторонам, он не замечал ничего особенно

замечательного — быстрое движение по фуникулеру может доставить те же ощущения. Вдали виднелось здание Белого Совета и Хайгет-Ридж. Грэхэм опять взглянул вниз.

В первый миг им овладело чувство физического ужаса, сознание страшной опасности. Он судорожно ухватился за тросы и замер. Несколько мгновений он, как загипнотизированный, смотрел вниз. На глубине нескольких сот метров под ним находился один из самых больших ветряных двигателей юго-западной части Лондона, а за ним — южный аэродром, усеянный черными точками.

Все это провалилось куда-то в бездну. На мгновение его потянуло броситься вниз. Он стиснул зубы, усилием воли оторвал взгляд от бездны, и панический ужас прошел.

Некоторое время он сидел, крепко стиснув зубы и глядя в небо. «Тук-тук-тук» — отстукивал мотор. Крепко держась за тросы, он взглянул на аэронавта и уловил на его загорелом лице улыбку. Грэхэм тоже улыбнулся, но улыбка получилась неестественной. «Странное ощущение испытываешь в первый раз», — крикнул он, как бы извиняясь, и вновь принял величественную осанку. Он больше не решался смотреть вниз и глядел через голову аэронавта на голубое небо у горизонта. Он не мог подавить мысль о возможности катастрофы. Тук-тук-тук, — а вдруг испортится какой-нибудь винтик в машине? Вдруг... Он отгонял эти мрачные мысли, стараясь позабыть об опасности. А аэропил поднимался все выше и выше в прозрачном воздухе.

Мало-помалу Грэхэм освоился, и неприятное ощущение рассеялось; полет стал казаться ему даже приятным. Его предупреждали о воздушной болезни. Но ничего особенного он не чувствовал; движения аэропила, летящего вверх навстречу юго-западному бризу, напоминали ему килевую качку небольшого судна при свежем ветре, а он был неплохой моряк. Резкий разреженный воздух казался ему легким и бодрящим. Подняв голову, он увидел голубое небо в перистых облаках. Осторожно посмотрев между тросами, он увидел вереницу белых птиц, летевших внизу. Некоторое время он следил за ними. Затем, осмелев, взглянул еще ниже и увидел Воронье Гнездо над ветряными двигателями, золотившееся в лучах солнца и быстро уменьшавшееся. За линией голубоватых холмов круто поднимались гигантские кровли Лондона. Позабыв всякий

страх, Грэхэм с удивлением смотрел на город, который отсюда казался отвесной стеной, пересеченной террасами, обрывом высотой в несколько сот футов.

Широкого кольца предместий, составлявших постепенный переход от города к деревне, — характерной черты всякого большого города девятнадцатого столетия — больше не существовало. От них остались только развалины, вокруг которых густо разрослись старые сады, темнели бурые квадраты пашен и тянулись полосы вечнозеленых растений. Но большая часть руин, остатки вилл и дач еще громоздились по сторонам прежних улиц и дорог и темнели рифами среди волн зеленых и бурых квадратов; давно покинутые своими обитателями, развалины эти оказались, очевидно, очень массивными и не исчезли под дружным напором сельскохозяйственных машин.

Растительность буйно клубилась вокруг, захлестывая обрушившиеся стены бесчисленных домов прибоем куманики, остролиста, плюща, ворсянки и бурьяна. Изредка среди развалин поднимались загородные рестораны, соединенные с городом кабельной сетью дорог. В этот ясный зимний день они были пусты так же, как и сады среди руин. Граница города выделялась столь же резко, как и в те времена, когда городские ворота запирались на ночь и вокруг стен рыскали разбойничьи шайки. Из-под громадного полукруглого свода вытекал поток, устремляясь по идемитовому руслу, — это был торговый канал.

Вот такая панорама развернулась перед Грэхэмом, но она быстро скрылась из глаз. Когда наконец он взглянул прямо вниз, то увидел долину Темзы, по которой тянулись коричневые полосы полей, пересеченные сверкающими нитями канализационных труб.

Возбуждение Грэхэма все возрастало и перешло в какой-то экстаз. Как бы в опьянении, глубоко вдыхая разреженный воздух, он стал смеяться. Ему захотелось кричать, и, наконец не в силах более сдерживаться, он закричал во весь голос.

Аэропил поднялся уже почти до предельной высоты и повернул к югу. Грэхэм заметил, что при управлении аппаратом в его крыльях то открывались, то закрывались затянутые мембраной клапаны, а мотор аэропила ходил взад и вперед по стержню. Передвигая мотор вперед и открывая клапан левого крыла, аэропил придавал аэропилу

горизонтальное положение и держал направление к югу. Они взяли немного влево и летели, то круто вздымая вверх, то плавно опускаясь. Это быстрое скольжение вниз было очень приятно. Во время спуска пропеллер останавливался. При подъеме Грэхэм испытывал чувство победы над стихией, при спуске в разреженном воздухе также возникали сильные, ни с чем не сравнимые ощущения. Грэхэму не хотелось покидать верхние слои атмосферы.

Некоторое время он внимательно рассматривал ландшафт, быстро уносившийся к северу. Ему нравились четкость и ясность деталей. Его поражали бесконечные развалины домов, которыми некогда пестрела страна, безлесная пустыня с кучами щебня, остатками прежних деревень и ферм. Правда, он слышал уже об этом, но все же был удивлен. Он старался различить на дне этой пустой бездны знакомые места, но теперь, когда исчезла с горизонта долина Темзы, это было трудно. Скоро, однако, они достигли остроконечных меловых холмов, и, обнаружив знакомое ущелье в западном конце и развалины городка по обеим его сторонам, Грэхэм узнал Гилдфорд-Хогсбэк, а вслед за тем Лейт-хилл — песчаную равнину Олдершота — и другие места.

Простиравшуюся внизу округу пересекала широкая, испещренная быстро мчавшимися точками идемитовая дорога. Она проходила как раз по трассе бывшей железной дороги. Узкая долина реки Уэй заросла густым лесом.

По всей возвышенности Доунс, насколько можно было разглядеть сквозь голубоватую дымку, стояли ветряные двигатели таких размеров, что самый крупный из городских гигантов показался бы их младшим братом. Они плавно вращались на юго-западном ветру. Кое-где пятнами выступали громадные гурты овец Британского Пищетреста, и конные пастухи выделялись черными точками. Вскоре выплыли из-под носа аэропила Уилденхейт, холмы Хайндхеда, Пичхилл и Лейт-хилл с новым рядом ветряных двигателей, которые, казалось, старались перехватить ветер от своих собратьев на возвышенности Доунс. Пурпурный вереск сменился золотым дроком; под охраной двух всадников двигалось огромное стадо черных быков, которое быстро осталось позади и превратилось в темное движущееся пятно, пропавшее в тумане.

Близко, под самым ухом, крикнула чайка.

Они пролетали над южным Доунсом, и, поглядев через плечо, Грэхэм увидел на возвышенности Портсдоун-хилла укрепление портсмутского порта. Вот показалось огромное скопление стоявших у берега судов, похожее на плавучий город. Затем крохотные, залитые солнцем белые скалы Нидльса, и блеснула серая полоса морского пролива. В несколько секунд перелетели они пролив, остров Уайт остался далеко позади, и внизу развернулась широкая морская гладь, то пурпурная от облаков, то серая, то блестящая, как полированное зеркало, то тускло мерцающая синевато-зеленым блеском. Остров Уайт быстро уменьшался. Через несколько минут от облачной гряды отделилась сероватая туманная полоса; опустившись вниз, она приняла очертания береговой линии; это было залитое солнцем, цветущее побережье северной Франции. Полоса становилась все более четкой и яркой, английский же берег исчезал вдали.

Через некоторое время на горизонте показался Париж, но вскоре исчез, так как аэропил повернул к северу. Грэхэм успел разглядеть Эйфелеву башню и невдалеке от нее какой-то колоссальный купол, увенчанный остроконечным шпилем. Грэхэм заметил, что над городом расстилался дым, хотя и не понял, что это означало. Аэронавт буркнул что-то о каких-то «беспорядках на подземных путях», но Грэхэм не обратил внимания на его слова. Вышки, похожие на минареты, башни и стройные контуры городских ветряных двигателей свидетельствовали, что Париж по красоте и теперь еще превосходит своего соперника, хотя и уступает ему в размерах. Снизу взлетело что-то голубое и, подобно сухому листу, гонимому ветром, покружившись, направилось к ним, все увеличиваясь в размерах. Аэронавт опять что-то пробормотал.

— Что такое? — спросил Грэхэм, неохотно отведя взгляд от прекрасной картины.

— Аэроплан, сир! — крикнул пилот, указывая пальцем.

Аэропил поднялся выше и направился к северу. Аэроплан все приближался, быстро увеличиваясь. Гул аэропила, который казался прежде таким мощным, стал заглушаться гулом аэроплана. Каким громадным казалось это чудовище, каким быстроходным и мощным! Аэроплан пролетел близко над аэропилем, точно живой, с широко раскинутыми перепончатыми прозрачными крыльями. Мелькнули ряды закутанных пассажиров за стеклом, одетый в белое пилот,

пробирающийся по лестнице против ветра, части чудовищного механизма, вихрь пропеллера и гигантские плоскости крыльев. Зрелище было поразительное.

Через мгновение аэроплан пронесся мимо. Крылья аэропила закачались от ветра. Аэроплан стал уменьшаться и скоро превратился в синюю точку, растаявшую в небесной лазури.

Это был пассажирский аэроплан Париж — Лондон. В хорошую погоду за день он делал четыре рейса.

Они пролетали над Ла-Маншем. Полет уже не казался Грэхэму таким быстрым по сравнению с молниеносным полетом аэроплана. Слева глубоко внизу серел Бичи-Хед.

— Спуск! — крикнул аэронавт. Голос его потонул в гуле мотора и свисте ветра.

— Нет еще, — смеясь, ответил ему Грэхэм. — Погодите спускаться. Я хочу поближе ознакомиться с этой машиной.

— Я полагаю... — начал аэронавт.

— Я хочу ознакомиться с машиной, — перебил его Грэхэм. — Я перейду сейчас к вам, — прибавил он, поднялся со своего кресла и ступил на мостик, огороженный перилами.

Сделав один шаг, он побледнел и вынужден был ухватиться за перила руками. Еще шаг — и он возле аэронавта. Грэхэм чувствовал, что воздух с силой давит ему на грудь и плечи. Ветер, вырываясь из-за стекла, растрепал его волосы. Аэронавт поспешно выровнял машину.

— Я хочу, чтобы вы объяснили мне устройство аппарата и управление им, — сказал Грэхэм. — Что надо делать, чтобы аэропил двигался вперед?

Аэронавт замялся.

— Это очень сложно, сир.

— Ничего, — крикнул Грэхэм, — я попробую!

— Искусство авиации — тайна, привилегия... — сказал пилот после минутного молчания.

— Верно. Но ведь я властелин и хочу знать, — засмеялся Грэхэм, радуясь, что ему предстоит завоевать воздух.

Аэропил повернул к западу, свежий ветер ударил в лицо Грэхэму, развевая полы его одежды. Оба глядели друг другу в глаза.

— Сир, существует закон...

— Который не может касаться меня, — перебил Грэхэм. — Вы, кажется, забыли...

Аэронавт пристально посмотрел ему в лицо.

— Нет, — произнес он, — я не забыл, сир. Никто не может управлять машиной, кроме аэронавта. Все остальные — только пассажиры...

— Слышал я уже это раньше. Но мне дела нет до этого. Знаете вы, зачем я проспал эти двести лет? Чтобы летать по воздуху!

— Сир, — нерешительно сказал аэронавт, — я не смею нарушить закон...

Грэхэм с досадой махнул рукой.

— Если вы будете наблюдать за мной...

— Нет, — отвечал Грэхэм, покачнувшись и хватаясь крепче за тросы, так как нос аэропила поднялся кверху. — Мне этого недостаточно. Я хочу сам управлять. Хотя бы мне пришлось вдребезги разбить машину! Да! Я так хочу! Я перелезу и сяду рядом с вами. Я хочу научиться летать, хотя бы ценою жизни. Это — вознаграждение за мой долгий сон. И за многое другое... Когда-то я мечтал о воздухоплавании. Сохраняйте равновесие!

— Тысячи шпионов наблюдают за мною, сир.

Грэхэм потерял терпение. Это уже слишком! Он выругался и перешагнул через рычаги. Аэропил закачался.

— Кто Правитель Земли? — сказал он. — Я или ваша корпорация? Снимите руку с рычага и берите меня за руки. Так. А теперь, что надо делать, чтобы аэропил стал спускаться?

— Сир... — начал аэронавт.

— Что такое?

— Вы заступитесь за меня?

— Боже мой! Конечно! Хотя бы мне пришлось поджечь для этого Лондон. Ну!

Успокоив аэронавта, Грэхэм взял первый урок воздухоплавания. Воздух подействовал на него, как крепкое вино.

— В ваших интересах выучить меня как можно скорее и лучше, — рассмеялся он. — Итак, я действую этим рычагом? А! Так... Алло!

— Назад, сир, назад!

— Назад? Хорошо. Раз, два, три. Боже мой! Он поднимается. Вот это жизнь!

Аэропил начал танцевать и выделять странные фигуры в воздухе. То он описывал спираль не более ста ярдов в диаметре, то взмывал ввысь, чтобы тотчас же, подобно соколу, камнем упасть вниз и снова, делая замысловатые петли, подняться кверху. Аэропил чуть не налетел на подвижной парк воздушных шаров и едва успел свернуть в сторону. Быстрота и плавность полета и разреженный воздух опьянили Грэхэма. Казалось, он обезумел.

Наконец неожиданное приключение отрезвило его и заставило вспомнить о земле с ее кипучей жизнью и неразрешимыми проблемами. Они столкнулись с чем-то, и на Грэхэма упало несколько капель, точно от дождя. Обернувшись, он увидел позади какой-то крутящийся белоснежный лоскут.

— Что это такое? — спросил он. — Я не понимаю.

Аэронавт оглянулся и тотчас же схватился за рычаг, так как они падали вниз. Когда аэропил снова выровнялся, аэронавт, тяжело переводя дыхание, указал на белое пятно внизу.

— Это лебедь.

— Я совсем не заметил его, — сказал Грэхэм.

Аэронавт промолчал, и Грэхэм увидел капли пота у него на лбу.

Теперь они летели горизонтально, и Грэхэм вернулся на свое место, где он был защищен от ветра. Потом стали быстро спускаться, гул уменьшился, и темная площадка внизу стала шириться и расти. Солнце, закатываясь на западе за меловые холмы, казалось, падало вместе с ними, заливая золотом небо.

Внизу закопошились муравьями люди. Послышался гул приветствий, напоминающий шум морского прибоя. Грэхэм увидел, что все кровли вокруг летной площадки черны от народа, собравшегося его приветствовать. Сплошная черная масса пестрела светлыми пятнами лиц, развевающихся белых платков и машущих рук.

17. Три дня

Линкольн ожидал в зале под аэродромом. По-видимому, его очень интересовали подробности полета, и он был доволен, заметив энтузиазм Грэхэма.

— Я должен научиться летать! — воскликнул Грэхэм. — Я хочу изучить авиацию. Как жаль мне всех тех, кто умер, так и не успев полетать! Какой дивный воздух там, наверху! Нет выше наслаждения, чем полет!

— Вы убедитесь, что наш мир богат и другими наслаждениями, — заметил Линкольн. — Не знаю, с чего вы начнете теперь. У нас есть музыка, которая заменяет романы.

— Сейчас, — ответил Грэхэм, — меня интересует только авиация. Дайте мне поближе с ней познакомиться. Ваш аэронавт говорил, что существуют какие-то корпоративные законы, ограничивающие обучение.

— Да, он прав, — ответил Линкольн. — Но для вас, конечно... Если вы так заинтересованы, то мы можем сделать вас присяжным аэронавтом хоть завтра.

Грэхэм охотно согласился и снова начал распространяться о своих впечатлениях.

— Ну, а дела? — спросил он вдруг. — В каком они положении?

— Острог сам сообщит вам завтра утром, — неохотно ответил Линкольн. — Все идет как нельзя лучше. Революция побеждает во всем мире. Конечно, есть кой-какие затруднения, но ваше правление везде обеспечено. Вы можете не беспокоиться о делах, раз они в руках у Острога.

— А нельзя ли мне сделаться, как вы называете, присяжным аэронавтом сегодня же? — спросил Грэхэм, расхаживая по залу. — Тогда я мог бы завтра утром опять...

— Я думаю, это возможно, — произнес Линкольн как бы в раздумье. — Вполне возможно. — Он рассмеялся. — Я хотел было предложить вам другие удовольствия, но вы сами нашли себе занятие по вкусу. Я поговорю по телефону с Воздухофлотом, а затем мы вернемся в ваши апартаменты в Управление Ветряных Двигателей.

Пока вы будете обедать, аэронавты успеют собраться. Но, может быть, после обеда вы пожелали бы...

Он остановился.

— Что? — спросил Грэхэм.

— У нас приглашены танцоры из театра Капри.

— Я терпеть не могу балета, — возразил Грэхэм. — Еще с давних пор. В наше время тоже были танцоры. Более того, они были даже в Древнем Египте. Вот авиация...

— Вы правы, — сказал Линкольн. — Хотя наши танцоры...

— Они могут подождать, — прервал его Грэхэм. — Почему бы им не подождать? Я не какой-нибудь древний римлянин. Я хочу поговорить со специалистами о ваших механизмах. Я интересуюсь техникой. Мне не нужно развлечений.

— Все к вашим услугам, — ответил Линкольн. — Как вам будет угодно.

Вместе с Асано, под охраной, они возвратились по городским путям в апартаменты Грэхэма. Его возвращение приветствовала толпа, еще более многочисленная, чем при полете.

Приветственные крики порой заглушали ответы Линкольна на вопросы Грэхэма об авиации. Сначала Грэхэм отвечал на приветствия поклонами и различными жестами, но Линкольн предупредил его, что это некорректно. Грэхэму же успели надоесть эти приветствия, и он перестал обращать на них внимание.

Тотчас после их возвращения Асано отправился на поиски кинематографических отчетов о машинах, а Линкольн передал распоряжение, чтобы ему доставили модели всевозможных машин за два столетия, наглядно иллюстрирующие технический прогресс. Телеграфные приборы так заинтересовали Грэхэма, что он позабыл про обед, поданный красивыми и ловкими девушками.

Хотя люди теперь уже не курили, но когда Грэхэм выразил желание покурить, тотчас же были посланы запросы, и он еще не окончил обеда, как из Флориды по пневматической почте были присланы превосходные сигары.

После обеда явились аэронавты и инженеры с моделями новейших машин. Грэхэм с увлечением рассматривал чудеса техники — арифмометры, счетчики, машины строительные, ткацкие, двигатели внутреннего сгорания, элеваторы для воды и хлеба,

жатвенные машины и приспособления для боен. Это было гораздо интереснее, чем баядерки.

— Мы были дикарями, сущими дикарями, — то и дело повторял он. — Наш век — каменный век в сравнении с настоящим... Что у вас еще нового?

Затем явились психологи-практики, которые произвели ряд любопытных гипнотических опытов. К своему удивлению, Грэхэм узнал, что Милн Бремуэл, Фехнер, Лило, Уильям Джемс, Майерс и Гарней теперь в большом почете. Психологическое воздействие, оказывается, заменило в медицине многие лекарства, антисептические и анестезирующие средства; оно необходимо при умственной работе. Только благодаря ему так развились человеческие способности.

Сложные вычисления в уме, которые раньше делали только «люди-арифмометры», все чудеса гипноза стали теперь доступны каждому, кто пользовался услугами опытного гипнотизера. Прежняя экзаменационная система в обучении уже давно заменена внушением. Вместо долголетнего обучения — несколько недель гипнотических сеансов, во время которых ученикам внушаются нужные знания, после чего они в состоянии давать правильные ответы; познания прочно закреплялись в памяти. Метод этот оказался особенно успешным в математике, шахматной игре, а также в других головоломных и требующих физической ловкости играх. Все механические операции и работы совершаются теперь единообразно с идеальной аккуратностью, на исполнение их не оказывают никакого влияния настроения и воображение. Рабочие с детства посредством внушения превращаются в безукоризненно точные машины, свободные от всяких мыслей и увлечений. Ученики аэронавтов, подверженные головокружению, благодаря внушению избавляются от страха. На каждой улице любой гипнотизер готов помочь человеческой памяти. При помощи гипноза легко запомнить любое имя, любые числа, песню, речи, а также забыть, когда минет надобность. Можно забыть обиды и унижения, заставить неутешных вдов позабыть умерших мужей и исцелить несчастных влюбленных. Можно изменить привычки и желания — все это делает психическая медицина. Однако внушать желания пока еще не удается, и передача мыслей на расстоянии покамест еще находится в стадии опытов. Свои сообщения

психологи иллюстрировали поразительными мнемоническими опытами над целой толпой бледнолицых детей, одетых в синий холст.

Грэхэм, подобно большинству людей прежнего Бремни, не доверял гипнозу и не соглашался освободить свой мозг от многих мучительных пережитков. Несмотря на доводы Линкольна, он упорно стоял на своем; по его понятиям, согласиться на гипнотизацию — значило подчинить свою личность чужому влиянию и отказаться от свободы воли. А в этом новом чудесном мире он хотел остаться самим собой.

Три дня провел Грэхэм в этих занятиях. Ежедневно по несколько часов он обучался летать. На третий день он пролетел над Центральной Францией и видел снеговые вершины Альп. Благодаря полетам он превосходно спал и быстро окреп; от его анемии не осталось и следа.

Линкольн доставлял ему все новые и новые развлечения. Грэхэм ознакомился с новейшими изобретениями, пока наконец любопытство его не притупилось. В целой дюжине томов не уместить того, что было ему показано.

Каждый день после полудня Грэхэм делал приемы и начал живо интересоваться окружающими людьми. Сначала они казались ему чуждыми и странными; ему не нравились их роскошные одеяния, он находил манеры их вульгарными, но вскоре он был сам поражен, заметив, с какой быстротой исчезло в нем это враждебное чувство, как быстро освоился он со своим новым положением и позабыл про прежнюю жизнь.

Ему нравилась рыжеволосая дочь управляющего свинобойнями. На следующий день после обеда он познакомился с одной балериной новейшего времени и был в восторге от ее танцев. А тут еще эти чудеса гипноза. Когда на третий день Линкольн предложил поездку в Город Наслаждений, Грэхэм отказался и отклонил услуги гипнотизеров для своих полетов. Лондон казался ему более близким и знакомым, чем другие города. Ему доставляло невыразимое удовольствие узнавать те или иные места, связанные с его прежней жизнью, — а это было бы невозможно за границей.

— Здесь или, вернее, там, футов на сто пониже, — говорил он, — я обычно завтракал во времена своей студенческой жизни. Вот тут, глубоко внизу, некогда находился вокзал Ватерлоо с его вечной

суматохой. Часто стоял и я там с чемоданом в руке и сквозь море сигнальных огней смотрел вверх, на небо, даже не помышляя о том, что настанет день, когда я буду расхаживать над этим самым местом на высоте нескольких сот ярдов. А теперь под тем же самым небом, которое выглядело тогда дымной завесой, я кружусь на аэропиле.

Все эти три дня Грэхэм был всецело поглощен полетами; политические новости его почти не интересовали. Окружающие его лица также не затрагивали эту тему. Ежедневно приходил Острог — Вождь, как его называли в народе, — этот великий визирь Грэхэма, начальник его дворца, и в самых неопределенных выражениях отдавал ему отчет о положении дел: «незначительные затруднения», «небольшие беспорядки», «все скоро уладится». Пение революционного гимна прекратилось. Грэхэм не знал, что гимн запрещен в пределах города. Он позабыл, о чем думал в то утро, стоя в Вороньем Гнезде.

На второй или на третий день, несмотря на свое увлечение дочерью управляющего свинобойнями, он случайно вспомнил об Элен Уоттон и о странном разговоре с ней в зале Управления Ветряных Двигателей. Она произвела на него сильное впечатление, хотя у него и не было времени подумать о ней. Но теперь ее облик властно всплыл в его сознании. Он недоумевал, что означали ее намеки.

По мере того как проходил у него интерес к механике, он все яснее вспоминал ее глаза и задумчивое лицо. Образ этой девушки удерживал его от низменных страстей и дешевых увлечений.

Прошло, однако, три дня, прежде чем он снова увидел ее.

18. Грэхэм вспоминает

Он встретился с ней в маленькой галерее, соединяющей Управление Ветряных Двигателей с его апартаментами. Галерея была длинная и узкая, с глубокими нишами, окна которых выходили во двор, засаженный пальмами. Он увидел ее сидящей в одной из этих ниш.

Услыхав его шаги, она взглянула на него и вздрогнула. Лицо ее побледнело.

Она поднялась, хотела подойти к нему и что-то сказать, но, видимо, не решалась.

Он остановился и ждал. Потом, заметив ее колебания и думая, что она, быть может, поджидала его и хочет с ним говорить, он решил великодушно прийти ей на помощь.

— Я давно хотел видеть вас, — сказал он. — Несколько дней назад вы хотели что-то сказать мне о народе. Что же вы хотели сообщить?

Она грустно посмотрела на него.

— Вы говорили, что народ несчастен?

Девушка медлила с ответом.

— Это показалось вам странным? — спросила она наконец.

— Вот именно. И кроме того...

— Это был внезапный порыв.

— Да?

— Только и всего.

Видно было, что она колеблется. Казалось, ей трудно было говорить.

— Вы забыли... — проговорила она, глубоко вздохнув.

— Что именно?

— Про народ...

— Вы так думаете?

— Вы забыли про народ.

Он поглядел на нее вопросительно.

— Да, я знаю, что вы удивлены. Вы не понимаете, кто вы такой. Вы не знаете всего, что происходит.

— В чем же дело?

— Значит, вы ничего не знаете?

— Может быть. Но скажите: в чем дело?

Внезапно решившись, девушка повернулась к нему.

— Мне трудно говорить. Я часто думала об этом, собиралась, но не могу начать. Мне не хватает слов. Ваш сон, ваше пробуждение — все это так необычайно. Так чудесно. Для меня по крайней мере и для всего народа. Вы жили столько лет назад, страдали и умерли, были простым гражданином и вдруг, проснувшись, стали правителем чуть ли не всей земли!

— Правитель Земли, — повторил он. — Так они все говорят. Но подумайте, как мало я знаю.

— Городов, трестов, рабочих компаний...

— Верховная власть, могущество, сила, слава... Да, я слышал, как кричала толпа. Я знаю. Я Правитель, король, если угодно. А Острог — Вождь.

Он замолчал.

Девушка с любопытством смотрела на него.

— Ну и что же?

Он улыбнулся.

— Он управляет всем.

— Вот этого-то я и боялась.

Несколько мгновений она молчала.

— Нет, — проговорила она тихо, — управлять должны вы сами. Да, сами. Народ надеется на вас. — Она понизила голос. — Послушайте! В течение стольких лет, поколения за поколениями ждали, что вы проснетесь... Народ молился об этом, да, молился...

Грэхэм хотел что-то ответить, но промолчал.

Девушка, по-видимому, колебалась. На щеках у нее вспыхнул румянец.

— Знаете ли вы, что в глазах мириадом людей вы являетесь избавителем? Вы для них то же самое, что король Артур или Барбаросса.

— Я думаю, что воображение народа...

— Разве вы не слышали поговорки: «Когда Спящий проснется»? Когда вы лежали бесчувственный и неподвижный, к вам приходили тысячи людей. Тысячи... В первый день каждого месяца вас одевали в

белое платье, и тысячи людей проходили мимо, чтобы взглянуть на вас. Еще маленькой девочкой я видела вас, у вас было такое бледное и спокойное лицо...

Она отвернулась и принялась разглядывать панно. Голос ее оборвался.

— Когда я была маленькой девочкой, я часто смотрела на ваше лицо... Оно казалось мне олицетворением божественного долготерпения. Вот что мы думали о вас. Вот как мы смотрели на вас...

Она обернулась и подняла на него свои сверкающие глаза, голос ее зазвенел.

— В городе, по всей земле мириады мужчин и женщин надеются на вас и ждут.

— Неужели?

— Острог не может вас заменить... Никто не может.

Грэхэм удивленно смотрел на нее, пораженный ее волнением.

Сначала она говорила с усилием, потом собственная речь воодушевила ее.

— Неужели вы думаете, — продолжала девушка, — что вам суждено было прожить ту первую жизнь в далеком прошлом, потом заснуть и после стольких надежд и ожиданий пробудиться от вашего чудесного сна только затем, чтобы бесполезно прожить еще одну жизнь? Неужели же исчезнут надежды чуть ли не всего мира? Разве вы можете снять с себя эту ответственность и передать ее другому человеку?

— Я знаю, что власть моя велика, — ответил Грэхэм, запинаясь. — Вернее, кажется, что велика... Но так ли это в действительности? Все это похоже на сон. Реальна ли моя власть или же это только великое заблуждение?

— Да, реальна, — подтвердила девушка, — если только вы решитесь...

— Но ведь моя власть, как и всякая другая, — только иллюзия. Она реальна, пока люди верят в нее.

— Если только вы решитесь, — повторила девушка.

— Но...

— Массы верят в вас и пойдут за вами...

— Но я ничего не знаю. Решительно ничего... Все эти советники. Острог. Они умнее, хладнокровнее, предусмотрительнее меня, они так много знают. О каких несчастных вы говорите? Думаете ли вы...

Он замолчал, словно не решаясь говорить.

— Я еще так молода, — ответила девушка. — Но я знаю, что в мире много неправды и угнетения. Разумеется, мир изменился с ваших времен, сильно изменился. Я молилась о том, чтобы мне увидеть вас и рассказать обо всем. Да, мир изменился. Но внутренняя болезнь, вроде рака, разъедает его и отравляет жизнь. — Она повернула к нему свое пылающее лицо. — Я много об этом думала. Я не могла не думать: моя жизнь сложилась несчастливо. Люди теперь не свободны, они не стали лучше людей вашего времени. Но это еще не все. Город — это тюрьма. Каждый город теперь — тюрьма. А ключи у Маммоны. Мириады, несчастные мириады людей мучатся от колыбели до могилы. Разве это справедливо? Неужели так и будет всегда? Хуже, чем в ваше время. Повсюду мучения и заботы. Вас окружает мишурный блеск, а тут же рядом — нищета и рабство. Да, бедные понимают все это, они знают, что плохо. Те самые люди, которые несколько дней назад шли на смерть из-за вас... Вы обязаны им жизнью.

— Да, — тихо повторил Грэхэм. — Да, я обязан им жизнью.

— В ваше время, — продолжала девушка, — тирания капитала только начиналась. Да, это тирания, настоящая тирания. Феодалную тиранию лордов сменила тирания богатства. В ваши дни половина населения земного шара жила в деревне. Теперь же города поплотили все население. Я читала старые книги — сколько в них благородства! В них говорится о любви и долге, о таких прекрасных вещах! А ведь вы человек того времени.

— А разве теперь?..

— Прибыль и Города Наслаждений — или рабство, безысходное, вечное рабство.

— Как рабство?

— Да, рабство.

— Неужели еще существуют рабы?

— Хуже. Вот это-то я и хочу вам объяснить, хочу, чтобы вы знали. Я знаю, что вам это неизвестно. Они скрывают от вас, они хотят вас заманить в Город Наслаждений. Вы, конечно, замечали не раз мужчин,

женщин и детей в синей холщовой одежде, с худыми желтыми лицами и усталыми глазами?

— Конечно.

— Говорящих на грубом жаргоне?..

— Да, я слышал этот жаргон.

— Это рабы, ваши рабы. Они рабы вашей Рабочей Компании.

— Рабочая Компания! Я что-то слышал о ней. Да, вспоминаю. Я видел ее, когда бродил по городу после того, как зажгли иллюминацию: громадные фасады зданий, окрашенных в синий цвет. Вы говорите о ней?

— Да. Но как мне объяснить вам все? Конечно, эта синяя форма поразила вас. Почти треть всего населения носит ее, и с каждым днем число их все увеличивается: Рабочая Компания растет.

— Но что такое эта Рабочая Компания?

— В ваше время как поступали с умирающим от голода народом?

— У нас были работные дома, которые содержались на средства прихожан.

— Работные дома! Нам говорили о них на уроках истории. Рабочая Компания заменила работные дома. Возникла она — может быть, вы помните? — из религиозной организации, называвшейся Армией спасения и преобразовавшейся в коммерческое предприятие. Сперва у них были как будто благие цели — спасти народ от ужасов работных домов. Теперь я вспоминаю, это была чуть ли не первая организация, которую закупил ваш Опекунский Совет. Он купил Армию спасения и реорганизовал ее. Сначала там давали работу бездомным и голодным.

— Вот как!

— Теперь у нас нет работных домов, нет убежищ и благотворительных учреждений — ничего, кроме Рабочей Компании. Конторы ее раскинуты повсюду. Синий цвет — ее форма. Каждый мужчина, женщина или ребенок, если он голоден, не имеет ни дома, ни друзей, должен или умереть, или попасть в лапы Компании. Эвтаназия не для бедняков, им нечего надеяться на легкую смерть. В Компании найдется и пища, и приют, и синяя форма для каждого проходящего; форма — непереносимое условие при вступлении. Компания платит, но требует работы; когда рабочий день окончен, она возвращает рабочему одежду и выбрасывает его на улицу.

— Неужели?

— Разве это не кажется вам ужасным? В ваше время люди умирали с голоду на улицах. Не спорю, это было плохо. Но они умирали людьми. А эти люди в синем... У нас есть пословица: «Надел синее — до смерти не снять». Компания торгует их трудом и старается обеспечить себя рабочими руками. Человек является в Компанию голодный, умирающий, он ест и отсыпается в течение суток, потом работает день, а к вечеру его выбрасывают на улицу. Если он работал хорошо, он получает пенни, может пойти в театр, в дешевый танцевальный зал или кинематограф, пообедать или переночевать. Он бродит по городу, пока есть деньги. Нищенствовать не позволяет полиция. Да никто и не подает. На другой или на третий день он снова является в Компанию и продает себя. В конце концов его собственное платье истреплется или до того загрязнится, что он начинает стыдиться. Тогда он вынужден работать месяцы, чтобы заработать новое, если оно еще ему нужно. Множество детей рождается в Компании. Матери должны отработать за это месяц, а дети, которых воспитывают и содержат до четырнадцати лет, — два года. Разумеется, дети воспитываются для синей формы. Так вот что такое Рабочая Компания.

— Значит, в городе совсем нет свободных рабочих?

— Ни одного. Они все или в тюрьме, или же носят синюю форму.

— А если кто-нибудь не согласится работать на этих условиях?

— Большинство соглашается. Компания всемогуща: она может перевести на тяжелую работу, лишить еды и, наконец, заклеить большой палец того, кто откажется работать, и его никуда не будут принимать. И потом, куда же деться? Поездка в Париж стоит два льва. Для непослушных, наконец, есть тюрьмы, темные, ужасные, где-то там, глубоко внизу. В тюрьму у нас ничего не стоит попасть.

— Неужели треть всего населения носит синюю форму?

— Даже больше трети. Несчастные, униженные труженики, без надежды, без радости, разжигаемые рассказами о Городах Наслаждения, сами насмеваются над своим жалким положением, над своим несчастьем. Они слишком бедны даже для эвтаназии, которая доступна только богатым самоубийцам. Искалеченные, отупевшие, миллионы людей по всему свету испытывают только лишения и

неудовлетворенные желания. Они рождаются, мучаются и умирают. Вот каков этот новый для вас мир.

Грэхэм молчал, подавленный.

— Но ведь теперь, после революции, — сказал он, — все это должно измениться. Острог...

— Мы надеемся. Весь мир надеется. Но Острог не хочет ничего сделать. Он просто политикан. По его мнению, так и должно быть. Ему нет до этого никакого дела. Он хочет оставить все по-прежнему. Все богатые, все влиятельные, все счастливые согласны с ним. Они пользуются народом как оружием в политике, они наживаются на его несчастьях. Но вы пришли к нам из более счастливого века, и весь народ надеется только на вас.

Он взглянул на нее. В глазах ее блестели слезы. Грэхэм был взволнован. Он забыл о городе, о борьбе, о всех этих людских массах и молча смотрел на нее, тронутый ее одухотворенной красотой.

— Но что же мне делать? — спросил он, не отрывая от нее глаз.

— Управлять, — тихо ответила она, наклоняясь к нему. — Править миром на благо и счастье людей, как еще никогда никто не правил. Вы можете, вы должны. Народ волнуется. По всей земле волнуется народ. Он ждет только слова, слова от вас — и он восстанет. Даже средние слои недовольны и волнуются. От вас скрывают все, что происходит. Народ не хочет больше подставлять свою шею под ярмо, отказывается выдать оружие. Острог против своей воли пробудил в народе надежду.

Сердце Грэхэма учащенно билось. Он старался вникнуть в ее слова.

— Им нужен только вождь, — сказала она.

— А потом?

— Вы можете захватить весь мир.

Он сел и задумался. Потом вдруг заговорил:

— Старая мечта, я тоже грезил когда-то о свободе и счастье. Неужели это только мечта? Разве может один человек, один человек...

Голос его оборвался.

— Не один человек, а все люди. Им нужен только вождь, который высказал бы их смутные желания.

Грэхэм покачал головой. Несколько минут оба молчали.

Внезапно он поднял голову, и взгляды их встретились.

— У меня нет вашей веры, — снова заговорил он. — У меня нет вашей молодости. Эта власть тяготит меня. Нет, дайте договорить. Я намерен, не скажу — водворить справедливость, у меня нет сил для этого, но я все же хотел бы принести людям пользу. Я не в состоянии водворить на земле золотой век, но во всяком случае я стану управлять сам. Вы точно пробудили меня ото сна... Вы правы. Острог должен знать свое место. Я научусь... Я обещаю вам одно: рабство будет уничтожено.

— А вы будете управлять сами?

— Да. С одним условием...

— С каким?

— Что вы поможете мне.

— Я? Такая юная девушка!

— Да. Разве вы не видите, как я одинок?

В ее глазах промелькнуло сочувствие.

— Нечего говорить, что я всегда готова помочь вам, — сказала она.

Она стояла перед ним прекрасная, восторженная, в ореоле величия и героизма; он не смел дотронуться до нее, коснуться ее руки — их словно разделяла бездна.

— Я буду управлять, — тихо сказал он. — Я буду управлять... вместе с вами.

Оба молчали. Раздался бой часов. Девушка все не отвечала.

Грэхэм встал.

— Меня ждет Острог, — проговорил он и смолк, глядя на нее. — Я должен расспросить его о многом. Я должен все знать. Я должен сам увидеть все то, о чем вы мне говорили. И когда я вернусь...

— Я узнаю обо всем этом и буду ждать вас здесь.

Он молча смотрел на нее.

— Я узнаю... — повторила она и запнулась.

Он ждал, что она скажет, но она молчала. Они посмотрели друг на друга с неммым вопросом в глазах, и Грэхэм направился в Управление Ветряных Двигателей.

19. Взгляды Острога

Острог, пришедший с докладом, уже ожидал Грэхэма. Обычно Грэхэм старался как можно скорее проделать эту церемонию, чтобы заняться воздухоплаванием, но сегодня он слушал внимательно и даже задавал вопросы. Его интересовали государственные дела. По словам Острога, положение дел за границей было великолепно. Правда, произошли волнения в Париже и Берлине, но это были случайные, неорганизованные выступления.

— За последние годы, — пояснил Острог в ответ на расспросы Грэхэма, — Коммуна снова подняла голову. Отсюда и волнения. Однако порядок восстановлен.

Его доклад навел Грэхэма на размышления. Он спросил, имеет ли место кровопролитие.

— Небольшое, — ответил Острог. — Только в одном квартале. Сенегальская дивизия африканской аграрной полиции Объединенной Африканской Компании всегда наготове, так же как и аэропланы. Мы ожидали волнений на континенте и в Америке. Но в Америке все спокойно. Там все довольны свержением Белого Совета. Так обстоят дела.

— Почему же вы ожидали там волнений? — внезапно спросил Грэхэм.

— Там есть много недовольных социальным устройством.

— Рабочей Компанией?

— Вы уже знаете? — удивился Острог. — Да, недовольны главным образом рабочие Компании. Недовольство рабочих, а также ваше пробуждение — вот причины нашей победы.

— Вот как!

Острог с улыбкой стал пояснять:

— Мы сами возбудили в них недовольство, мы сами воскресили старые мечты о всеобщем счастье: все равны, все должны быть счастливы, нет роскоши, доступной только немногим, — идеи эти были забыты в течение двух столетий. Они вам известны. Мы воскресили эти идеи, чтобы ниспровергнуть Белый Совет. А теперь...

— Что же теперь?

— Революция удалась, и Совета больше нет, но народ еще волнуется. Вряд ли можно ожидать кровопролития... Мы много обещали им, конечно... Поразительно, как быстро оживают и распространяются эти забытые социалистические идеи. Мы сами, посеявшие их семена, теперь удивляемся. Я уже говорил, что в Париже пришлось прибегнуть к оружию.

— А здесь?

— Тоже волнения. Массы не хотят вернуться к труду. Все бастуют. Половина фабрик опустела, и народ толпится на городских путях. Они толкуют о Коммуне. Люди, одетые в шелк и атлас, боятся показываться на улицах. Синий холст ждет от вас всеобщего счастья... Конечно, вам нечего тревожиться. Мы пустили в ход все Болтающие Машины и призываем к законности и к порядку. Надо крепко держать вожжи — только и всего.

Грэхэм задумался. Ему хотелось показать свою независимость, и он спросил:

— И вы прибегли к сенегальской полиции?

— Она очень полезна, — ответил Острог. — Это великолепные, весьма преданные нам животные. Они не отравлены никакими идеями, по крайней мере такими, как у нашей черни. Если бы Совету пришло в голову прибегнуть к ее помощи, исход восстания был бы сомнителен. Конечно, бояться нечего, — возмущение, бунт в худшем случае. Вы умеете управлять аэропилотом и мигом перенесетесь на Капри, если здесь начнутся беспорядки. У нас в руках все нити. Аэронавты богаты и пользуются привилегиями. Это самая сплоченная корпорация в мире, так же как и инженеры Управления Ветряных Двигателей. Мы властелины воздуха, а кто владеет воздухом, тот владеет землей. Все влиятельные лица на нашей стороне. У них нет ни одного выдающегося вождя, кроме вожаков небольших тайных обществ, которые мы организовали еще до вашего пробуждения. Но все эти вожаки — интриганы или сентиментальные дураки и враждуют друг с другом. Ни один из них не годится в вожди. Правда, может произойти плохо организованное восстание. Не стану скрывать — это вполне возможно. Но вы не должны из-за этого прерывать свои упражнения в воздухе. Прошли те времена, когда народ мог делать революцию.

— Возможно, что и так, — согласился Грэхэм. — Пожалуй, вы правы. — Он с минуту подумал. — Да, этот новый мир полон сюрпризов для меня. В мое время люди мечтали о демократии, о том, что наступит время всеобщего равенства и счастья.

Острог пристально посмотрел на него и сказал:

— Дни демократии миновали. Навсегда. Она расцвела в Греции еще в те времена, когда люди пользовались луком и стрелами, и отцвела с появлением регулярных армий, когда нестройные, неорганизованные массы потеряли всякое значение, когда главную роль в войне стали играть пушки, броненосцы и железнодорожные линии. Наш век — век капитала. Капитал теперь всемогущ. Он управляет и землей, и водой, и воздухом. Сила в руках у тех, кто владеет капиталом... Таковы факты, и вам следует с ними считаться. Мир для толпы! Толпа в роли верховного правителя! Уже в ваши времена принцип этот подвергался осуждению. Теперь в это верит только стадный человек, человек толпы.

Грэхэм ничего не ответил. Он стоял, мрачно задумавшись.

— Да, — продолжал Острог, — времена, когда простой человек имел значение, миновали. В деревне один человек равен другому или почти равен. Первоначально аристократия состояла из храбрых и смелых людей. Она была своевольна, дралась на дуэлях, поднимала междоусобицу. Собственно говоря, настоящая аристократия появилась с укрепленными замками и рыцарским вооружением и исчезла после изобретения мушкетов. Это была вторая аристократия. Век пороха и демократии был только переходным. В наше время механизм городского управления и сложная организация уже недоступны пониманию простого человека.

— Однако же, — возразил Грэхэм, — в вашем способе управления есть нечто возбуждающее недовольство, вызывающее протест и попытки восстания.

— Пустое, — возразил Острог, принужденно улыбаясь, — казалось, он хотел отстранить от себя этот неприятный разговор. — Поверьте, я не стану понапрасну возбуждать недовольство, которое может уничтожить меня самого.

— Странно, — произнес Грэхэм.

Острог пристально посмотрел на него.

— Неужели мир должен непременно идти этим путем? — спросил взволнованный Грэхэм. — Неужели нет другого? Неужели все наши надежды неосуществимы?

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Острог. — Какие надежды?

— Я сын демократического века. И вдруг встречаю аристократическую тиранию!

— Но ведь вы сами-то и есть главный тиран.

Грэхэм покачал головой.

— Хорошо, — сказал Острог, — рассмотрим вопрос по существу. Так всегда было и будет. Торжество аристократии — это победа сильного и гибель слабого, следовательно, переход к лучшему.

— Вы говорите: аристократия! Но этот народ, который я встречаю...

— О, не эти, — перебил его Острог. — Они осуждены на уничтожение. Порок и наслаждение! У них не бывает детей. Все они осуждены на вымирание. Назад возврата нет, раз мир вступил на этот путь. Излишества и, наконец, эвтаназия для всех искателей наслаждения, сгорающих в пламени, — вот путь для улучшения расы.

— Приятная перспектива! — воскликнул Грэхэм. — Но... — Он задумался на мгновение. — Но ведь есть же и другие. Толпа, масса простых, бедных людей. Что же, они должны тоже вымирать? Это возможно! Они страдают, и эти страдания даже вы...

Острог сделал нетерпеливое движение, и голос его зазвучал не так ровно, как прежде.

— Не беспокойтесь об этом, — сказал он. — Еще несколько дней — и все уладится. Толпа — это безумное животное. Что за беда, если люди толпы вымрут? А те, кто не вымрет, будут приручены, и их погонят, как скот. А я не люблю рабов. Вы слышали, как кричал и пел народ несколько дней назад? Они заучили песню, как попугаи. Спросите любого из них, когда он успокоится, о чем он кричал, и он не ответит вам. Они думают, что кричали из-за вас, выражали вам свою преданность. Вчера они были готовы растерзать Белый Совет. А сегодня уже ропщут на тех, кто его сверг.

— Нет, нет, — возразил Грэхэм, — они кричали потому, что жизнь их невыносима, безрадостна, потому что они... они надеялись на меня.

— На что же они надеялись? На что же они надеются теперь? И какое право они имеют надеяться? Работают они плохо, а требуют платы за хорошую работу. На что вообще надеется человечество? На то, что появится наконец сверхчеловек — высшая, лучшая порода людей, и низшие, слабые, полуживотные подчинятся им или будут истреблены. Подчинятся или будут истреблены! В мире нет места для гупцов, негодяев, неврастеников. Их долг — возвышенный долг! — умереть. Умереть от своей неприспособленности! Вот единственный путь — животному стать человеком, а человеку подняться на высшую ступень развития.

Острог задумался, потом продолжал, повернувшись к Грэхэму:

— Могу себе представить, как воспринимает наш мир человек девятнадцатого столетия. Вы жалеете о старых формах выборного правления, их призраки еще до сих пор волнуют умы, — все эти палаты народных представителей, парламенты и прочая дребедень девятнадцатого века. Вас ужасают наши Города Наслаждений. Я много думал об этом, но мне все некогда заняться этим вопросом. Вы думаете, что знаете больше нас. Народ обезумел от зависти, он вполне согласен с вами. Ведь на улицах уже требуют разрушения Городов Наслаждений. А ведь эти города являются как бы очистительным органом государства. Из года в год вбирают они в себя все отбросы, все, что только есть слабого и порочного, ленивого и похотливого во всем мире, для приятного уничтожения. Эти бездельники посещают их, наслаждаются и умирают, не оставляя потомства. Красивые, порочные женщины умирают бездетными, и это на пользу человечеству. Если бы народ был умнее, он не завидовал бы богатым развратникам. Вы хотите освободить безмозглых рабочих, которых мы обратили в рабство, и попытаться сделать для них жизнь легкой и приятной. Но они не заслуживают лучшей участи, — они больше ни на что не годны. — Он улыбнулся снисходительно, что рассердило Грэхэма. — Вы хотите учить нас. Я знаю ваши дни. В дни юности я читал вашего Шелли и мечтал о свободе. Но я пришел к заключению, что свободу дает только мудрость и самообладание, свобода внутри, а не вне нас. Она зависит от самого человека. Предположим невозможное: что эта разнузданная толпа безумцев в синем одолеет нас, — что тогда? Все равно найдутся другие господа. Раз есть овцы, будут и волки. Произойдет только задержка в развитии лет на сто.

Неизбежно снова возникнет аристократия. Несмотря на все безумства, в конце концов явится сверхчеловек. Пусть они восстают, пусть победят и уничтожат меня и таких, как я, — появятся новые владыки. Только и всего.

— Странно, — прошептал Грэхэм.

Он стоял, потупив глаза.

— Я должен видеть все это собственными глазами, — сказал он наконец тоном, не допускающим возражений. — Только тогда смогу я понять. Я должен как следует ознакомиться. Именно это я и хотел сказать вам, Острог. Я не хочу быть правителем Городов Наслаждений; это не для меня. Достаточно я потратил времени, занимаясь полетами и другими развлечениями. Я должен иметь понятие о вашей общественной жизни. Тогда я смогу во всем разобраться. Я хочу знать, как живет простой народ — рабочие главным образом, — как он работает, женится, растит детей, умирает...

— Вы можете узнать это у наших романистов, — сказал с озабоченным видом Острог.

— Я хочу изучать настоящую жизнь, — перебил его Грэхэм, — а не романы.

— Это довольно трудно, — ответил Острог и задумался. — Быть может...

— Я не ожидал...

— Подумаю... Что ж, это возможно. Вы хотите проехаться по городским путям и посмотреть на простой народ?

Вдруг он принял какое-то решение.

— Вам необходимо переодеться, — сказал он. — Город еще не успокоился, и открытое появление ваше может вызвать волнение. Желание ваше пройтись по городу, кажется мне... а впрочем, если вы настаиваете... Это вполне возможно. Только едва ли вы увидите что-либо интересное. Впрочем, вы Правитель Земли. Если хотите, отправляйтесь с утра. Костюм для прогулки может приготовить Асано. Он и пойдет с вами. В конце концов это недурная мысль.

— Что вы еще хотели сообщить мне? — насторожился Грэхэм.

— О, решительно ничего. Полагаю, что вы можете доверить на время вашего отсутствия все дела мне, — сказал, улыбаясь. Острог. — Если даже мы и расходимся...

Грэхэм устремил на него пронизательный взгляд.

— Вы не ожидаете никаких осложнений? — спросил он неожиданно.

— Никаких.

— Я все думаю об этих неграх-полицейских. Я не верю, чтобы народ замышлял что-нибудь против меня, я ведь как-никак Правитель Земли. Я не хочу, чтобы в Лондон вызывали африканскую полицию. Быть может, это устарелый взгляд, предрассудок, но я придерживаюсь определенного мнения о европейцах и о порабощенных народах. Даже в Париж...

Острог стоял, наблюдая за ним из-под нахмуренных бровей.

— Я не собираюсь вызывать негров в Париж, — сказал он вполголоса. — Но если...

— Вы не должны вызывать в Лондон африканскую полицию, что бы ни случилось, — сказал Грэхэм. — Этого я не допущу.

Острог ничего не ответил и почтительно склонился.

20. На городских путях

В ту же ночь, переодетый в костюм низшего служащего Управления Ветряных Двигателей, в сопровождении одного только Асано, в синей форме Рабочей Компании, Грэхэм отправился в город, где несколько дней назад он бродил в темноте, никем не признанный. Теперь город был залит светом и кипел жизнью. Несмотря на недавнюю революцию и всеобщее недовольство, несмотря на глухое брожение в народе, предвещавшее новое, еще более грозное восстание, люди были заняты разнообразными коммерческими делами.

Хотя Грэхэм уже ознакомился с размахом дел в новом веке, то, что он увидел, поразило и ошеломило его. Его захлестнул бурный поток новых впечатлений.

Впервые за эти дни он так близко соприкоснулся с народом. Грэхэму было ясно, что хотя он и заглядывал в театры и на рынки, все же до сих пор ему приходилось вращаться лишь в замкнутом кругу высшего общества и высокий сан изолировал его от народа. Теперь же он увидел город, кипящий вечерней суетою, город, живущий своей обычной, будничной жизнью.

Сначала они попали на улицу, где бежавшие им навстречу пути были забиты людьми в синей форме. По-видимому, это была какая-то процессия, хотя было странно, что все ее участники сидели. Они держали знамена из грубой красной материи с косо намалеванным лозунгом «Долой разоружение!». Орфография была самая фантастическая.

«Зачем хотят нас разоружать?.. Долой разоружение!» — читал Грэхэм на знаменах.

Целый лес знамен пронесся мимо него под пение революционного гимна и оглушительные звуки каких-то странных инструментов.

— Все они должны быть на работе, — сказал Асано. — Последние два дня они или ничего не ели, или добывали еду воровством.

Асано свернул в сторону, чтобы не попасть в толпу, глазевшую на траурную процессию из больницы к кладбищу, — похороны жертв первой революции.

В эту ночь почти никто не спал, все высыпали на улицу. Грэхэма окружала возбужденная, постоянно менявшаяся толпа; его оглушили эти крики и возгласы недовольства, доказывавшие, что социальная борьба только еще начинается. Черные полотнища и причудливые украшения свидетельствовали, что популярность его по-прежнему огромна. Повсюду он слышал грубый жаргон простонародья, незнакомого с фонографами. Атмосфера, казалось, была насыщена горячим недовольством по поводу разоружения, о чем он даже не подозревал в апартаментах Управления Ветряных Двигателей. Он решил, что немедленно по возвращении должен поговорить обо всем этом с Острогом более решительно, чем раньше. В течение всей ночи, даже в первые часы путешествия по городу, этот царивший повсюду дух возмущения поражал его и мешал ему заметить многое новое, что, несомненно, заинтересовало бы его. Поэтому его впечатления были несколько сумбурны.

Даже самая сильная личность не может не подчиниться влиянию необычной обстановки. Порой Грэхэм даже забывал о революционном движении, поглощенный другими впечатлениями. Элен пробудила в нем горячий интерес к социальным проблемам, но были моменты, когда он переставал о ней думать, весь уйдя в созерцание городской жизни. Так, например, он обратил внимание на религиозный квартал, где были сосредоточены все церкви и часовни, посетить которые можно было в любой момент благодаря быстроте передвижения.

Они сидели на платформе одного из самых быстрых верхних путей, и Грэхэм заметил на повороте быстро приближающийся к ним фасад здания одной из христианских сект. Фасад был сверху донизу испещрен белыми и голубыми надписями. На середине фасада был ярко освещенный экран — на нем передавались с реалистическими подробностями сцены из Нового завета. Обширные плакаты с надписями на черном фоне доказывали, что и религия пользуется рекламой. Грэхэм был уже знаком с фонетическим способом письма и прочел надписи, показавшиеся ему прямо кощунственными: «Спасение в третьем этаже, повернуть направо», «Отдайте деньги вашему хозяину — богу», «Самое быстрое обращение в Лондоне,

самые искусные операторы. Спешите, спешите!», «Что сказал бы Христос Спящему? Почитайте современных святых!», «Христианская религия не мешает быть деловым человеком», «Сегодня проповедь самых лучших епископов, цены обычные», «Быстрое выполнение треб для занятых деловых людей».

— Как это ужасно! — сказал Грэхэм, пораженный таким торгашеским благочестием.

— Что ужасно? — спросил маленький японец, не понимая, в чем дело, — этот балаган был для него самым обычным явлением.

— Эти надписи. Ведь сущность религии — благоговение.

— Ах, вот в чем дело! — Асано с удивлением взглянул на Грэхэма. — Вас шокируют эти надписи? В самом деле. Я совсем позабыл. В наше время так сильна конкуренция и люди так заняты, у них нет времени, чтобы заботиться о своей душе. — Он улыбнулся. — В старину у вас была суббота и потом еще поездки за город. Хотя мне и приходилось читать, что по воскресеньям...

— Но это возмутительно, — перебил его Грэхэм, глядя на белые и голубые надписи. — А между тем это, видимо, очень в ходу...

— Есть сотни различных способов. Но, конечно, если секта не рекламирует себя, то у нее нет доходов. Религия сильно изменилась за это время. Здесь находятся секты высших классов, где все к услугам посетителей. Дорогие курения, индивидуальный подход и тому подобное. Они популярны и преуспевают. Они платят немало дюжин львов за эти помещения Белому Совету, то есть вам, хотел я сказать.

Грэхэм был еще плохо знаком с новой монетной системой, и его заинтересовало сообщение о дюжинах львов. Храмы с рекламными надписями и комиссионерами отодвинулись на задний план. Он узнал от Асано, что золото и серебро больше не употребляются для чеканки монет, что штампованное золото, царство которого началось еще в Финикии, наконец развенчано. Это произошло вследствие быстрого распространения чеков, которые еще в девятнадцатом столетии почти вытеснили золото во всех крупных сделках.

Обычная городская торговля, все уплаты производились чеками на предъявителя — печатными бланками бурого, зеленого и розового цвета. У Асано было много таких чеков и при первом же размене стало еще больше. Они печатались не на бумаге, которая легко рвется, а на полупрозрачной шелковистой материи.

На каждом чеке было факсимиле подписи Грэхэма, и он через двести три года снова увидел свой автограф.

Кругом не было ничего особенно примечательного, и Грэхэм снова стал думать о предстоящем разоружении.

Они миновали мрачный храм теософов, на фасаде которого огненные мерцающие буквы обещали «Чудеса», и увидели на Нортумберлэнд-авеню общественные столовые, которые заинтересовали Грэхэма.

Благодаря энергии и ловкости Асано им удалось осмотреть эти залы с небольшой закрытой галереи, где обычно обедали официанты.

В здании стоял не то крик, не то гул. Грэхэм не мог уловить отдельных слов, но что-то напоминало ему тот таинственный голос, который он слышал на освещенных улицах во время своих ночных скитаний.

Хотя он успел уже привыкнуть к большим скоплениям народа, зрелище надолго приковало его внимание. Он наблюдал за обедавшими внизу людьми, расспрашивая Асано, и наконец понял, что значит это кормление нескольких тысяч человек сразу.

Уже неоднократно он с удивлением замечал, что значение какого-нибудь факта становилось ему ясным не сразу, но лишь когда он узнавал целый ряд второстепенных деталей. Так, например, ему до сих пор не приходило в голову, что этот огромный, защищенный от перемен погоды город, эти залы, движущиеся пути свели на нет домашнее хозяйство, что типичный старый дом викторианской эпохи — маленькая кирпичная ячейка с кухней, чуланом, жилыми комнатами и спальней — сохранился разве только в старых руинах. Только теперь он осознал, что Лондон представляет собой не скопление отдельных домов, а грандиозный отель с тысячами номеров, ресторанов, часовен, театров, рынков и общественных залов, которые почти все принадлежат ему, Грэхэму. Сохранились еще отдельные спальни, быть может, даже квартирки в две комнаты, комфортабельно оборудованные, но обитатели их живут так же, как постояльцы гигантских отелей викторианского времени: они обедают, читают, размышляют, играют и разговаривают в общественных помещениях, а работают в промышленных и служебных кварталах.

Он понял, что такое положение вещей явилось неизбежным результатом развития общественной жизни. Преимущество городской

жизни — большая организованность. Но раньше слиянию отдельных домохозяйств мешал недостаток культуры, суровая варварская гордость, страсти, предрассудки, ревность, соперничество и подавление средних и низших классов. Однако уже в его времена начался общественный прогресс, народ быстро стал приобретать культурные навыки.

Грэхэм прожил в девятнадцатом веке всего каких-нибудь тридцать лет, но уже при нем начала укореняться привычка питаться вне дома; маленькие, похожие на стойло, кафе заменили великолепные просторные рестораны, переполненные посетителями; появились женские клубы, все больше становилось читален, библиотек, мест отдыха, что свидетельствовало о стремлении людей к широкому общению друг с другом. Теперь эти семена дали пышные всходы. Индивидуальное, изолированное хозяйство мало-помалу совсем исчезло.

Люди внизу, как он узнал, принадлежали к небогатому сословию и стояли лишь ступенью выше тружеников в синей форме, к тому сословию, представители которого в викторианскую эпоху настолько привыкли уединяться в часы еды, что, когда им приходилось обедать на виду у всех, они становились нарочито развязными и воинственными, чтобы скрыть смущение. Но эти пестро и легко одетые люди, несмотря на живость движений, торопливость и необщительность, отличались изысканными манерами и уж, во всяком случае, обращались друг с другом очень непринужденно.

Грэхэм заметил, что столы после обеда оказывались совершенно чистыми: ни разбросанных хлебных кусков, ни пятен от жаркого или соуса, ни пролитых напитков, ни сдвинутых с места горшков с цветами, как это бывало во времена королевы Виктории. Сервировка стола сильно изменилась. Не видно было ни украшений, ни цветов, ни скатертей. Как ему объяснили, крышка стола была сделана из весьма твердого материала, с виду напоминающего атлас, и вся испещрена красивыми рекламами.

В небольшом углублении против каждого обедающего помещался аппарат из фарфора и металла. Фарфоровая белая тарелка не сменялась в течение всего обеда. Обедающий нажимал на кнопку, подавалась горячая и холодная вода, и он сам мыл тарелку, а также красивый нож, вилку и ложку, сделанные из белого металла.

Суп и искусственное химическое вино — общеупотребительный напиток — также подавались нажатием кнопки, а кушанья на красивых блюдах автоматически передвигались вдоль стола по серебряным рельсам. Обедующий останавливал любое кушанье и брал сколько хотел. Люди входили в небольшую дверь у одного конца стола и выходили у другого конца. Грэхэм заметил, что среди этих людей очень сильна отвратительная лакейская гордость, наследие упадка демократии, когда равные стыдятся услужить друг другу. Он так был заинтересован всеми этими мелочами, что только при выходе из помещения заметил громадные диорамы различных объявлений, медленно передвигающиеся вдоль стены.

Покинув столовую, Грэхэм и Асано перешли в большой зал, где было множество народа, и Грэхэм обнаружил источник странного шума, так его озадачившего. Они остановились у турникета, где уплатили за обед.

Грэхэм услышал громкий, резкий голос:

«Правитель Земли спит спокойно, чувствует себя превосходно. Остаток жизни он собирается посвятить полетам. Он утверждает, что наши женщины прекрасны. Алло! Слушайте, слушайте! Наша чудесная цивилизация поразила его. Он доверяет вождю Острогу. Полное доверие Острогу. Алло! Острог будет его главным министром. Всем управляет Острог. Советники будут заключены в тюрьму под домом Белого Совета...»

Грэхэм остановился как вкопанный. Взглянув вверх, он увидел раструб огромной трубы, откуда вылетали звуки. Это была Машина Новостей. Казалось, она запнулась и переводила дыхание, ее металлическое тело сотрясало ритмической дрожью; потом она снова заревела:

«Алло, алло! Слушайте, слушайте! В Париже всякое сопротивление сломлено. Алло! Черная полиция заняла все важнейшие позиции в городе. Она сражалась храбро, распевая древние песни поэта Киплинга. Раз или два она вышла из повиновения, добивала раненых и мучила взятых в плен инсургентов, мужчин и женщин. Мораль: не следует бунтовать. Алло, алло! Они славные ребята. Пусть это будет уроком для всех слушников и бунтовщиков нашего города, отбросов земли! Алло, алло!..»

Голос замолк. В толпе послышался глухой ропот негодования.

— Проклятая полиция! — воскликнул кто-то рядом. — Вот как поступает наш Правитель Земли! Неужели, братья, он хочет сделать то же и с нами?

— Черная полиция! — вырвалось у Грэхэма. — Что такое? Вы хотите сказать...

Асано схватил его за руку и остановил. Снова неприятным, пронзительным голосом заговорила другая машина:

«Яхаха, яхаха! Слушайте! Слушайте живую газету. Яхаха! Ужасные зверства в Париже. Яхаха! Парижане до такой степени раздражены черной полицией, что готовы уничтожить ее. Ужасные репрессии. Возвратились времена варварства! Кровь, кровь! Яха!»

«Алло, алло! — дико и оглушительно зарычала ближайшая Болтающая Машина, заглушая своим ревом последние слова. — Законность и порядок должны быть восстановлены».

— Но... — начал было Грэхэм.

— Не спрашивайте меня здесь, — остановил его Асано шепотом, — иначе мы попадем в неприятную историю.

— Так выйдем отсюда куда-нибудь. Я хочу знать.

Пробираясь к выходу через возбужденную толпу слушателей, Грэхэм успел заметить, что зал был очень обширен. Здесь было около тысячи больших и малых громкоговорителей, ревущих, вопящих, бормочущих, болтающих, и около каждого стояла кучка возбужденных слушателей, почти все в синей форме. Машины были разных размеров, начиная с небольшого аппарата в углу, визгливо выкрикивающего всякие сарказмы, и кончая пятидесятифутовым гигантом, который встретил Грэхэма своим чудовищным ревом.

Зал был переполнен, все интересовались положением дел в Париже. Очевидно, борьба там была более ожесточенной, чем рассказывал Острог.

Все машины говорили об этом, и толпа гудела, как пчелиный улей, выкрикивая отдельные фразы: «Линчевать полицию!», «Заживо сожженные женщины», «Какие ужасы!». «Но как же он допускает это?» — спросил кто-то совсем близко. «Вот как начинает он свое правление!»

Вот как начинает он свое правление? Они вышли из зала, но до них все еще доносился гул, свист, рев и завывание машин:

«Алло! Алло! Яхаха! Ях! Яха!» Вот как начинает он свое правление!

На движущихся улицах Грэхэм начал расспрашивать Асано о парижских событиях.

— Как обстоит дело с разоружением? Почему волнения? Что это значит?

Асано начал было его уверять, будто все обстоит благополучно.

— Но эти зверства!

— Нельзя приготовить яичницы, — сказал Асано, — не разбив яиц. Ведь это простонародье. И только в одной части города. В других все спокойно. Парижские рабочие самые отчаянные, кроме разве наших.

— Как! Лондонских?

— Нет, японских. Их надо держать в повиновении.

— Но сжигать заживо женщин...

— Ничего не поделаешь... Коммуна! — сказал Асано. — Они хотят ограбить вас. Они хотят уничтожить собственность, хотят отдать мир во власть толпы. Вы Правитель Земли, мир принадлежит вам. Но здесь не хотят Коммуны. Здесь не потребуется вмешательства чернокожей полиции. Им всячески пошли навстречу. В Париж вызвано несколько полков сенегальцев и негров из Тимбукту.

— Как несколько? — удивился Грэхэм. — Я слышал, что только один.

— Нет, — сказал Асано и посмотрел на Грэхэма, — там было несколько.

Грэхэм был поражен.

— Я не думал... — начал было он и вдруг замолчал. Потом он переменял тему и стал расспрашивать о Болтающих Машинах.

В зале толпились по большей части бедно одетые и даже оборванные люди. Асано объяснил, что у представителей высшего общества почти в каждом помещении имеются свои Болтающие Машины, которые приводят в действие, нажимая рычаг. Их по желанию можно соединить с кабелем любого синдиката новостей. Грэхэм спросил, почему нет этих машин в его апартаментах.

Асано запнулся.

— Не знаю. Вероятно, Острог велел их убрать.

— Зачем? — удивился Грэхэм.

— Может быть, он боялся, что они будут беспокоить вас.

— Они должны быть снова поставлены на свое место, как только мы вернемся, — заявил Грэхэм после минутного раздумья.

Грэхэму трудно было поверить, что столовая и комната новостей не являются центральными учреждениями и что их очень много в городе. Но, скитаясь по разным кварталам, он неоднократно слышал в грохоте улиц рев громкоговорителей Острога: «Алло! Алло!», — или пронзительные выкрики: «Яхаха, яха, ях! Слушайте живую газету!» — голос его соперников.

Повсюду можно было увидеть детские ясли вроде тех, которые ему показали. Они поднялись туда на лифте и прошли вверх по стеклянному мостику, через столовую. Перед входом Асано должен был предъявить пропуск с подписью Грэхэма. К ним немедленно приставили человека в лиловом одеянии с золотой застежкой — значком практикующих врачей. По тому, как с ним обращались, Грэхэм заметил, что инкогнито его раскрыто, и, не стесняясь, стал расспрашивать об устройстве этого учреждения.

По обе стороны коридора, устланного толстыми дорожками, заглушавшими шаги, тянулся ряд небольших узких дверей, похожих на двери тюремных одиночек. Верхняя часть их была сделана из того же зеленого прозрачного состава, который увидел Грэхэм при своем пробуждении. В каждой камере, в ватном гнезде, лежало по грудному ребенку; их было трудно разглядеть сквозь окно. Сложный аппарат регулировал температуру, влажность воздуха и механическим звонком сообщал в центральное управление обо всех отклонениях от нормы. Система таких яслей совершенно вытеснила старомодный рискованный способ выкармливания. Врач обратил внимание Грэхэма на механических кормилиц с искусственными, прекрасно сделанными руками, плечами и грудью, но с медными треножниками вместо ног и с плоским диском вместо лица, где были наклеены необходимые для матерей объявления.

Из всех чудес этой ночи больше всего поразили Грэхэма ясли. Его отпугивал вид этих крошечных, беспомощно барахтавшихся розовых существ, одиноких, не знающих материнской ласки.

Но сопровождавший его доктор держался другого мнения. Статистика доказала, что во времена королевы Виктории самым опасным периодом в жизни ребенка был период кормления грудью и

что детская смертность была ужасающей, тогда как Международный Синдикат Яслей терял не больше одного процента из миллиона младенцев, находившихся на его попечении. Но даже эти цифры не могли разубедить Грэхэма.

В одном из коридоров, у одной из камер, он заметил молодых супругов в синей форме. И муж и жена истерически хохотали, смотря сквозь прозрачную перегородку на лысую головку своего первенца. Вероятно, по лицу Грэхэма они поняли, что он подумал о них, — они перестали смеяться и смутились. Этот маленький инцидент еще больше подчеркнул пропасть, существовавшую между ним и новым веком. Взволнованный и возмущенный, прошел он вслед за своим провожатым во второе отделение — для детей, уже начинающих ползать, и затем в детский сад. Бесконечные комнаты для игр были совершенно пусты. Значит, дети по-старому спят по ночам. Японец мимоходом обратил его внимание на игрушки, представлявшие, впрочем, лишь дальнейшее развитие идей вдохновенного сентименталиста Фребеля. Здесь уже были няньки, но многое выполнялось машинами, которые пели, плясали и укачивали.

Грэхэму, однако, не все было понятно.

— Как много сирот! — пожалел он, невольно впадая в ошибку, и во второй раз ему сказали, что это вовсе не сироты.

Когда они вышли из яслей, он с возмущением начал говорить о малютках, которых выращивают искусственно в инкубаторах.

— А где же материнское чувство? — говорил он. — Или это было ложное чувство?.. Нет, материнское чувство основано на инстинкте. А это так противоестественно, так ужасно!..

— Отсюда мы пройдем в танцевальный зал, — перебил его Асано. — Там, наверное, масса народу, несмотря на политические волнения. Наши женщины не слишком интересуются политикой. Впрочем, бывают иногда исключения. Там вы увидите матерей, в Лондоне большинство молодых женщин — матери. У нас обыкновенно имеют одного ребенка; это считается необходимым доказательством жизнеспособности. Матери очень гордятся своими детьми и часто приходит сюда взглянуть на них. Вот вам и материнское чувство!

— Так, значит, население земного шара...

— Убывает? Да. Стихийно размножаются только люди Рабочей Компании. Они так беспечны...

Послышались звуки танцевальной музыки. Из прохода с рядами великолепных колонн, по-видимому, из чистого аметиста, доносились веселые крики и смех. Он увидел завитые волосы, венки, счастливые подкрашенные лица.

— Мир изменился, — слегка улыбнулся Асано. — Сейчас вы увидите матерей новой эры... Идемте сюда. Мы посмотрим на них сверху.

Они поднялись на быстром лифте, сменив его потом на более медленный. Музыка становилась все громче и оживленней, и, поднимаясь под ее аккомпанемент, они слышали топот танцующих. Заплатив за вход у турникета, они поднялись на широкую галерею, возвышавшуюся над танцевальным залом, над этой феерией света и звуков.

— Здесь матери и отцы тех малюток, которых вы только что видели, — сказал Асано.

Зал не был так роскошно украшен, как зал Атласа, но по размерам превосходил все помещения, какие только видел Грэхэм. Прекрасные мраморные кариатиды, поддерживавшие на своих плечах галерею, еще рад напомнили ему о возрождении скульптуры в новом веке; они изгибались, как живые, и улыбались. Музыка, доносившаяся неизвестно откуда, наполняла зал, блестящий гладкий пол был усеян танцующими парами.

— Взгляните на них, — сказал маленький японец. — Как видите, они мало думают о своих материнских обязанностях.

Галерея, на которой они стояли, тянулась вдоль верхнего края огромного экрана, отделявшего танцевальный зал от другого, наружного, с широкими открытыми арками, за которыми виднелись движущиеся платформы улиц. Во втором зале тоже теснилась толпа, одетая менее блестяще, большей частью в синей форме Рабочей Компании, хорошо знакомой Грэхэму. Слишком бедные, чтобы попасть за турникет на бал, они слушали соблазнительные звуки музыки. Некоторые бедняки, расчистив себе место, отплясывали, размахивая своими лохмотьями. При этом они выкрикивали грубые шутки, которых Грэхэм не понимал. В темном углу начали было

насвистывать припев революционного гимна, но внезапно остановились.

В темноте Грэхэм не мог рассмотреть, что там произошло.

Он опять повернулся к танцевальному залу. Над кариатидами выселись мраморные бюсты тех, кого новый век признавал, очевидно, своими учителями и пионерами. Их имена по большей части были незнакомы Грэхэму, но все же он узнал Грант-Аллена, Ле-Галльена, Ницше, Шелли и Годвина. Черная драпировка еще резче оттеняла огромную надпись под самым потолком: «Фестиваль пробуждения». Фестиваль, очевидно, был в полном разгаре.

— Мириады людей оставили работу и празднуют ваше пробуждение, — сказал Асано. — Я не говорю, конечно, о бастующих рабочих. Эти всегда готовы праздновать.

Грэхэм подошел к парапету и, наклонившись, стал смотреть вниз на танцующих. На галерее были только он, да его провожатый, да две-три нежные парочки, шептавшиеся по углам. Снизу подымалась теплая волна ароматов и испарений. И женщины и мужчины были очень легко одеты, с обнаженными руками, с открытой шеей, так как город был защищен от холода. Некоторые мужчины бритые, нарумяненные, носили длинные локоны, многие женщины отличались красотой, и все они были одеты с утонченным кокетством. Они танцевали с упоением, полузакрыв глаза.

— Что это за люди? — спросил Грэхэм.

— Рабочие, привилегированные рабочие, или, по-вашему, среднее сословие. Торговцы и ремесленники уже давно исчезли. А это торговые служащие, техники, инженеры всяких специальностей. Сегодня праздник, и все танцевальные залы и религиозные учреждения переполнены.

— А женщины?

— Тоже работают. Для женщин много самой разнообразной работы. В ваше время женщины только что начинали самостоятельно работать. Теперь же большинство женщин работает. Почти все они замужем так или иначе, у нас имеются разные формы брака. Это дает им средства веселиться.

— Вижу, — сказал Грэхэм, глядя на раскрасневшиеся лица в круговороте танцев и с ужасом вспоминая беспомощные розовые тельца малюток. — И это все матери?..

— Да, большинство.

— Чем больше я наблюдаю, тем сложнее кажутся мне проблемы вашей жизни. Это такая же новость для меня, как сообщение из Парижа.

Помолчав, он снова заговорил:

— Все это матери... Когда-нибудь, надеюсь, я усвою современные взгляды. У меня старые предрассудки, порожденные, вероятно, старыми потребностями, которые уже отжили свой век. В наше время женщины не только рожали детей, но и заботились о них, воспитывали их. Ребенок был обязан матери своим нравственным воспитанием и образованием. Или же он совсем не получал воспитания. Правда, тогда были беспризорные дети, теперь же, очевидно, больше нет надобности в материнском уходе. Дети вырастают, как куколки бабочки. Все это хорошо, но у нас был идеал самоотверженной женщины, скромной и молчаливой, домашней хозяйки, женщины-матери. У нас была любовь к матери, переходившая в обожание...

Он остановился, потом повторил:

— Да, своего рода обожание...

— Идеалы меняются, — заметил Асано, — по мере того, как возникают новые потребности.

Ему пришлось повторить свои слова, так как погрузившийся в раздумье Грэхэм не сразу вернулся к действительности.

— Может быть, это разумно. Воздержание, самоограничение, вдумчивость, самоотверженность были нужны в эпоху варварства, когда жизнь подвергалась опасностям. Человек был смел перед лицом непобежденной природы. Но теперь он покорила природу для своих практических целей. Политикой управляет Острог с черной полицией, люди же развлекаются.

Он снова посмотрел на танцующих.

— Развлекаются...

— И у них бывают тяжелые минуты, — сказал маленький японец.

— Они все выглядят молодыми. Я здесь, конечно, самый старший. А в свое время я считался человеком средних лет.

— Это все молодежь. В наших городах мало стариков среди представителей этого класса.

— Почему?

— Жизнь старика в наше время не очень-то приятная, если он не может нанять сиделок и любовниц. У нас существует так называемая эвтаназия.

— А! Эвтаназия! — сказал Грэхэм. — Другими словами, легкая смерть?

— Да, легкая смерть. Последнее удовольствие. Компания Эвтаназии отлично это делает. Вы вносите плату (это стоит довольно дорого), затем отправляетесь в Города Наслаждений и возвращаетесь истомленным, больным.

— Многое мне пока еще непонятно, — заметил Грэхэм. — Но во всем этом есть своя логика. Наша броня суровой добродетели, жестоких ограничений являлась следствием опасности и риска. Но уже в наше время стойки и пуритане стали редкостью. Раньше человек избегал страданий, теперь же ищет наслаждений. Вот и вся разница. Цивилизация изгнала страдание и опасность, по крайней мере для обеспеченных людей. А ведь у вас только обеспеченные имеют значение. Я проспал целых двести лет.

С минуту, облокотясь на балюстраду, они молча любовались сложными фигурами танца. Действительно, зрелище было великолепное.

— Ей-богу, — сказал вдруг Грэхэм, — я предпочел бы умирать от ран в снегу, чем стать одним из этих наруганных глупцов.

— В снегу вы, вероятно, одумались бы, — возразил Асано.

— Я недостаточно цивилизован, — продолжал Грэхэм, не слушая его, — и в этом все мое несчастье. Я дикарь каменного века. А у этих людей уже иссяк источник гнева, страха и негодования. Они привыкли вести веселую жизнь и не знают забот. Вы должны примириться с моими предрассудками и возмущением человека девятнадцатого столетия. Эти люди, — говорите вы, — привилегированные рабочие, и они танцуют, когда другие сражаются и умирают в Париже ради того, чтобы они могли веселиться.

Асано слегка улыбнулся.

— В Лондоне тоже за это умирают.

Наступило молчание.

— А где они спят? — спросил Грэхэм.

— Выше и ниже этого зала все помещения набиты людьми, как крольчатник кроликами.

— Не сладко же им живется! А где они работают?

— Сегодня ночью вы вряд ли кого увидите на работе. Половина рабочих или шляется без дела, или вооружена. А остальные празднуют. Но если хотите, мы осмотрим места работы.

Грэхэм взглянул на танцующих, потом отвернулся.

— Довольно с меня. Я хочу видеть рабочих, — сказал он.

Асано повел его по галерее, пересекавшей танцевальный зал, к проходу, откуда потянуло свежим, прохладным воздухом. Он обернулся с улыбкой и сказал Грэхэму:

— Сир, вы сейчас увидите кое-что вам знакомое... Нет, лучше я вам ничего не буду говорить. Идемте!

И он пошел вперед по крытому холодному проходу. По звуку шагов Грэхэм догадался, что они идут по мосту. Они прошли через кольцевую остекленную галерею в круглую комнату, которая показалась Грэхэму знакомой, хотя он и не мог припомнить, когда здесь был. В комнате стояла приставная лестница; впервые после своего пробуждения Грэхэм увидел лестницу. Они поднялись по ней в холодное, темное, высокое помещение, где находилась другая такая же почти вертикальная лестница. Грэхэм все еще не мог вспомнить, но когда они поднялись наверх по второй лестнице, он узнал старинную металлическую решетку. Он находился на куполе собора святого Павла. Собор немного возвышался над городской кровлей, его купол отливал маслянистым блеском в лучах далеких огней; очертания зданий расплывались в окрестном мраке.

Сквозь решетку он поглядел на безоблачное северное небо и узнал знакомые с детства созвездия. На западе мерцала Капелла. Вега только еще поднималась, а над головой сверкали семь ярких звезд Большой Медведицы, по-прежнему медленно вращавшихся вокруг полюса.

Созвездия ярко сияли на безоблачном небе. Но на востоке и на юге их заслоняли гигантские круглые тени вращавшихся ветряных двигателей, закрывавшие даже сверкающее огнями здание Белого Совета. На юго-западе за сплетениями проводов над изломанной линией крыш бледным призраком выглядывал Орион. Вой сирены с аэродрома возвещал о том, что аэропланы готовятся к отлету.

С минуту Грэхэм смотрел на огни аэродрома, потом снова взглянул на звезды. Он долго молчал, потом сказал, улыбаясь в

темноте.

— Как это удивительно! Я снова стою на куполе святого Павла и вижу эти знакомые безмолвные звезды.

Асано повел его лабиринтами переходов в торговые, деловые кварталы, где спекулянты наживали и теряли огромные состояния. Грэхэм увидел бесконечный ряд высоких залов с ярусами галерей, куда выходили тысячи контор, с десятками мостов, переходов, с целой сетью воздушных рельсовых путей, трапещий и кабелей. Здесь бился пульс деловой жизни, спешной, лихорадочной работы. Повсюду рябили крикливые рекламы, утомляя глаза пестротой красок и огней. Болтающие Машины наполняли воздух резкими выкриками на грубом жаргоне: «Разуй глаза — не проходи мимо!», «Не зевай, загребай золото!», «Эй вы, слушайте!»

Повсюду толпился народ, занятый какими-то махинациями. Грэхэм узнал, что сейчас здесь сравнительно тихо, так как за последние дни политические волнения снизили до небывалого минимума число коммерческих сделок. Один огромный зал был весь уставлен столами с рулеткой. Вокруг теснилась возбужденная, крикливая толпа. В другом зале стоял невероятный галдеж: бледные женщины и мужчины с надувшимися от напряжения бычьими шеями покупали и продавали акции какого-то фиктивного предприятия, выдававшего каждые пять минут дивиденд в десять процентов и погашавшего часть своих акций при помощи лотерейного колеса.

Во все эти операции вкладывалось столько энергии, что казалось, вот-вот начнется общая свалка. Грэхэм заметил густую толпу и посредине ее двух почтенных коммерсантов, которые яростно ругались и готовы были вцепиться друг другу в горло. Очевидно, в жизни еще оставались какие-то поводы для борьбы. Дальше Грэхэма поразило огромное, объявление, горевшее кроваво-красным пламенем букв, каждая из которых была вдвое больше человеческого роста: «Мы гарантируем Хозяина. Мы гарантируем Хозяина».

— Какого хозяина? — спросил он.

— Вас.

— Почему же меня гарантируют?

— Разве в ваше время не было гарантирования?

Грэхэм подумал.

— Вы хотите сказать, страхования?

— Ну да, страхования... Так это называлось в старину. Страхуется ваша жизнь. Полисы раскупаются, на вас ставят мириады львов. Потом другие покупают векселя. Это та же игра. Играют и на других — на всех известных людей. Посмотрите!

Толпа отхлынула с ревом, и Грэхэм увидел, что большой черный экран загорелся пурпурной надписью еще больших размеров:

«Годовая пятипроцентная рента на Хозяина».

Рев усилился. Несколько человек, запыхавшихся, с дико вытаращенными глазами, хватая воздух хищно скрюченными пальцами, пробежали мимо. У тесного входа началась давка.

Асано наскоро сделал подсчет.

— Семнадцать годовых процентов на сто. Наверное, они не стали бы так много платить, если бы увидели вас сейчас, сир. Но они не знают. Прежде проценты, получаемые за вас, были верным делом, но теперь, разумеется, это только азартная игра, безнадежное дело. Сомневаюсь, чтобы они выручили свои деньги.

Толпа желающих приобрести ренту так сжала их, что они не могли двинуться ни взад, ни вперед. Грэхэм заметил очень много женщин среди спекулянтов и вспомнил слова Асано об экономической независимости прекрасного пола. Женщины не боялись давки и очень ловко работали локтями, в чем ему пришлось убедиться на собственных боках. Одна интересная особа с кудряшками на лбу, затертая в толпе в двух шагах от него, сперва пристально посмотрела на Грэхэма, словно узнавая его, затем протиснулась поближе, толкнула его плечом и взглядом, древним, как Халдея, дала ему понять, что он ей нравится. Скоро между ними вклинился седобородый, высокий и худой старик, весь в поту, позабывший обо всем на свете, кроме сверкающей приманки «Х 5 пр. Д».

— Уйдемте отсюда, — заявил Грэхэм. — Не для того я вышел на улицы. Покажите мне рабочих. Я хочу видеть людей в синей форме. А это сумасшедшие паразиты...

Но тут Грэхэма так стиснули, что его многообещающая сентенция осталась незаконченной.

21. Рабочие подземелья

Из делового квартала они отправились на движущихся платформах в отдаленную часть города, где были сосредоточены фабрики. Платформы дважды пересекли Темзу и поднялись на широкий виадук, переброшенный через одну из больших северных дорог. Впечатление от этих переездов было беглое, но яркое. Внизу тянулась широкая блестящая полоса темной морской воды, река протекала под арками здания и исчезала во мраке, пронизанном редкими огнями. Ряд темных барок с людьми в синей форме плыл к морю. Дорога казалась длинным, очень широким и высоким туннелем, вдоль которого бесшумно и быстро двигались громадные колеса машин. И здесь тоже преобладала синяя форма Рабочей Компании. Грэхэм поразили плавность движений двойных платформ и величина и легкость огромных пневматических колес по сравнению с вагонами. Он обратил внимание на один узкий высокий вагон с продольными металлическими перекладинами, на которых были подвешены сотни бараньих туш. Внезапно край арки заслонил от него это зрелище.

Они сошли с движущейся платформы и спустились на лифте в наклонный проход, где пересели в другой лифт. Здесь вид резко изменился. Исчезли все архитектурные украшения, убавилось освещение, а здания по мере приближения к фабричным кварталам становились все массивнее. Но повсюду — в пыльных гончарных мастерских, возле механизмов, размалывавших полевой шпат, на сталелитейных заводах, среди озер расплавленного идемита, — повсюду виднелись мужчины, женщины и подростки в синей форме.

Во многих из этих огромных пыльных галерей тянулись ряды застывших в безмолвии машин, множество погашенных топок свидетельствовало о забастовке. Даже там, где работа еще продолжалась, труженики в синей форме делали все вяло и неохотно. Синюю форму не носили только надсмотрщики и полиция труда, они были одеты в оранжевые мундиры. Грэхэм только что видел раскрасневшиеся лица танцующих в залах, наблюдал лихорадочную энергию делового квартала и теперь не мог не заметить утомленных

глаз, впалых щек и вялых мускулов у многих рабочих. Те, которых он видел за работой, были физически слабее руководителей этих работ, одетых в более яркие цвета. Коренастые работники прежних времен исчезли вместе с ломовыми лошадьми. Мускулы были больше не нужны: их заменили машины. Новые рабочие, как мужчины, так и женщины, были руководителями машины, ее слугами и помощниками или артистами, разумеется, подневольными.

Женщины по сравнению с теми, которых в старину видел Грэхэм, были невзрачны и слабогруды. Двести лет нарушения принципов пуританской морали и религии, двести лет тяжелой работы и городской жизни лишили женской красоты и силы этих бесчисленных работниц в синей форме. Быть красивой физически или талантливой, из ряда вон выходящей — значит освободиться от тяжелой работы и попасть в Города Наслаждений с их роскошью и великолепием, а потом — эвтаназия и покой. Конечно, люди, получающие такую скудную умственную пищу, не могли устоять против искушения.

В еще молодых городах в дни юности Грэхэма рабочие, пришедшие с разных концов страны, представляли собой весьма разношерстную массу; у них еще живо было понятие о чести и моральные традиции. Но теперь образовался класс, представители которого обладали характерными физическими особенностями, своей моралью и даже своим жаргоном.

Грэхэм и Асано спускались все ниже и ниже к фабричным кварталам. Скоро они очутились под одной из подвижных улиц и увидели платформы, двигавшиеся наверху по рельсам, и полосы белого света между перекладинами. Неработающие фабрики почти не освещались. Грэхэму казалось, что они вместе со своими гигантскими машинами окутаны мраком. Впрочем, и там, где работы не прекращались, освещение было довольно скудное.

За огненными озерами идемита находились ювелирные мастерские. Грэхэма и Асано не сразу и лишь после предъявления пропуска впустили в темные прохладные галереи. В первой несколько человек выделывали золотые филигранные украшения. Каждый из рабочих сидел на маленькой скамейке возле лампы под колпаком. Странное впечатление производили в световом кругу их ярко освещенные пальцы, быстро перебирающие блестящие золотые украшения, и напряженные, точно призрачные лица.

Работа выполнялась превосходно, но без художественных образцов и рисунков; по большей части это были сложные орнаменты или геометрические фигуры. Все рабочие были одеты в белую форму, без карманов и рукавов. Они надевали ее перед работой, а вечером, перед уходом, снимали и подвергались осмотру, прежде чем оставляли владения Компании. Однако полисмен сообщил вполголоса Грэхэму, что, несмотря на все меры предосторожности, Компанию нередко обкрадывают.

Во второй галерее женщины гранили и плавилы искусственные рубины. В следующей мужчины и женщины выделывали медные пластинки, которые потом заливались эмалью. У многих из этих рабочих губы и ноздри были синеватого цвета, ибо они страдали особой болезнью, вызванной работой над пурпурной эмалью, бывшей особенно в моде. Асано извинялся, что повел Грэхэма такой дорогой, где обезображенные лица могут произвести на него неприятное впечатление, но эта дорога короче.

— Вот это как раз я и хотел видеть, — сказал Грэхэм. Заметив особенно обезображенное лицо, он невольно остановился.

— Она сама виновата, — заметил Асано.

Грэхэм возмутился.

— Но, сир, — возразил Асано, — без пурпура мы не можем приготовить этих вещей. В ваши дни люди могли носить грубые изделия, но ведь они были ближе к варварству на целых двести лет.

По одной из нижних галерей фабрики эмалевых изделий они подошли к небольшому круто выгнутому мосту. Заглянув через перила вниз, Грэхэм увидел пристань под необычайно огромными арками. С трех барж в облаках белой пыли множество кашляющих грузчиков выгружали молотый полевой шпат. Каждый катил небольшую тачку. Воздух был полон удушающей пыли, даже электрический свет казался желтовато-тусклым. Смутные тени рабочих мелькали на длинной белой стене. Время от времени рабочие останавливались и откашливались.

Призрачные глыбы огромных каменных сооружений, высившихся над чернильной водой, напомнили Грэхэму о множестве дорог, галерей и лифтов, которые, поднимаясь ярусами, отделяли его от солнечного света. Люди работали молча под наблюдением двух

полицейских Компании, и только шаги их глухо отдавались под сводами.

Грэхэм услышал, как в темноте кто-то запел.

— Молчать! — крикнул полицейский.

Но ему не подчинились. Покрытые белой пылью, рабочие дружно подхватили припев революционного гимна. Шагая по плитам, они отбивали такт: трам, трам, трам. Полицейский, отдавший приказание, взглянул на своего товарища, и Грэхэм заметил, что тот пожал плечами. Он больше не пытался прекратить пение.

Так проходили они фабрики и мастерские и видели много тяжелого и мрачного. Но зачем огорчать читателя? Для утонченной природы наш теперешний мир и так достаточно плох, зачем же еще мучить себя, размышляя о грядущих бедствиях? Во всяком случае, не мы будем страдать от них. Возможно, что будут страдать наши потомки, но нам-то какое дело?

Эта прогулка оставила в душе Грэхэма множество смутных впечатлений. Громадные многолюдные залы, гигантские арки, исчезающие в облаках пыли, сложные машины, длинные ряды ткацких станков с бегущими нитями, тяжелые удары штампующих механизмов, шум и скрип ремней и арматуры, тускло освещенные подземные проходы, просеки убегающих вдаль огней, тяжелый запах дубильного завода и пивоварни, удушливые испарения — и повсюду могучие, массивные колонны и арки, каких он никогда раньше не видел. Сверкающие стальные и бетонные титаны выдерживали колоссальную тяжесть мирового города, подавляющего своей сложностью миллионы анемичных жителей. И всюду бледные лица, худоба, уродство и вырождение.

Три раза Грэхэм слышал революционный гимн во время своего долгого и тягостного скитания по этим местам. В конце одного прохода он увидал свалку: это были рабы Компании, захватившие свой хлеб прежде окончания работы. Поднимаясь к движущимся улицам, Грэхэм встретил детей в синей форме, бегущих в поперечный проход, и тотчас же понял причину их паники, увидав отряд полиции с дубинками, направляющийся к месту, где произошел какой-то беспорядок. Издали доносился глухой шум. Несмотря на волнения, большинство оставшихся рабочих продолжало вяло работать. Все, сохранившие человеческий образ, бунтовали в эту ночь наверху, на

улицах, распевали революционный гимн, призывали своего правителя и грозно размахивали оружием.

Выйдя из-под земли, Грэхэм и его спутник встали на движущуюся платформу. Их ослепил яркий свет центрального прохода. Вскоре они услышали отдаленный вой и рев громкоговорителей Центрального бюро информации. Вдруг показались бегущие люди, на платформах и на улицах раздались вопли и крики. Пробежала женщина с побледневшим от ужаса лицом, вслед за ней другая — она пронзительно кричала.

— Что случилось? — с недоумением спросил Грэхэм, не понимавший жаргона.

Наконец он разобрал, что кричали все эти бегущие люди и почему в страхе визжали женщины. По городу, как первый порыв надвигающейся грозы, несся вопль:

— Острог вызвал черную полицию в Лондон! Черная полиция прибывает из Южной Америки!.. Черная полиция!.. Черная полиция!..

Асано побледнел и казался удивленным. Он нерешительно взглянул на Грэхэма и признался, что это было уже ему известно.

— Но как они пронюхали об этом? — удивился он.

Кто-то крикнул:

— Бросайте работу! Бросайте работу!

Темнолицый горбун в нелепом костюме, зеленом с золотом, вскочил на платформу, громко крича на хорошем английском языке:

— Это сделал Острог! Острог — негодяй! Он обманул Правителя!

Горбун хрипел, и тонкая струйка пены капала из его перекошенного рта. Он в ужасе кричал о расправе черной полиции в Париже и убежал, выкрикивая: «Острог — негодяй!»

Грэхэм остановился, и на мгновение ему показалось, что это опять сон. Он взглянул на громады зданий, исчезающие в голубоватой мгле над фонарями, посмотрел на ряды движущихся платформ, на бегущую взволнованную толпу.

— Правитель обманут!.. Правитель обманут! — кричали они.

И вдруг он все понял. Его сердце бурно забилося.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Я должен был бы предвидеть это. Час настал!..

Затем поспешно прибавил:

— Что же делать?

— Вернуться назад в дом Белого Совета, — сказал Асано.

— Но почему бы мне не обратиться к народу?

— Вы даром потеряете время. Они не поверят, что это вы. Но они непременно соберутся около дома Белого Совета. Там вы найдете их вождей. Вы должны быть там — с ними!

— Быть может, это только слух?

— Но это похоже на правду, — возразил Асано.

— Подождем фактов!

Асано пожал плечами.

— Лучше идти к дому Белого Совета! — воскликнул он. — Туда они все направятся. Пожалуй, теперь мы уже не проберемся через развалины.

Грэхэм нерешительно последовал за ним.

Они поднялись на быстроходную платформу, и Асано заговорил с одним рабочим, который ответил ему на грубом простонародном наречии.

— Что он говорит? — спросил Грэхэм.

— Он знает очень мало. Он сказал, что черная полиция должна была явиться неожиданно, но кто-то из Управления Ветряных Двигателей сообщил об этом. Он говорит, что это была девушка...

— Девушка? Неужели?..

— Он так сказал, но он не знает, кто она такая. Она вышла из дома Белого Совета и рассказала об этом работавшим на развалинах.

Послышался новый крик, и паника улеплась. Этот крик пронесся как порыв ветра вдоль улицы.

— Все по своим частям! Все по своим частям! Каждый получит оружие! Каждый на свой пост!..

22. Борьба в доме Белого Совета

Асано и Грэхэм поспешили к развалинам около дома Белого Совета. Повсюду они видели возбужденных людей, народ восстал.

— Все по своим частям!.. Все по своим частям!..

Мужчины и женщины в синей форме торопливо поднимались по лестницам с подземных фабрик. В одном месте Грэхэм увидел арсенал революционного комитета, осажденный кричащей толпой, в другом — нескольких полицейских в ненавистной желтой форме, которые, спасаясь от толпы, вскочили на быстроходную платформу, двигавшуюся в противоположном направлении.

Около правительственных зданий крик «По частям!» превратился в несмолкаемый рев. Отдельных выкриков разобрать было нельзя.

— Острог обманул нас! — оглушительно вопил какой-то человек хриплым голосом над самым ухом Грэхэма, и эта фраза преследовала Грэхэма, как припев песни.

Этот человек стоял рядом с ним на быстроходной платформе и кричал что-то толпе на нижних платформах. Иногда вместо этой фразы он выкрикивал какие-то непонятные приказания. Затем он спрыгнул с платформы и скрылся.

В ушах Грэхэма звенело от крика. У него не было никакого определенного плана. Он хотел обратиться к толпе с какого-нибудь возвышения, хотел разделаться с Острогом; он был вне себя от ярости. Мускулы его напрялись, руки невольно сжимались в кулаки, губы дрожали.

К дому Белого Совета через развалины было невозможно пробраться, но Асано провел Грэхэма через центральное почтовое управление. Управление было открыто, но почтальоны в синей форме работали неохотно, большинство стояло под арками галереи, глядя на переполненные народом улицы.

— Пусть каждый занимает свой пост!.. Каждый должен быть на своем посту!..

Здесь Грэхэм, по совету Асано, сообщил, кто он такой.

Они переправились в дом Совета в кабинке по канату. Со времени капитуляции советников руины преобразились. Каскады

морской воды из лопнувших труб были остановлены, и вверху на легких столбах был положен временный водопровод. Небо снова затянула сеть восстановленных кабелей и проводов для дома Белого Совета. Слева от здания быстро вырос новый корпус, подъемные краны и строительные машины работали вовсю.

Разрушенные подвижные пути были тоже восстановлены, хотя еще и оставались под открытым небом. Это были те самые движущиеся улицы, которые Грэхэм видел с балкона после пробуждения, дней девять назад. Зал, где он лежал в летаргии, превратился в груды бесформенных каменных обломков.

День был уже в разгаре, и солнце ярко светило. Быстроходные платформы приносили из освещенных голубым электрическим светом туннелей толпы народа, которые скоплялись среди развалин. Воздух звенел от криков. Теснясь и толкаясь, народ устремлялся к центральному зданию. Грэхэм заметил, что в этой беспорядочной толпе кое-где проявлялись зачатки организованности и дисциплины. В хаосе криков слышался призыв:

«Все по своим частям! Каждый на свой пост!»

Кабель доставил их в помещение, в котором Грэхэм тотчас же узнал вестибюль зала Атласа над галереей, где он проходил с Говардом через час после своего пробуждения, чтобы показаться не существующему теперь Белому Совету.

Здесь находились теперь только два служителя при кабеле. Они, по-видимому, были поражены, узнав в человеке, выскочившем из кабинки. Спящего.

— Где Элен Уоттон? — спросил он. — Где Элен Уоттон?

Этого они не знали.

— Тогда где Острог? Я должен сейчас же увидеть Острога! Он обманул меня. Я вернулся, чтобы отнять у него власть!

Не дожидаясь Асано, Грэхэм поднялся по ступеням в углу и, отдернув занавес, очутился перед лицом вечного труженика титана.

Зал был пуст. Его вид, однако, сильно изменился с тех пор, как Грэхэм видел его в первый раз. Зал довольно сильно пострадал во время восстания. Вправо от огромной статуи верхняя часть стены была разрушена на протяжении двухсот метров, и пролом заделан стекловидной массой, вроде той, какая окружала Грэхэма, когда он проснулся. Снаружи доносился приглушенный гул.

— По своим частям! По частям! По частям! — ревела толпа.

Сквозь стекла просвечивали балки и подпорки металлических лесов, которые то поднимались, то опускались, в зависимости от того, как это требовалось большинству рабочих. На лесах виднелось множество рабочих. На зеленоватом фоне резко выделялась строительная машина, которая лениво вытягивала красные металлические краны, хватала глыбы минеральной пасты и аккуратно укладывала их. На ней стояли рабочие и смотрели на толпу.

Грэхэм невольно замешкался, глядя на машину, и Асано догнал его.

— Острог там, в канцелярии правления, — сказал Асано.

Лицо у него стало иссиня-бледным, и он испытующе смотрел на Грэхэма.

Не прошли они и десяти шагов, как влево от Атласа поднялась панель в стене, и оттуда вышел Острог в сопровождении Линкольна и двух негров, одетых в желтую форму. Он направился в противоположный угол, к другой раскрывшейся панели.

— Острог! — крикнул Грэхэм, и при звуках его голоса все удивленно оглянулись.

Острог что-то сказал Линкольну и подошел к Грэхэму.

Грэхэм заговорил первый, голос его звучал властно и резко.

— Что я слышу? — спросил он. — Вы призываете сюда черную полицию, чтобы удержать в повиновении народ...

— Это необходимо! — ответил Острог. — Они отбились от рук после восстания. Я недооценил...

— Значит, эта проклятая черная полиция уже на пути сюда?

— Да. Но вы же видели, что делается в городе?

— Ничего удивительного! А ведь вы мне обещали... Вы слишком много берете на себя. Острог!

Острог ничего не ответил, но подошел ближе.

— Эта черная полиция не должна появляться в Лондоне, — заявил Грэхэм. — Я Правитель Земли и не допущу этого!

Острог взглянул на Линкольна, который тотчас же приблизился к нему вместе с двумя неграми.

— Но почему? — удивился Острог.

— Она не должна вмешиваться в наши дела. К тому же...

— Но ведь она только орудие!..

— Это безразлично. Я Правитель Земли и хочу распоряжаться сам! Говорю вам: черная полиция не должна быть здесь!

— Народ...

— Я верю в народ!

— Потому что вы живой анахронизм! Вы человек прошлого, случайность. Вы владеете половиной богатства всего земного шара. Но хозяином его вы не можете быть. Вы слишком мало знаете, чтобы распоряжаться.

Острог многозначительно взглянул на Линкольна и продолжал:

— Я знаю, что вы думаете, и догадываюсь о том, что вы намерены делать. Пока еще не поздно, предостерегаю вас. Вы мечтаете о человеческом равенстве, о социалистическом строе! В вашей душе еще живут все эти обветшалые мечты девятнадцатого столетия, и вы хотите управлять новым веком, которого вы не понимаете!

— Прислушайтесь! — сказал Грэхэм. — Вы слышите этот мощный гул, подобный рокоту моря. Не голоса, а один голос! Понимаете ли вы, что это такое?

— Мы научили их этому.

— Возможно, но можете ли вы научить их забыть это? Довольно разговоров! Черная полиция не должна быть здесь!

Помолчав, Острог взглянул ему прямо в глаза.

— Она будет здесь! — заявил он.

— Я запрещаю!

— Она уже вызвана.

— Я этого не хочу.

— Нет! — возразил Острог. — К сожалению, я должен последовать примеру Совета... Ради вашего блага вы не должны становиться на сторону... бунтовщиков. А теперь, когда вы здесь... Вы очень хорошо сделали, что вернулись.

Линкольн положил руку на плечо Грэхэму. Внезапно Грэхэм понял, какую грубую ошибку он сделал, вернувшись в дом Белого Совета. Он повернулся было к занавесу, отделявшему вестибюль от зала. Но Асано задержал его. Линкольн схватил Грэхэма за платье.

Грэхэм повернулся и ударил Линкольна по лицу, но тотчас же негр схватил его за воротник и рукав. Грэхэм вырвался, с треском разорвав рукав, и отскочил назад, но его сшиб с ног другой негр. Он

тяжело упал на пол и несколько мгновений лежал, глядя на высокий потолок зала.

Он закричал, перевернулся и хотел подняться. Ухватил одного прислужника за ногу, повалил его и вскочил на ноги.

Линкольн подбежал к нему, но тотчас же упал, получив удар в челюсть. Грэхэм сделал два шага, шатаясь. Но Острог схватил его за горло и повалил навзничь. Руки Грэхэма были прижаты к полу. Он отчаянно отбивался, пытаясь освободиться, потом перестал сопротивляться и лежа смотрел на тяжело дышавшего Острога.

— Вы... пленник!.. — проговорил, задыхаясь. Острог. — Вы поступили глупо, вернувшись сюда.

Грэхэм повернул голову и заметил сквозь временно застекленное отверстие в стене зала, что рабочие у подъемных кранов что-то возбужденно поясняют жестами толпе внизу. Значит, они все видели.

Острог заметил, куда он смотрит, и тоже обернулся. Он крикнул что-то Линкольну, но Линкольн не двигался. Пуля ударила в лепные украшения над статуей Атласа. Двойное стекло в пробоине разлетелось, края образовавшейся трещины потемнели и свернулись. Сквозь отверстие в комнату Белого Совета вместе с гулом толпы проникла струя холодного ветра.

— Спасите Спящего!.. Что они делают со Спящим!.. Его предали!

Грэхэм заметил, что внимание Острога чем-то отвлечено и нажим его рук ослабел. Осторожно высвободив Свою руку, Грэхэм поднялся на колени, повалил Острога навзничь, ухватив его за горло. В следующий миг Острог вцепился рукой в его шелковый воротник.

Но к ним уже спешили с эстрады люди, намерения которых Грэхэм не сразу разгадал. Он увидел мельком человека, бегущего к занавесу вестибюля. Затем Острог выскользнул у него из рук, а вновь прибывшие набросились на Грэхэма.

Он удивился, что они повинуются приказаниям Острога.

Когда его проволокли несколько ярдов, он понял наконец, что это враги и что они тащат его к открытой двери в стене. Он начал упираться, бросился на пол и стал громко звать на помощь. Крики его не остались без ответа.

Руки, державшие его за шиворот, ослабли. В нижнем углу пролома в стене показалась сначала одна, затем несколько черных фигур, кричавших и размахивавших оружием. Они прыгали через

пролом в светлую галерею, которая вела в Комнаты Безмолвия. Они бежали по галерее и были так близко от Грэхэма, что он мог различить оружие в их руках. Острог что-то крикнул людям, державшим Грэхэма; тот изо всех сил сопротивлялся, не давая тащить себя к зиявшему отверстию.

— Они не смогут спуститься вниз! — кричал, задыхаясь, Острог. — Стрелять они не посмеют! Все в порядке! Мы спасем его от них!..

Грэхэму казалось, что эта постыдная, неравная борьба продолжалась довольно долго. Его одежда была изодрана, он весь вывалился в пыли, и ему больно отдавили руку. Он слышал крики своих приверженцев и даже их выстрелы. Но он чувствовал, что силы его покидают и что сопротивление бесполезно. Помощи не было, и зияющее темное отверстие неуклонно приближалось.

Вдруг тиски рук разжались. Грэхэм приподнялся и увидел уже в отдалении седую голову Острога, он почувствовал, что его больше не держат. Он повернулся и столкнулся с человеком в черной одежде. Зеленое оружие щелкнуло совсем рядом, в лицо ему пахнула струя едкого дыма, и блеснул стальной клинок. Огромная комната закружилась у него перед глазами.

В нескольких ярдах от него человек в синем заколол одного из желтых полицейских. Затем его снова подхватили чьи-то руки.

Его тащили в разные стороны и что-то кричали ему. Он силился понять, но не мог. Кто-то обхватил его ноги и поднял насильно. Потом он понял и перестал сопротивляться. Его подняли на плечи и понесли.

Послышался крик многотысячной толпы.

Он видел, что люди в синем и черном преследуют отступающих приверженцев Острога и стреляют. Поднятый на плечи, он видел всю часть зала перед статуей Атласа и понял, что его несут к эстраде. Из дальнего угла зала к нему стремился народ. Все смотрели на него и радостно кричали.

Он скоро заметил, что его окружил как бы отряд телохранителей. Наиболее активные распоряжались, наводя порядок. Человек в желтом, с черными усами, которого он видел в театре в день своего пробуждения, находился тут же и громко отдавал приказания. Зал был переполнен волнующейся толпой, и металлическая галерея гнулась

под тяжестью людей. Занавес в конце зала был сорван, и в вестибюле тоже толпился народ.

В оглушительном гуле стоявший рядом человек едва расслышал вопрос Грэхэма:

— Куда скрылся Острог?

Вместо ответа человек указал через головы на нижние панели зала в противоположной стороне от пролома.

Панели были открыты, и вооруженные люди в синем, с черными шарфами, вбегали туда и исчезали в комнатах и коридорах.

Грэхэму почудились звуки выстрелов. Его пронесли через огромный зал к отверстию возле пролома.

Он заметил, что некоторые стараются соблюсти дисциплину, сдерживают толпу и расчищают дорогу. Его вынесли из зала, и он увидел прямо перед собой неотделанную новую стену и над ней голубое небо. Его опустили; кто-то взял его за руку и повел. Усатый человек в желтом шел рядом. Его вели по узкой каменной лестнице, совсем близко торчали красные краны, рычаги и детали огромной строительной машины.

Он поднялся наверх и пошел по узкой галерее с перилами, и внезапно перед ним открылся амфитеатр развалин.

— Правитель с нами! Правитель!.. Правитель!..

Словно прибой, шумела огромная толпа, крики и возгласы, как волны, разбивались об утесы руин, и до него доносилось эхо:

— Правитель с нами! Правитель за нас!..

Грэхэм заметил, что стоит один на небольшой временной платформе из белого металла, составлявшей часть лесов строящегося огромного здания Совета. Все обширное пространство развалин было покрыто несметной волнующей, кричащей толпой, кое-где уже развевались черные знамена революционных обществ, — чувствовалось, что в этом хаосе уже намечалась известная организованность. Крутые лестницы, стены и леса, по которым его освободители добрались до пролома в зале Атласа, кишели людьми. На выступах и столбах повисли энергичные маленькие черные фигурки, старавшиеся увлечь за собой остальную массу. Позади несколько человек укрепляли высоко на лесах огромное черное знамя с развевающимся и хлопающим на ветру полотнищем. Через пробоину в стене Грэхэм мог рассмотреть возбужденную толпу,

собравшуюся в зале Атласа. На юге виднелись аэродромы, казавшиеся совсем близкими в прозрачном воздухе. Одинокий аэропил поднялся с центральной станции, быть может, навстречу прибывающим аэропланам.

— Что сделали с Острогом? — спросил Грэхэм и, задав этот вопрос, увидел, что взоры всех обращены на крышу дома Совета.

Он тоже посмотрел туда. Сначала он ничего не видел, кроме зубчатого угла стены, резко и четко выделявшегося в безоблачной синеве. Затем начал различать какую-то комнату и с удивлением узнал зеленую и белую окраску своей недавней тюрьмы. Белая фигурка в сопровождении двух других поменьше, одетых в черное с желтым, быстро прошла через комнату и направилась к самому краю развалин.

Какой-то человек крикнул:

— Острог!

Грэхэм обернулся, чтобы спросить, но не успел. Другой человек, стоявший рядом с ним, испуганно крикнул и на что-то указал тонким пальцем.

Грэхэм посмотрел туда и увидел, что аэропил, недавно поднявшийся с платформы аэродрома, летел прямо на них. Стремительный плавный полет привлек внимание Грэхэма.

Аэропил приближался, быстро увеличиваясь, и, пролетев над отдаленным краем развалин, показался над толпой внизу. Он начал снижаться, потом снова поднялся у дома Совета. Он казался хрупким и прозрачным, и сквозь его ребра виднелся одинокий аэроплант. Аэропил скрылся за линией развалин.

Грэхэм заметил, что Острог делает какие-то знаки руками, а его помощники торопливо пробивают возле него стену. Аэропил снова показался вдалеке, описывая дугу и замедляя полет.

Человек в желтом крикнул:

— Чего они зевают? Чего зевают? Зачем оставили Острога? Почему его не арестовали?.. Они возьмут его... Аэропил возьмет его!..

В ответ на его восклицание раздались, как эхо, крики в развалинах. Треск зеленого оружия донесся через пропасть к Грэхэму, и, взглянув вниз, он увидел множество людей в черно-желтом, бегущих по одной из открытых галерей под тем выступом, где стоял Острог. Они стреляли на бегу в невидимых противников. Затем

показались преследователи в синем. Крошечные сражающиеся фигурки производили странное впечатление; издали они казались игрушечными солдатыками.

Огромное здание придавало этой битве среди мебели и коридоров театральный вид. Все это происходило, быть может, в двухстах ярдах от него, на высоте пятидесяти ярдов над толпой.

Люди в черном с желтым вбежали под арку и, обернувшись, дали залп. Один из синих преследователей, бежавших впереди, у самого края пролома, странно взмахнул руками и покачнулся. Казалось, он на секунду повис над краем, потом рухнул вниз. Грэхэм видел, как он на лету ударился о выступ угла, отлетел в сторону и, перекувыркнувшись несколько раз в воздухе, исчез за красными кранами строительной машины.

На мгновение солнце заслонила какая-то тень. Грэхэм поднял голову: небо было безоблачно, он понял, что это промелькнул аэропил.

Острог исчез! Человек в желтом протиснулся вперед и, возбужденно жестикулируя, вопил:

— Он спустится! Он спустится! Пусть они стреляют в него! Пусть стреляют!..

Грэхэм ничего не понимал. Он только слышал громкие голоса, повторявшие это загадочное приказание.

Вдруг из-за края развалин показался нос аэропила, аэропил скользнул вниз и резко остановился. Грэхэм понял: аэропил спустился, чтобы захватить Острога. Он заметил голубоватый дым и догадался, что снизу стреляют по аэропилу.

Какой-то человек рядом одобрительно крякнул. Грэхэм увидел, что синие достигли арки, которую защищали черно-желтые, и непрерывным потоком ринулись в открытый проход.

Аэропил соскользнул со стены дома Совета и упал под углом в сорок пять градусов, так круто, что Грэхэму да и всем остальным показалось, что он уже не поднимется.

Аэропил пролетел столь близко, что Грэхэм разглядел Острога, ухватившегося за поручни сиденья. Его седые волосы развевались. Аэронавт с бледным лицом нажимал на рычаги управления. Он слышал выкрики толпы внизу.

Грэхэм схватился за перила и замер. Секунда показалась ему вечностью. Нижнее крыло аэропила чуть не задело людей внизу, кричавших и толкавших друг Друга.

Вдруг аэропил поднялся.

В первую минуту казалось, что он не сможет пролететь над стеной, потом — что он заденет за ветряные двигатели. Но аэропил улетал, накренившись набок, все дальше и выше.

Напряженное ожидание разрешилось взрывом ярости, как только толпа поняла, что Острог скрылся. С запоздалой энергией возобновили огонь, треск отдельных выстрелов превратился в сплошной гул, и все вокруг заволокло синей дымкой, запахло гарью.

Слишком поздно! Аэропил становился все меньше и меньше и, описав дугу, плавно снизился на платформу аэродрома, откуда он недавно поднялся. Острог бежал!

Толпа долго кричала, потом всеобщее внимание было сосредоточено на Грэхэме, стоявшем на самом верху лесов.

Он увидел, что лица всех обращены к нему, и услышал громкие, радостные крики. Как мощный порыв ветра, над волнующимся морем людей пронесся революционный гимн.

Окружающие поздравляли его. Человек в желтом, стоявший рядом с ним, смотрел на него сияющими глазами.

Трам! Трам! Трам!.. — перекачивался гимн.

Грэхэм не сразу понял, что его положение изменилось.

Когда раньше он смотрел на кричавшую толпу, с ним был рядом Острог, но он теперь был далеко и стал его врагом! Нет никого, кто бы мог управлять за него. Даже окружавшие его вожди и организаторы толпы — и те смотрели на него, ожидая его распоряжений. Он стал настоящим правителем. Его прежнее марионеточное правление кончилось.

Он готов сделать все то, чего ждут от него люди. Его нервы, мускулы дрожали от напряжения. Несмотря на некоторую растерянность, он не чувствовал ни гнева, ни страха, лишь слегка ныла придавленная рука.

Однако он не знал, как держаться. Он не испытывал ни тени страха, но боялся, что может показаться испуганным. В своей прежней жизни он не раз переживал сильное возбуждение во время разных спортивных игр. Сейчас он страстно хотел действовать. Он

понимал, что не следует задумываться над этой грандиозной сложной борьбой, так как это парализует его волю.

Там, за синими квадратами аэродрома, — Острог. Грэхэм борется за весь мир против Острога.

23. В ожидании налета аэропланов

Некоторое время Правитель Земли не мог управлять даже своими мыслями. Он не давал себе отчета в своих стремлениях, и его собственные поступки удивляли его и казались только отголосками странных внешних впечатлений. Но одно было несомненно: аэропланы скоро явятся. Элен Уоттон предупредила народ об их приближении. К тому же он, Грэхэм, стал Правителем Земли. Эти две мысли боролись в его сознании, то и дело вытесняя одна другую. Все вокруг было охвачено волнением и напряженным ожиданием: и залы, кишевшие народом, и проходы, и комнаты, где совещались вожаки, и помещения для телефона и кинематографа, и кипевшее внизу людское море.

Человек в желтом и те, кого он считал вождями, не то увлекали его за собой, не то повиновались ему — трудно было решить. Вероятно, и то и другое сразу — какая-то незримая стихийная сила увлекала их всех.

Он решил, что необходимо обратиться с воззванием к народам мира, и начал обдумывать отдельные зажигательные фразы, которые следовало бы сказать, но ему мешали разные мелочи. Он очутился рядом с человеком в желтом, и они вместе вошли в комнату, где должно было быть оглашено воззвание.

Комната была в новом стиле. В центре ярким овальным пятном падал сверху электрический свет, вся остальная часть комнаты оставалась в тени. Двойные двери почти не пропускали звуков из зала Атласа. Глухой стук захлопнувшейся двери, внезапно оборвавшийся шум, который он слышал в течение нескольких часов, трепетный круг света, шепот и быстрые бесшумные движения еле видимых слуг в сумраке — все это производило на Грэхэма странное впечатление. Огромные уши фонографов готовились запечатлеть его слова, а черные глаза огромной фотографической камеры ловили его движения. Тускло поблескивали металлические провода, и что-то с жужжанием вертелось наверху. Он вошел в ярко освещенный центр, и черная тень скорчилась и легла у его ног небольшим пятном.

Он уже обдумал то, что хотел сказать. Но его поразила тишина, одиночество, неожиданное исчезновение вдохновлявшей его толпы, безмолвная аудитория подслушивающих и подсматривающих машин. Он не чувствовал никакой поддержки, и ему показалось, что он внезапно остался наедине со своими мыслями. Настроение его быстро изменилось.

Он боялся, что не сможет высказать свои мысли, боялся впасть в театральность, боялся, что у него не хватит голоса, не хватит находчивости, и он обратился за поддержкой к человеку в желтом.

— Подождите минуту, — сказал Грэхэм. — Я должен подготовиться. Я не ожидал, что это так будет! Мне еще надо обдумать то, что я хочу сказать.

Пока он стоял в нерешительности, явился взволнованный курьер с известием, что передовые аэропланы уже перелетели Араван.

— Араван? — удивился Грэхэм. — Где это?.. Во всяком случае, они приближаются. Когда они будут здесь?

— К вечеру.

— Боже мой! Через несколько часов! А какие получены вести с летных площадок?

— Люди юго-западных районов готовы.

— Готовы!

О я нетерпеливо повернулся к блестящим линзам аппарата и сказал:

— Я думаю, что мне следует произнести небольшую речь. Если бы я только знал, что нужно сказать!.. Аэропланы в Араване! Они, должно быть, вылетели раньше главного воздушного флота. А наши еще только готовятся! Наверное...

«Впрочем, не все ли равно, как я скажу, хорошо или плохо...» — подумал он и заметил, что свет стал ярче.

Он уже составил несколько общих фраз о демократии, но внезапно на него нахлынули сомнения. Его вера в свой героизм, в свое призвание поколебалась. Он почувствовал себя таким маленьким, незначительным, всем правят какие-то непонятные законы! Ему начало казаться, что восстание против Острога преждевременно и обречено на неудачу, это только страстная, но бесцельная борьба с неизбежностью.

Грэхэм думал о быстром роковом полете аэропланов, и его удивляло, что он видит теперь события с другой точки зрения. Но усилием воли он подавил свои сомнения, решив во что бы то ни стало бороться до конца.

Однако он не мог найти подходящих слов. Так он стоял в нерешительности, губы его дрожали, и он уже готов был извиниться за свою растерянность, когда послышался шум шагов и крики.

— Подождите! — крикнул кто-то, и дверь открылась.

— Она идет! — донеслись до него чьи-то голоса.

Грэхэм обернулся, и свет потускнел.

В открытую дверь он увидел легкую фигуру в сером одеянии, проходившую через зал. Сердце его забилося. Это была Элен Уоттон.

Вслед ей гремели аплодисменты. Человек в желтом, стоявший в тени, вошел в круг света.

— Это та самая девушка, которая сообщила нам о предательстве Острога, — сказал он.

Лицо Элен пылало, темные густые волосы рассыпались по плечам. Она шла ритмичной походкой, и складки мягкого шелкового платья струились и плавно развеивались. Она подходила все ближе и ближе, и сердце Грэхэма забилося сильнее. Все его сомнения рассеялись.

Тень от двери пробежала по ее лицу, и вот Элен уже около него.

— Вы не обманули нас! Вы с нами! — воскликнула она.

— Где же вы были? — спросил Грэхэм.

— В Управлении юго-западных районов. Десять минут назад я еще не знала, что вы вернулись. В Управлении я хотела найти начальников отдельных районов и предупредить их, чтобы они объявили народу...

— Я вернулся, как только услышал об этом.

— Я так и знала, я знала, что вы будете с нами! — воскликнула она. — И это я им объявила! Они восстали. Весь мир восстал. Народ проснулся. Слава богу, сделала я это не напрасно! Вы теперь Правитель!

— Объявили им... — повторил он медленно и заметил, что, несмотря на решительность, сверкавшую в ее глазах, губы ее дрожали, она задыхалась от волнения.

— Я объявила им. Я знала об этом приказе. Я была здесь и слышала, что черная полиция вызвана в Лондон, чтобы усмирить народ и охранять вас, то есть держать вас в плену. И я помешала этому. Я объявила об этом народу. И вы стали Правителем!..

Грэхэм посмотрел сперва на темные линзы камеры, на раскрытые уши фонографа, потом на Элен.

— Да, я Правитель, — медленно сказал он, и вдруг ему почудился шум аэропланов. — И вы сделали это? Вы... племянника Острога?

— Ради вас! — воскликнула она. — Ради вас! Чтобы у вас, у человека, которого ждал мир, не вырвали власти.

Некоторое время Грэхэм молча стоял, глядя на нее. Все его сомнения и вопросы исчезли. Он припомнил все, что хотел сказать народу.

Он встал против камеры, и свет вокруг него засиял ярче.

Повернувшись к Элен, он сказал:

— Вы спасли меня! Вы спасли мою власть. Борьба начинается! Не знаю, что будет ночью, но мы готовы ко всему.

Он помолчал. Потом, обратившись к невидимым народным массам, которые как будто смотрели на него черными глазами камеры, медленно заговорил:

— Мужчины и женщины новой эры! Вы восстали и начали борьбу за человечество!.. Но легкой победы быть не может...

Он остановился, подбирая слова. Те мысли, которые он обдумывал до ее прихода, теперь возникали сами собой, у него уже не было ни тени сомнений.

— Эта ночь — только начало борьбы. Предстоящая борьба, борьба этой ночи — только начало! Возможно, что вам придется бороться всю вашу жизнь. Но не падайте духом даже в том случае, если я буду побежден, если я буду окончательно сломлен...

Ему не хватало слов. Он остановился и снова начал повторять те же неопределенные призывы. Но наконец дар речи вернулся к нему, и слова полились потоком.

Многое из того, что он говорил, представляло лишь общие положения социалистических идей былого времени. Но искреннее убеждение, звучавшее в его голосе, придавало им жизненность. Он говорил о прошлом народу новой эпохи, говорил женщине, стоявшей возле него.

— Я пришел к вам из прошлого, с воспоминанием о веке, который жил надеждой. Мой век был веком мечтаний и начинаний, веком возвышенных надежд. Мы уничтожили рабство во всем мире. Мы горячо надеялись, что прекратятся войны, что все мужчины и женщины будут свободны и начнется мирная, прекрасная жизнь... Так надеялись когда-то мы. Осуществились ли эти надежды? Что сделалось с человеком по прошествии двухсот лет? Огромные города, мощная техника, величие коллективной работы — все это превзошло наши мечты. Мы не стремились к этому, но это пришло. Но что же стало с маленькими существами, созидателями этой великой жизни? Как живут теперь простые люди? Как и раньше, заботы и подневольный труд, жалкое, искалеченное существование, бесплодное стремление к власти и богатству, безумие и растрата жизненных сил. Старые идеалы исчезли. А новые... Да существуют ли новые идеалы?

Он почувствовал вдруг, что начинает верить в то, во что ему так хотелось верить. Он нащупал в себе эту веру и крепко уцепился за нее. Он бросал краткие, отрывистые фразы, но вкладывал в них всю свою убежденность, всю силу своей веры. Он говорил о величии альтруизма, о вере в человечество, которое будет вечно жить на земле, частицей которого все мы являемся. Его голос то повышался, то падал, и аппараты, казалось, с одобрительным жужжанием вбирали его речь. Окружающие, стоявшие в тени, молча прислушивались к его словам. Присутствие Элен, стоявшей рядом, рассеивало его сомнения и поддерживало воодушевление.

В эти торжественные минуты, охваченный вдохновением, он не сомневался в своем героизме и в искренности своих героических слов, и речь его лилась непринужденно.

В заключение он сказал:

— Так знайте же мою волю! Все, что принадлежит мне, я отдаю народам мира. Отдаю вам и себя самого. Да свершится воля божья. Я буду жить ради вас и умру ради вас!

Он кончил величественным жестом и повернулся. На лице девушки отражалось его собственное воодушевление. Взгляды их встретились. В ее глазах блеснули слезы энтузиазма. Казалось, убежденность одного передавалась другому. Схватившись за руки, они глядели в глаза друг другу в красноречивом молчании.

— Я знала, — прошептала она. — Я знала...

Он не мог говорить и только сжимал ее руки: так огромно было охватившее его чувство.

Человек в желтом незаметно подошел к ним и сказал, что юго-западные районы уже выступили.

— Я не ожидал, что это будет так скоро! — воскликнул он. — Они сделали чудеса. Вы должны поддержать и ободрить их.

Грэхэм выпустил руку Элен и рассеянно взглянул на нее. Потом вспомнил и снова забеспокоился о летных площадках.

— Да, — сказал он. — Это хорошо, очень хорошо. — И, обдумав то, что ему сообщили, добавил: — Скажите же им: «Чисто сделано, Юго-Запад!»

Он снова взглянул на Элен Уоттон. Его лицо отражало внутреннюю борьбу.

— Мы должны захватить летные площадки, — пояснил он. — Если мы этого не сделаем, то они высадят черную полицию. Мы во что бы то ни стало должны помешать им.

Но, произнося эти слова, он понял, что это не то, что он хотел сказать. Он заметил легкое изумление в ее глазах. Она начала что-то говорить, но пронзительный звон заглушил ее голос.

Грэхэм подумал: вероятно, она ждет, что он поведет народ в бой, и он должен это сделать. Он обратился к человеку в желтом, но говорил он только ей, читая ответ в ее глазах.

— Здесь я бездействую, — заявил он.

— Это невозможно! — протестовал человек в желтом. — Вам не место в этой мясорубке. Вы должны быть здесь.

Он подробно объяснил, почему это невозможно, и указал комнату, где Грэхэм должен ждать.

— Мы должны знать, где вы находитесь. Каждую минуту может наступить кризис, и нам понадобится ваше присутствие и ваше решение.

Комната была роскошно отделана, там были установлены новейшие аппараты и разбитое зеркало, которое раньше соединялось с зеркалами Вороньего Гнезда. Грэхэму хотелось, чтобы Элен осталась с ним.

Он живо представлял себе ужасную борьбу, кипевшую среди развалин. Но он ничего не увидит. Он должен ждать в уединении. Только после полудня ему сообщили о сражении, невидимом и

неслышном, происходившем в четырех милях от него, у Рохэмптонского аэродрома. Странная, небывалая, беспорядочная битва, распадавшаяся на сотни тысяч небольших схваток, среди движущихся улиц и каналов, вдали от солнечного света, при блеске электричества. Не обученные военному делу народные массы, отупевшие от подневольного труда, обессиленные двухвековым рабством, сражались с деморализованной, распущенной аристократией. Ни у тех, ни у других не было артиллерии и никакого оружия, кроме небольшого зеленого металлического карабина. По приказанию Острога, когда он действовал против Белого Совета, это оружие было тайно изготовлено и роздано в большом количестве рабочим. Но немногие умели обращаться с ним. Большинство не умело стрелять или же явилось без зарядов. Более беспорядочной стрельбы еще не было в истории войн! Это было сражение неопытных добровольцев, ужасная бойня. Восставшие, вдохновляемые словами и пением революционного гимна, испытывая единодушный порыв, сражались с такими же неопытными противниками, бросались бесчисленными толпами в коридоры улиц, к испорченным лифтам, на галереи, скользкие от крови, в залы, наполненные дымом, под летные площадки и на опыте знакомились, когда отступление было отрезано, с ужасами древних войн. Сверху на ясном небе выделялись фигуры отдельных стрелков на кровле и клубы пара, которые к вечеру сгустились и потемнели. У Острога, по-видимому, не было бомб, и аэропилы сначала не принимали участия в сражении. Ни одно облачко не омрачало сияющей небесной пустыни, которая точно застыла в ожидании аэропланов.

Об их приближении сообщали из разных портов Средиземного моря, а затем с юга Франции. Но о новых пушках, отлитых по приказанию Острога и спрятанных в городе, Грэхэм ничего не узнал, несмотря на все свои старания, так же как и о ходе сражения около летных площадок. Секции рабочих обществ одна за другой извещали о том, что они выступили в поход, и затем исчезали внизу, в лабиринте боя. Что происходило там? Даже самые деятельные вожди отдельных районов ничего не знали об этом. Несмотря на непрерывное хлопанье дверьми, доклады о ходе сражения, на звон и трескотню приборов. Грэхэм чувствовал себя одиноким и томился бездеятельностью.

Его уединение казалось ему самым странным и неожиданным из всего, что ему пришлось пережить после своего пробуждения. Это походило на пассивное состояние, в какое впадаешь во сне. Грандиозная борьба за мир между ним и Острогом — и эта тихая маленькая комната с приемниками, звонками, всевозможными приборами и разбитым зеркалом!

Вот закрывается дверь, и они с Элен остаются одни, отделенные от этой небывалой мировой бури, бушующей снаружи, и занятые только друг другом! Внезапно распаивается дверь, и входит посланный с докладом, или раздается резкий звонок, точно ураган внезапно распаивает окно в уютном, светлом доме. Их обоих вдруг захватывает лихорадочная напряженность, ярость и упоение борьбой. Они с головой ушли в созерцание этой грандиозной схватки. Даже сами себе они казались нереальными, какими-то бесконечно маленькими. Единственной реальностью были город, который ревел и сотрясался там, внизу, отчаянно защищаясь, и аэропланы, неуклонно стремившиеся к нему через воздушные пространства.

Они почувствовали безграничное доверие друг к другу. Они гордились друг другом и теми великими событиями, участниками которых они были. Сперва он шагал по комнате, гордый своей ролью. Но постепенно в его сознание стала закрадываться мысль о неизбежности поражения. Они уже долгое время оставались одни.

Он переменял тему разговора, стал говорить о себе, о своем удивительном сне, о живости своих воспоминаний, отдаленных, но все же отчетливых, точно предметы, рассматриваемые в перевернутый бинокль, о своих желаниях и заблуждениях, о своей прежней жизни. Она говорила мало, хотя волнение отражалось на ее лице и в голосе; казалось, она понимала его с полуслова. Отогнав воспоминания, он подумал о героизме, который она старалась внушить ему.

— Да, — сказал он, — все вело меня к этой судьбе, к этому великому наследию, о котором я никогда не мечтал!

От разговоров о революционной борьбе они незаметно перешли к вопросу об их личных отношениях. Он начал расспрашивать ее. Она рассказала ему о днях, предшествовавших его пробуждению, о своих девических мечтах, о волнении, вызванном его пробуждением. Сообщила об одном трагическом происшествии, обострившем в ней

сознание несправедливости и заставившем ее задуматься о страданиях народа.

На несколько минут они забыли о великом бое и всецело отдались своим личным чувствам. Но разом опомнились, как только явились посланные с известием, что флотилия аэропланов пронеслась над Авиньоном. Грэхэм посмотрел на хрустальный диск в углу и убедился в точности этого сообщения. Затем он прошел в географический кабинет, чтобы на карте определить расстояние между Авиньоном, Нью-Араваном и Лондоном. Он быстро произвел вычисления и направился в комнату начальников районов.

Он хотел расспросить их о ходе сражения за аэродромы, но не нашел никого и вернулся к Элен.

Выражение лица его изменилось. Ему пришло в голову, что борьба, пожалуй, наполовину окончена. Войска Острога крепко держатся, и прибытие аэропланов может вызвать панику и погубить все дело. Случайная фраза в сообщении внушила ему мысль о надвигающейся грозной опасности. Эти реющие в воздухе гиганты несут тысячи полудиких негров и готовятся обрушить на город смертельный удар. Энтузиазм его сразу остыл. Грэхэм опять вошел в соседнюю комнату и застал там двух начальников районов. Зал Атласа опустел.

Грэхэму показалось, что они взволнованы, и его охватило мрачное раздумье.

Элен с тревогой взглянула на него, когда он вошел.

— Никаких известий, — сказал он с напускным спокойствием в ответ на ее вопросительный взгляд. Потом добавил; — Или, вернее, дурные известия. Наши дела идут неважно. Мы не продвигаемся вперед, а аэропланы все приближаются!

Пройдясь по комнате, он повернулся к ней и сказал:

— Если мы не захватим летные площадки, то дело кончится скверно. Мы будем разбиты!

— Нет! — воскликнула она. — За нас справедливость, за нас народ. За нас сам бог!

— На стороне Острога дисциплина, точный план... Знаете, что я пережил, когда услышал, что аэропланы приближаются? Я испытал такое чувство, как будто сражаюсь с какой-то фатальной механической силой.

Она с минуту молчала, потом проговорила:

— Мы поступили правильно.

Он посмотрел на нее с сомнением.

— Мы сделали все, что могли. Но что от нас зависит? Не возмездие ли это за грехи отцов?

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Эти чернокожие — дикари, они подчиняются только силе, и ими пользуются как силой. Они находились под властью белых в течение двухсот лет, и вот теперь мы несем расплату за это. На белых лежит грех, и вот расплата за него.

— Но рабочие, лондонские бедняки?.. Разве это их вина?..

— Они страдают за чужие грехи. Допускать зло — значит нести за него ответственность.

Она пристально поглядела на него, лицо ее выражало удивление.

Послышался резкий звонок, шум шагов и звук фонографа, передающего послание.

Вошел человек в желтом.

— Ну что? — спросил Грэхэм.

— Они над Виши.

— Куда ушла стража из зала Атласа? — внезапно спросил Грэхэм.

Снова раздался звонок Говорящей машины.

— Мы бы еще могли победить, — сказал человек в желтом, подходя к машине, — если б только знали, куда припрятал Острог пушки. Все зависит от этого. Быть может...

Грэхэм подошел вместе с ним к машине и услышал, что аэропланы достигли Орлеана.

Он вернулся к Элен.

— Ничего нового, — успокаивал он, — ничего нового...

— И мы ничего не можем сделать?

— Ничего!

Он нетерпеливо прошелся по комнате, и его охватил гнев, как это часто с ним случалось.

— Будь проклят этот дьявольски сложный мир со всеми его изобретениями!.. — воскликнул он. — Умереть, словно крыса в ловушке, даже не увидев врага! О, если бы одним ударом!..

Он вдруг спохватился и, отвернувшись, сказал:

— Как это глупо! Я просто дикарь!

Он опять прошелся по комнате, потом остановился.

— В конце концов Лондон и Париж — только два города! Восстание же охватило весь умеренный пояс. Что из того, если Лондон погибнет и Париж будет разрушен? Это только эпизоды борьбы.

Снова звонок, и он вышел узнать новости. Вернулся еще более мрачным и сел рядом с нею.

— Конец близок, — сказал он. — Народ борется и погибает десятками тысяч. Окрестности Рохэмптона похожи на выкуренный пчелиный улей. И все они погибли напрасно. Они все еще находятся внизу, под аэродромами. Аэропланы же около Парижа. Даже если бы мы одержали победу, все равно не успели бы ею воспользоваться. Пушки, которые могли бы спасти нас, куда-то запрятаны. Запрятаны... Какой ужас, какое безумие — восстать и не иметь оружия! О, хотя бы один аэропил... только один! Я побежден, потому что у меня его нет. Человечество побеждено, и наше дело проиграно! Мое правление, мое безумное правление продлится не дольше этой ночи!.. И это я поднял народ на восстание!..

— Он все равно восстал бы.

— Сомневаюсь. Но я явился и...

— Нет! — вскричала она. — Этого не будет! Если произойдет сражение, если вы умрете... Но этого не может быть, не может быть после стольких лет!..

— Да, мы хотели добра! Но... неужели вы в самом деле верите?..

— Если даже они победят вас, то останутся ваши слова! — воскликнула она. — Ваши слова облетели весь мир, зажгли пламя свободы... Пусть это пламя временно померкнет, никто не может вернуть сказанного слова! Ваше обращение разнесется...

— Но к чему?.. Может быть, и так... Может быть. Вы помните, что я сказал, когда вы мне говорили обо всем этом?.. Ведь прошло всего несколько часов! Я сказал, что у меня нет вашей веры. Впрочем... теперь уже все равно...

— У вас нет моей веры? Что вы хотите сказать?.. Вы жалеете об этом?

— Нет, о нет! — воскликнул он горячо. — Видит бог — нет!

Голос его дрогнул.

— Но... мне кажется... я поступил неосторожно. Я мало знал... я слишком поспешил.

Он молчал. Ему было стыдно своего признания.

— Но зато я узнал вас! Через эту бездну времен я пришел к вам; Возврата назад нет, что сделано, то сделано. Зато вы...

Он молчал, пытливо глядя ей в глаза.

Поступило сообщение, что аэропланы показались над Амьеном.

Она прижала руку к сердцу, и губы ее побелели. Она смотрела перед собой широко раскрытыми глазами, точно видела что-то ужасное. И вдруг выражение лица ее изменилось.

— Но я была искренна! — воскликнула она. — Да, я всегда была искренна! Я любила мир и свободу. Я всегда ненавидела жестокость и насилие.

— Да, да, — согласился он. — Мы сделали то, что должны были сделать. Мы выполнили свой долг! Мы подняли восстание! Но теперь... теперь, когда, быть может, приходит наш последний час, теперь, когда все великое уже сделано...

Он остановился.

Она молчала. Лицо ее побледнело.

Они не слышали криков и беготни, поднявшейся в здании.

Вдруг Элен вздрогнула и стала прислушиваться.

— Что это? — воскликнула она и вскочила; она еще боялась поверить радостной новости.

Грэхэм насторожился. Металлические голоса кричали: «Победа!»

Да, это была победа! Он тоже вскочил, и луч робкой надежды блеснул в его глазах.

В комнату, быстро отдернув портьеры, вбежал человек в желтом, растрепанный и дрожащий от волнения.

— Победа! — кричал он. — Победа! Народ побеждает. Люди Острога отступают.

— Победа? — переспросила Элен. Голос ее прозвучал как-то глухо и резко.

— Что произошло? — спросил Грэхэм. — Говорите скорей. Что?

— Мы вытеснили их из нижних галерей в Норвуде, Стритхэм горит, весь в огне, а Рохэмптон наш... наш!.. И мы захватили один аэропил.

Секунду Грэхэм и Элен стояли молча. Сердца их учащенно бились, и они смотрели друг на друга. На мгновение у Грэхэма мелькнула мечта о владычестве над миром, о любви и счастье. Блеснула и погасла.

Раздался звонок.

Из комнаты начальников районов вышел взволнованный седой человек.

— Все кончено! — крикнул он. — Что из того, что Рохэмптон в наших руках! Аэропланы уже в Булони.

— Ла-Манш! — сказал человек в желтом и быстро сделал подсчет. — Через полчаса...

— В их руках еще три аэродрома, — сказал седой человек.

— А пушки! — воскликнул Грэхэм.

— Мы не можем их расставить за полчаса.

— Значит, они найдены?

— Да, но слишком поздно, — сказал старик.

— Если б можно было задержать их на час! — воскликнул человек в желтом.

— Теперь их уже ничто не остановит, — сказал старик. — У них сто машин в первой эскадрилье.

— Задержать на час? — переспросил Грэхэм.

— Подумать только! — сказал старик. — Ведь пушки у нас в руках. Подумать только! Если бы мы могли расставить их на кровле!

— А сколько времени это займет? — вдруг спросил Грэхэм.

— Не меньше часа.

— Слишком поздно, — твердил старик, — слишком поздно.

— Так ли это? — сказал Грэхэм. — А что, если... На один час!

Внезапно у него блеснула мысль. Он старался говорить спокойно, но лицо его было бледно.

— У нас есть еще один шанс. Вы сказали, что захвачен аэропил...

— На летной площадке в Рохэмптоне, сир.

— Поврежден?

— Нет. Он криво стоит на рельсах; его можно поставить как следует, но у нас нет аэроавта.

Грэхэм посмотрел на обоих начальников, потом на Элен и, помолчав, спросил:

— У нас нет аэроавтов?

— Ни одного.

— Аэропланы неповоротливы по сравнению с аэропилотом, — сказал Грэхэм задумчиво.

Вдруг он повернулся к Элен. Он принял решение.

— Я сделаю это.

— Что?

— Пойду на летную площадку, к этому аэропилоту.

— Что вы задумали?

— Я ведь тоже аэронавт. Недаром же я потерял время.

Он повернулся к человеку в желтом.

— Пусть поставят аэропилот.

Человек в желтом колебался.

— Что вы затеяли? — воскликнула Элен.

— Нужно воспользоваться этим аэропилотом.

— Неужели вы хотите?..

— Сразиться с ними в воздухе. Я об этом уже думал. Аэроплан неповоротлив, а смелый человек...

— Но еще не было примера в авиации... — начал человек в желтом.

— Потому что не представлялось случая, — перебил его Грэхэм. — А теперь такой случай представился. Скажите им... передайте мое приказание: пусть поставят аэропилот на рельсы.

Старик молча взглянул на человека в желтом, потом кивнул головой и поспешно вышел.

Элен подошла к Грэхэму. Она была бледна.

— Как! Один! Ведь вы погибнете!

— Все может быть. Но если не сделать этого... или заставить другого...

Он замолчал, он не мог говорить и только сделал решительный жест рукой.

Они молча смотрели друг на друга.

— Вы правы, — сказала она тихо, — вы правы. Если это можно сделать... вы должны идти!

Он сделал шаг к ней. Она отступила, и на ее бледном лице отразилась внутренняя борьба.

— Нет! — прошептала она, задыхаясь. — Я не могу больше... Идите!..

Он растерянно протянул к ней руки. Она судорожно сжала их и воскликнула:

— Идите... Идите!..

Он медлил и вдруг все понял. Он заломил руки. У него не хватало слов.

Он быстро пошел к выходу. Человек в желтом бросился к дверям, но Грэхэм опередил его. Он прошел через помещение, где начальник района по телефону передавал приказание поставить аэропил на рельсы.

Человек в желтом нерешительно взглянул на неподвижную Элен и поспешил вслед за Грэхэмом.

Грэхэм не оборачивался и не говорил ни слова, пока не опустился занавес, отделявший зал Атласа от вестибюля. Потом повернулся, его бескровные тубы шевельнулись — он отдал краткое приказание.

24. Налет аэропланов

Двое рабочих в синей форме лежали среди развалин захваченной Рохэмптонской летной станции, держа карабины в руках и всматриваясь в темневший вдали соседний аэродром — Уимблдон-парк. Время от времени они перебрасывались словами. Говорили они на испорченном английском языке своего класса и эпохи. Стрельба из укреплений приверженцев Острога постепенно стихала и скоро прекратилась. Неприятель почти не показывался. Однако отзвуки сражения, происходившего глубоко внизу, в подземных галереях станции, доносились иногда, смешиваясь с беспорядочной перестрелкой, которую вели революционеры. Один из рабочих рассказывал другому, как он увидел внизу человека, который пробирался, прячась за грудой балок, и уложил его на месте метким выстрелом.

— Еще до сих пор лежит там, — сказал стрелок. — Видишь синее пятно? Там... между балками.

Неподалеку от них лежал навзничь мертвый иностранец. На синей его блузе чернела небольшая круглая дырка от пули, попавшей ему в грудь; по краям дырки тлела материя. Рядом сидел раненый с перевязанной ногой и равнодушно смотрел, как медленно тлеет блуза. Позади них поперек платформы лежал захваченный аэропил.

— Я что-то не вижу его! — сказал другой рабочий, подзадоривая товарища.

Стрелок обиделся и стал громко с ним спорить. Вдруг снизу донеслись крики и шум.

— Что там такое? — воскликнул он, приподнявшись на локте и всматриваясь в площадку лестницы, находившуюся посредине платформы.

Множество людей в синем поднималось по лестнице и густой толпой направлялось к аэропилу.

— Зачем пришли сюда эти дураки? — сердито воскликнул его товарищ. — Толпятся здесь и только мешают стрелять. Что им нужно?

— Ш-ш!.. Они что-то кричат.

Оба прислушались. Толпа окружила аэропил. Три начальника районов в черных мантиях со значками вошли внутрь аэропила и взобрались наверх. Бойцы окружили аппарат, дружно приподняли его и начали устанавливать на рельсы.

Стрелок привстал на одно колено и с удивлением заметил:

— Они ставят его на рельсы... Вот зачем они пришли.

Он вскочил на ноги, его товарищ последовал его примеру.

— Зачем?! — воскликнул он. — Ведь у нас нет аэронавтов!

— А ведь они все-таки готовят его к полету, — сказал другой стрелок.

Он взглянул на свое оружие, на бойцов, сгрудившихся вокруг аэропила, вдруг обернулся к раненому и, передавая ему карабин и пояс с патронами, сказал:

— Побереги это, товарищ!

Через минуту он уже бежал к аэропилу. Добрую четверть часа он трудился, как каторжный, обливаясь потом, крича и подбадривая товарищей, и радостными возгласами вместе с толпой приветствовал окончание работы.

Он узнал то, что уже каждый знал в городе. Правитель, хотя и новичок в летном деле, хочет сам полететь на этой машине и идет сюда, не разрешая никому заменить себя.

«Тот, кто подвергается наибольшей опасности и берет на себя самое тяжелое бремя, тот и есть настоящий правитель!» — вот подлинные слова Правителя.

Стрелок с всклокоченными волосами и мокрым от пота лицом кричал во все горло. Но его крик потонул в реве толпы; издали доносились мощные, все нараставшие звуки революционного гимна.

Все расступились, и он увидел людской поток на лестнице.

— Правитель идет! Правитель идет! — кричала толпа.

Давка вокруг него усиливалась. Стрелок постарался протиснуться поближе к входу в центральный подземный туннель.

— Правитель идет!.. Спящий!.. Хозяин!.. Наш бог и повелитель! — редела толпа.

Вдруг показались черные мундиры революционной гвардии, и стрелок в первый и последний раз увидел вблизи Грэхэма. Высокий смуглый человек в развевающейся черной мантии, с бледным

энергичным лицом и напряженным взглядом. Он, казалось, ничего не видел и не слышал и шел, поглощенный своими мыслями...

Стрелок навсегда запомнил бескровное лицо Грэхэма. Через минуту лицо это скрылось в толпе. Какой-то подросток, весь в слезах, налетел на стрелка, отчаянно протискиваясь к лестнице и крича:

— Очистите дорогу аэропилу!

Резкий звон колокола подал сигнал толпе очистить летную станцию.

Грэхэм подошел к аэропилу, и на него упала тень от наклоненного крыла. Окружающие хотели сопровождать его, но он жестом остановил их. Он припоминал, как надо приводить в движение машину. Колокол звонил все громче и громче, и толпа стала поспешно отступать. Человек в желтом помог ему подняться в машину. Грэхэм взобрался на сиденье аэронавта и предусмотрительно привязал себя. Но что это? Человек в желтом показал ему на два аэропила, взлетевших в южной части города. Очевидно, они поднялись навстречу приближающимся аэропланам.

Самое труднее — это взлететь. Ему что-то кричали, о чем-то спрашивали, предостерегали. Но это только мешало ему. Он хотел сосредоточиться, припомнить свои недавние уроки авиации. Он махнул рукой и увидел, что человек в желтом скользнул между ребрами аэропила и скрылся и что толпа, повинуясь его жесту, подалась назад, за линию стропил.

Несколько секунд он сидел неподвижно, рассматривая рычаги, колесо, включавшее мотор, весь сложный механизм аэропила, который он знал так плохо. Он взглянул на ватерпас; воздушный пузырек находился прямо против него. Тут он вспомнил что-то и потратил несколько секунд на то, чтобы подать машину вперед, пока воздушный пузырек не оказался в центре трубки. Он заметил, что толпа притихла; криков больше не было слышно. Должно быть, она наблюдала за ним. Вдруг пуля ударилась в брус у него над головой. Кто это стреляет? Свободен ли путь? Он встал, чтобы посмотреть, и снова сел.

Внезапно пропеллер завертелся, и машина покатила вниз по рельсам. Грэхэм схватился за руль и дал машине задний ход, чтобы приподнять нос.

Толпа закричала. Грэхэм почувствовал содрогание машины. Крики сменились молчанием. Ветер ударил в стекло, и земля быстро стала уходить вниз.

Тук, тук, тук! Тук, тук, тук! Он поднимается все выше. Он совершенно спокоен и действует хладнокровно. Он поднял немного нос аэропила, открыл клапан в левом крыле и, описав дугу, взлетел еще выше.

Грэхэм спокойно посмотрел вниз, потом вверх. Один из аэропилов Острога пересекал линию его полета под острым углом, сверху вниз. Крошечные аэроавты, очевидно, наблюдали за Грэхэмом.

Что они затевают? Мысль Грэхэма энергично работала. Он заметил, что один из аэроавтов поднял оружие, очевидно, готовясь стрелять. Почему они хотят помешать ему? Вдруг он понял их тактику и принял решение. Медлить больше нельзя. Он открыл два клапана в левом крыле, сделал круг и, закрыв клапаны, ринулся прямо на врага, защищаясь от выстрелов носовой частью и ветровым щитом. Они свернули в сторону, как будто давая ему дорогу. Он круто поднял аэропил.

Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук. Он стиснул зубы, лицо его искажилось судорогой. Трах! Он протаранил сверху крыло вражеского аэропила. Крыло, казалось, расширилось от удара, потом медленно скользнуло вниз и скрылось из виду.

Грэхэм почувствовал, что нос аэропила опускается, Он схватился за рычаги, стараясь выровнять машину. Новый толчок — и нос опять круто поднялся кверху. На мгновение ему показалось, что он лежит на спине. Аэропил раскачивался, словно танцуя на месте. Грэхэм налег изо всех сил на рычаги, и наконец ему удалось подать машину вперед. Аэропил поднимался, но уже не так круто.

Передохнув, Грэхэм опять налег на рычаги. Ветер свистел вокруг него. Еще одно усилие — и аэропил выровнялся.

Теперь он мог передохнуть. Он опянул, желая узнать, что случилось с его противниками. Повернувшись на секунду спиной к рычагам, начал осматриваться. Сначала ему показалось, что враги его исчезли. Но потом он заметил между двумя аэродромами на востоке провал вроде колодца. Туда что-то быстро падало, точно шестипенсовая монетка.

Сначала он не понял, а потом его охватила дикая радость. Он закричал и стал подниматься все выше, в небо. Тук, тук, тук — пауза; тук, тук, тук.

«А где же другой аэропил? — мелькнуло у него в голове. — Они тоже...»

Он снова осмотрелся, боясь, что эта машина поднялась над ним, но вскоре заметил, что она опустилась на Норвудский аэродром. Очевидно, аэронавты готовились только к стрельбе и не хотели быть протараненными и ринуться вниз головой с высоты двух тысяч ярдов — такая отчаянная храбрость, вероятно, пришлась им не по вкусу. Они уклонились от боя.

Грэхэм покружился на высоте, затем, круто снизившись, направился к западному аэродрому. Тук, тук, тук. Тук, тук, тук... Начало смеркаться. Дым, поднимавшийся над Стритхэмским аэродромом, раньше густой и черный, превратился в столб пламени. Сети движущихся улиц, прозрачные крыши, купола и проходы между зданиями мягко сияли электрическим светом в закатных лучах.

Три аэродрома приверженцев Острога («Уимблдон-парк» был им бесполезен вследствие обстрела из Рохэмптона, а Стритхэм пылал в пожаре) зажгли сигналы для аэропланов.

Пролетая над Рохэмптоном, Грэхэм увидел темневшие внизу толпы людей. До него донеслись радостные крики, и он услышал свист пуль, долетавших из Уимблдона. Поднявшись выше, он полетел над холмами Сэррея.

Подул юго-западный ветер. Грэхэм поднял западное крыло и взвился кверху, в более разреженную атмосферу.

Тук, тук, тук, тук, тук, тук...

Он поднимался все выше и выше под ритмический пульс машины. Земля внизу стала туманной и неясной, а Лондон превратился в карту с огненными точками, в маленькую модель города почти на самом краю горизонта. Юго-западная часть неба блестела сапфиром над темной землей, загорались все новые звезды.

Но что это? На южной стороне, далеко внизу, показались две светящиеся точки, они быстро приближались, затем еще две и, наконец, целая эскадрилья быстро несущихся призраков. Грэхэм начал считать. Их было двадцать четыре. Передовая эскадрилья аэропланов. Сзади виднелась вторая линия.

Грэхэм описал полукруг, всматриваясь в приближающийся воздушный флот. Треугольник гигантских мерцающих призраков летел сравнительно невысоко над землей. Грэхэм быстро вычислил их скорость и повернул колесо, откатывавшее машину вперед. Он нажал на рычаг, и стук машины прекратился. Он начал падать вниз все быстрее и быстрее. Он целил прямо в вершину клина и падал вниз камнем, со свистом рассекая воздух. Через секунду он уже врезался в ведущий аэроплан.

Ни один из чернокожих пассажиров не заметил грозящей опасности и даже не подозревал, что над ними парит коршун, готовый ринуться на них с высоты. Те, кто не страдал от воздушной болезни, вытягивали шею, чтобы лучше рассмотреть беззащитный город, расстилавшийся внизу, в тумане, богатый и блестящий, который «масса Острог» отдал им на разграбление. Белые зубы сверкали, и черные лица лоснились. Они уже слышали о разгроме Парижа и собирались расправиться с «беднягами белыми». И вдруг Грэхэм протаранил аэроплан.

Он метил в корпус аэроплана, но в последний момент у него промелькнула счастливая мысль. Он свернул в сторону и с налета врезался в край правого крыла. Аэропил отбросило назад, и нос его скользнул по гладкой поверхности крыла аэроплана. Грэхэм почувствовал, что огромная машина мчится, увлекая аэропил. Но сразу не понял, что случилось. Потом услышал тысячеголосый крик и увидел, что его машина балансирует на краю громадного крыла аэроплана и скользит вниз. Взглянув через плечо, он увидел, что корпус аэроплана и противоположное крыло поднимаются кверху. Перед ним промелькнули ряды сидений, испуганные лица, руки, судорожно цепляющиеся за тросы. В крыле были открыты клапаны — очевидно, аэронавт пытался выровнять машину. Второй аэроплан круто взмыл вверх, чтобы избежать воздушного водоворота от падения гигантской машины. Широкие крылья взметнулись ввысь. Грэхэм почувствовал, что аэропил высвободился, а чудовищное сооружение, перевернувшись в воздухе, повисло над ним, как стена.

Грэхэм не сразу понял, что пробил крыло аэроплана, и соскользнул с него; он заметил, что падает вниз, быстро приближаясь к земле. Что он сделал? Сердце его стучало, как мотор, и несколько гибельных секунд руки были парализованы, и он не мог двинуть

рычагом. Потом он налег на рычаги, чтобы подать машину назад. Поборовшись несколько секунд с тяжестью аппарата, он все же заставил его выровняться и распластаться почти горизонтально. Тогда он пустил мотор.

Он посмотрел вверх и обнаружил, что два аэроплана парят высоко над ним; обернулся назад и увидел, что эскадрилья разлетелась в разные стороны, а протараненный аэроплан падает носом вниз и вонзается гигантским лезвием в колеса ветряных двигателей.

Он опустил корму и стал снова осматриваться, не забываясь о направлении полета. Он увидел, как раздались лопасти ветряных двигателей и огромная машина, перевернувшись колесами вверх, грохнулась на землю. Крылья расплющились, корпус разбился вдребезги. Тук, тук, тук — пауза!

Вдруг из груды развалин взлетел к небу тонкий язычок белого пламени. Тотчас же Грэхэм заметил, что к нему устремилось второе крылатое чудовище. Он взвился кверху и избежал нападения аэроплана, который со свистом пролетел внизу; образовавшийся вихрь увлек за собой аэропил и едва не перевернул его.

Грэхэм заметил, что три других аэроплана несутся прямо на него. Он понял, что ему необходимо таранить их сверху. Аэропланы, казалось, опасались его и описывали широкие круги. Они пролетали над ним, под ним, справа и слева. Где-то далеко на западе раздался взрыв, и к небу взвилось яркое пламя.

С юга приближалась вторая эскадрилья. Грэхэм поднялся выше. Аэропланы летели под ним, но несколько мгновений Грэхэм сомневался, достаточно ли высоко он взлетел. Затем обрушился на вторую жертву, и черные солдаты видели его приближение.

Огромная машина накренилась и закачалась в воздухе, обезумевшие от страха люди кинулись к корме за оружием. Засвистели пули, и толстое защитное стекло перед сиденьем лопнуло.

Аэроплан замедлил полет и начал снижаться, пытаясь уклониться от удара, но взял слишком низко. Грэхэм вовремя заметил ветряные двигатели на холмах Бромлея, несшиеся к нему навстречу, и, увернувшись, взмыл ввысь. В этот миг менее поворотливый аэроплан налетел на двигатели. Послышался тысячеголосый вой. Огромная машина врезалась в колеса ветряных двигателей и разбилась на куски,

как раздавленная раковина. Обломки разлетелись во все стороны. Ослепительное пламя взметнулось в темнеющий небосвод.

— Два! — крикнул Грэхэм, когда услышал грохот взрыва, и снова приготовился таранить.

Теперь его всецело захватила грандиозная борьба. Все сомнения его исчезли; он верил в светлое будущее человечества. Он боролся и был упоен сознанием своей силы. Аэропланы рассеялись в разные стороны, явно избегая его, и порой до него доносились крики их пассажиров. Он наметил третью жертву, ринулся на нее и ударил в крыло. Аэроплан метнулся в сторону и разбился о выступ лондонской стены. После этого столкновения Грэхэм пролетел так низко над потемневшей землей, что заметил даже зайца, в испуге метавшегося по холму. Затем взмыл кверху и пронесся над южной частью Лондона. Небо было пустынно. Только взлетали справа ракеты приверженцев Острога, подававших тревожные сигналы. Где-то на юге пылало несколько аэропланов, потерпевших крушение. К востоку, западу и северу улетали от него аэропланы. Они разлетались во все стороны, им более нельзя было здесь оставаться. Порядок уже нельзя было восстановить, и дальнейшие воздушные операции грозили бы катастрофой.

Грэхэм не сразу поверил, что он оказался победителем. Аэропланы отступали. Да, они отступали, они все уменьшались и уменьшались. Они улетали!

Он пролетел на высоте в двести футов над Рохэмптонским аэродромом. Там чернели толпы народа, и до него донеслись восторженные крики. Но почему в Уимблдон-парке тоже толпы и стоит такой гул? Дым и пламя, взлетающие над Стритхэмом, заслоняли три остальных аэродрома.

Грэхэм поднялся повыше и описал круг, чтобы посмотреть, что делается на этих аэродромах и в северных кварталах. Сперва из мрака выступили освещенные квадраты Шутерс-хилла, где аэропланы высаживали негров. Затем показался Блэкхиз и выступил из клубов дыма Норвуд. В Блэкхизе не приземлилось ни одного аэроплана, но на платформе стоял аэропил. В Норвуде чернела волнующаяся толпа.

Что случилось? Вдруг он понял. Отчаянная защита летной станции, очевидно, была сломлена, и народ ринулся в подземные пути, ведущие к этим последним твердыням Острога. С северной

окраины Лондона донесся торжественный, победный гул, раскатывающийся над городом, — выстрелила пушка.

Губы Грэхэма дрогнули, лицо вспыхнуло, он глубоко вздохнул и крикнул в пустынное небо:

— Они побеждают! Народ побеждает!..

В ответ на его крик грянул второй выстрел. Грэхэм заметил, что находившийся в Блэкхизе аэропил скользнул по платформе и круто поднялся вверх: повернув к югу, он вскоре скрылся.

Грэхэм понял, что это значит: Острог спасается бегством!

Тут он вскрикнул и бросился в погоню. Он быстро поднялся и сверху ринулся на врага. Но аэропил Острога круто взмыл кверху при его приближении, и Грэхэм промахнулся.

Аэропил Острога, как молния, промелькнул перед ним, и Грэхэм пролетел вниз. Неудача разозлила его. Он отвел машину назад и стал круто подниматься, описывая круги. Аэропил Острога летел вперед штопорным полетом. Грэхэм снова поднялся и быстро нагнал его. Аэропил Острога летел медленнее: там сидели двое.

Пролетая мимо, Грэхэм успел разглядеть своих врагов. Лицо аэронавта было спокойно и сосредоточенно, в чертах Острога застыла мрачная решимость. Острог отвернулся и смотрел куда-то в сторону — на юг. Грэхэму стало стыдно за свою неловкость. Внизу он разглядел возвышенность Кройдона. Он взмыл еще выше и вторично опередил своих врагов.

Он оглянулся, и внимание его было отвлечено другим. Восточная станция на Шутерс-хилле вдруг взлетела на воздух в языках пламени и окуталась дымовой завесой. Несколько мгновений она, казалось, висела неподвижно, выбрасывая из своих недр огромные металлические глыбы, затем клубок дыма начал разматываться. Народ взорвал станцию со всеми аэропланами. Снова вспышка пламени и туча дыма — это взлетела Норвудская станция. Вдруг Грэхэм ощутил сотрясение. Волна взрыва ударила в аэропил и отбросила его в сторону. Аэропил стал падать носом вниз и закачался, как бы собираясь перевернуться. Стоя у защитного стекла, Грэхэм изо всех сил налег на рычаг. Волна второго взрыва отшвырнула машину в сторону. Грэхэм вцепился в тросы, между которыми свистел ветер, ударяя вниз. Казалось, аэропил неподвижно повис в воздухе. Тут

Грэхэм понял, что он падает. Да, несомненно, падает. Ему страшно было взглянуть вниз.

Перед ним мгновенно промелькнуло все, что произошло со дня его пробуждения: дни сомнений, дни его власти и, наконец, холодное предательство Острога.

Он погиб, но Лондон спасен. Лондон спасен!

Все показалось ему сном. Кто же он в самом деле? Почему он так крепко держится за тросы? Разве нельзя разжать пальцы? Бесконечный сон сразу оборвется, и он пробудится.

Мысли проносились с быстротой молнии в его голове. Он удивился, почему он не сможет снова увидеть Элен. Какая это нелепость, что он ее не увидит! Да, это, несомненно, сон. Он, конечно, еще увидит ее. Она одна — не сон, а реальность. Он проснется и увидит ее.

И хотя он не смел заглянуть вниз, но чувствовал, что земля уже близко...

notes

1

Герой одноименной новеллы американского писателя В.Ирвинга (1783—1859), проспавший двадцать лет.

Г.Э.Беллами (1850—1898) — американский писатель, автор романа-утопии «Через сто лет».

Английский жаргон на Дальнем Востоке, смешанный с китайскими, малайскими, португальскими и другими словами.